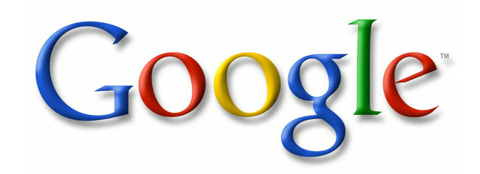
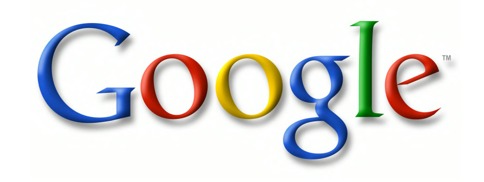

Google

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Е. РУМЯНЦОВА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Съ 2-мя хромолитографическими, 13-ю литографическими таблицами и 15-ю политипажами въ текстѣ.

МОСКВА.
1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 устава Общества. Москва. 16 Августа 1878 года.

Секретарь Общества **В. Румянцовъ**.

ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ VII.

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VII,

подъ редакціею В. Е. Румянцова,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

Съ 2-мя хромолитографическими, 14-ю литографическими таблицами и 14-ю политипажами въ текстѣ.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.
1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Serial V B

Author Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo.	~~Add. vol.~~ DK1.M5824 stk
Title Drevnosti. Tom 7:3. Added	on

Edition	Place Moskva,	Publisher Volume
Date of Publication 1878	No. Vols. 1 vol.	Series (66 p.)
No. Cop.	Price R. 20.00	for SR = V.7, pt.3

Req. by ~~WZ~~
Dept. ~~SLAVIC~~
Fund ~~RDP-S~~
Acct. No. ~~NLB-CCT~~
Shelve STACKS
Searcher: ms Date: 2/20/76

Order From: Exchange from SS
Other Info:
Cat: Spisok sent 12/1/76 41

GIFT & EXCHANGE DIVISION
CURATOR FOR RUSSIA & EAST EUROPE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

Please send.
- Thank you

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII ТОМА.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МИНІАТЮРЫ

ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ ПСАЛТИРИ IX ВѢКА

изъ собранія А. И. Хлудова

въ Москвѣ.

Д. Чл. Н. П. Кондакова.

Замѣчательная рукопись греческой Псалтири IX вѣка съ современными миніатюрами, прежде принадлежавшая покойному А. Н. Лобкову [1]), а нынѣ составляющая одно изъ лучшихъ украшеній извѣстнаго рукописнаго собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ, занимаетъ по праву весьма важное мѣсто въ исторіи византійскаго искусства и его иконографіи. Принадлежность рукописи IX вѣку [2]) доказывается столько же ея древнимъ уставнымъ письмомъ (которое, впрочемъ, цѣликомъ, но на томъ же пергаменѣ и по древнему почерку пере-

[1]) Рукопись эта въ малую четвертку, 169 л., привезена съ Аѳона покойнымъ В. И. Григоровичемъ въ 1847 г., и въ нуждѣ продана Лобкову за небольшую, сравнительно съ ея цѣнностью, сумму. Кстати замѣтимъ, что это происхожденіе рукописи съ Аѳона нисколько не указываетъ на мѣсто ея написанія, ибо художественная дѣятельность Аѳона развилась гораздо позднѣе.

[2]) Т. е., не позднѣе IX вѣка, потому что палеографическіе признаки лишь обще указываютъ на эпоху VIII—IX в. Извѣстно также, что Монфоконъ, установившій исторію этихъ признаковъ, условно принимаетъ IX вѣкъ, какъ границу древняго письма. О письмѣ рукоп. см. подробнѣе «Археологическія замѣтки о гр. Пс» Арх. Амфилохія, М. 1866, съ 14 табл. палеографическихъ снимковъ

писано въ XII вѣкѣ), сколько стилемъ ея миніатюръ и разными историческими указаніями, въ нихъ содержащимися. Такая древность и сама по себѣ даетъ Хлудовскому списку первое мѣсто въ средѣ греческихъ лицевыхъ кодексовъ Псалтири,[1]) по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, какъ напр. списокъ Барберинской Библіотеки, Лондонской и пр., относятся къ одной и той же редакціи, но, будучи позднѣе этого списка, могутъ считаться какъ бы его копіями. Эта редакція, нося на себѣ характеръ Псалтири «Толковой» въ самомъ содержаніи своихъ миніатюръ, и будучи, поэтому, явно богословскаго происхожденія, по художественному характеру примыкаетъ къ періоду VII—IX вѣковъ. Именно къ этой эпохѣ паденія античной манеры относится разрядъ рукописей, иллюстрированныхъ по полямъ малыми виньетками и еще не украшенныхъ ни заставками, ни живописной формы заглавными буквами [2]).

Такова же въ общихъ чертахъ и вся внѣшность Хлудовскаго списка. Художественная манера его миніатюръ, легкая и простая, владѣетъ древнею моделлировкою, хотя нѣсколько огрубѣлою, но все еще изящною и натуральною; она сама въ себѣ заключаетъ всѣ необходимыя условія для широкой иллюстраціи кодекса. Миніатюра довольствуется здѣсь композиціею краткою и ясною, не ища сложнаго натуралистическаго перевода; очеркъ фигуры дается немногими ясными контурами и, при богатствѣ тѣней и переходовъ, не нуждается еще въ той мучительно-мелкой механической штриховкѣ, которая появляется въ византійскомъ искусствѣ уже съ начала X вѣка. Рисунки исполнены не каллиграфомъ, но художникомъ, мастеромъ своего дѣла; правда, иныя миніатюры наложены слишкомъ обще и даже небрежно, мѣстами видна торопливость; [3]) но повсюду свѣжесть античнаго стиля, достоинство и изящество манеры выкупаютъ недостатки исполненія; самая манера указываетъ даже болѣе на VIII вѣкъ, нежели на IX, когда въ

---

[1]) Другой разрядъ лицевыхъ Псалтирей съ немногими, но пышно-широкой манеры миніатюрами, представляется древнѣйшимъ въ этомъ ряду кодексомъ Парижской Псалтири № 139, который по происхожденію своему или нѣсколько позднѣе IX вѣка, или современенъ нашей рукописи. О различіи этихъ редакцій, сходившихся только въ позднѣйшихъ спискахъ, см. въ соч. «Исторія византійскаго искусства по миніатюрамъ греческихъ рукописей». 1876, стр. 111—131, 146 сл.

[2]) Тамъ же, стр. 108 сл.

[3]) Въ указанномъ описаніи арх. Амфилохій на стр. 4 говоритъ: «Изображенія, въ сей Псалтири помѣщенныя, почти всѣ поновлены, по вторичномъ написаніи рукописи въ XII вѣкѣ, очень грубо» и пр. Это поновленіе мы нашли только въ двухъ, трехъ мѣстахъ, и считаемъ также, что знаки сносокъ на текстъ первоначальны. Не говоря о томъ, что подобныя поновленія ясно были бы видны и придавали бы совсѣмъ иной видъ миніатюрамъ, ихъ крайняя разрушенность, именно на первыхъ страницахъ и свѣжая сохранность второй половины свидѣтельствуютъ противъ догадки почтеннаго описателя.

искусствѣ вырабатывается поздне-византійскій мертвенный пошибъ и ремесленная схема рисунка замѣняетъ отсутствіе жизни блескомъ красокъ и условною правильностію фигуръ. Художественное воспитаніе миніатюриста Хлуд. Псалтири проявилось, однакоже, всего болѣе въ томъ чувствѣ мѣры и красоты, которое дало ему прежде всего пластически краткую и ясную композицію: въ ней только три—четыре фигуры, изъ нихъ главная легко выступаетъ на первый планъ; сюжетъ развитъ легко и свободно, можетъ быть,—иногда даже поверхностно; изображеніе событія, хотя бы сцены изъ страстей Господнихъ, чуждо вполнѣ болѣзненнаго, аскетическаго лиризма, который выступаетъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ Лицевой Псалтири и въ позднѣйшихъ византійскихъ миніатюрахъ является элементомъ разложенія античныхъ преданій, а, вмѣстѣ съ ними, и самого византійскаго искусства. Здѣсь, напротивъ того, самый выборъ предпочтительно юныхъ образовъ и фигуръ составляетъ всецѣло наслѣдіе могущественнаго и оригинальнаго развитія искусства въ предыдущую эпоху.

Въ этихъ рисункахъ, напоминающихъ еще живопись античныхъ вазъ, характерность и простота типовъ простирается даже и на безцвѣтныя обыкновенно изображенія толпы; среди нея выдаются особенно часто двѣ фигуры: старика, съ массивною плѣшивою головою и пучками волосъ на вискахъ и щекахъ, краснымъ вздутымъ лицомъ и толстымъ дряблымъ тѣломъ—образъ Силена, по прямой линіи сюда перешедшій,—и нѣжнаго круглолицаго юноши, полуребенка, съ яснымъ взглядомъ и розовыми щеками—типъ, котораго прелестью любуешься въ Вѣнскомъ кодексѣ Бытія IV—V вѣка. Привычка къ этимъ типамъ такъ сильна у рисовальщика, что въ одной сценѣ Распятія силенообразнымъ старикомъ онъ изобразилъ сотника Логина, а въ сценѣ сдѣлки съ фарисеями (л. 40 об., пс. 40, 8) такимъ юношею или ребенкомъ представленъ даже Іуда, тогда какъ рядомъ, въ сценѣ Тайной Вечери, онъ уже является со всѣми натуралистическими чертами дикой всклокоченной фигуры: съ рыжими волосами и бородою и лицомъ еврейскаго типа. Но если затѣмъ, въ этомъ же юношескомъ возрастѣ представляются воины, служители, апостолы (кромѣ Петра, Павла, Андрея и др.), особливо Матѳей, мученики вообще и св. Георгій въ частности; то византійскій миніатюристъ, въ своемъ качествѣ иконописца, преслѣдуетъ также и историческую правду и личную характеристику въ средѣ типовъ, доселѣ отмѣченныхъ въ искусствѣ только общими чертами.

Отсюда особенною оригинальностію и разнообразіемъ отличаются въ рукописи типы Евреевъ, и самыя ветхозавѣтныя лица представ-

ляютъ противъ искусства VI—VII вѣка натуралистическое разнообразіе. Таковъ типъ Давида, съ его маленькою опушающею бородкою, въ полномъ цвѣтѣ мужества, съ типичными еврейскими чертами лица; пророковъ Аггея и Захаріи, которые изображены сѣдыми и съ длинною бородою; Аввакума, который представленъ съ легкою бородкою [1]) и пр. Пусть варіаціи были только колебаніе и не получили особеннаго значенія въ самой иконографіи. Но, взамѣнъ того, типъ Христа въ этой Псалтири, строго развивая традицію, представляетъ важнѣйшее звено въ исторіи его перехода отъ мозаическаго образа VI в. къ поздне-византійскому, канонизованному типу X столѣтія. Христосъ неизмѣнно одѣтъ въ голубой хитонъ съ золотыми клавами и пурпурный гиматій, оставляющій открытыми только правую руку и плечо; лѣвая держитъ свитокъ, а правая благословляетъ всегда троеперстно, или греческимъ перстосложеніемъ, получившимъ позднѣе названіе именословнаго. Красивое лицо Христа обрамлено черными густыми волосами и маленькою бородою, начинающеюся отъ ушей и у подбородка слегка раздвоенною; еврейскій типъ выставленъ съ особымъ удареніемъ въ этихъ чертахъ, а на лбу отдѣляются двѣ пряди волосъ, составляющія въ послѣдующую эпоху странную и неизмѣнную принадлежность ветхозавѣтныхъ типовъ. Другіе иконографическіе типы удержали также древне-христіанскія черты: Богородица представляется юною, полною дѣвою, а I. Предтеча имѣетъ много сходства съ типомъ миніатюръ сирійскаго Евангелія, Лавр. б. 586 г.

Если, такимъ образомъ, нашъ памятникъ по типамъ представляется стоящимъ на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ искусства, древней и поздне-византійской, раздѣленныхъ другъ отъ друга художественною манерою, то и его содержаніе еще полно воспоминаніями знаменательныхъ событій VIII столѣтія и рисуетъ намъ характеръ религіознаго и умственнаго настроенія эпохи иконоборцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта редакція Псалтири, «толковой» въ самомъ выборѣ своихъ рисунковъ, составившаяся непосредственно послѣ эпохи иконоборства, даетъ намъ всѣ характерные признаки излюбленнаго богословскаго произведенія, назначеннаго для дѣйствованія на массу; какъ, съ одной стороны, оно пріурочено къ наглядному выраженію догмы и политической ея стороны, такъ въ цѣломъ направлено къ благому нравственному поученію. А эти признаки отличаютъ собой всю богословскую литературу эпохи иконоборства IX

[1]) См. под. же типы въ мин. ркп. Космы Индикоплова Ват. библ. въ указ. «Исторіи виз. искус. и иконографіи,» стр. 96. Ср. иные типы традиціоннаго характера въ изображеніи пророковъ Туринской библіотеки—рис. къ сочин. проф. Буслаева, въ Сборникѣ Общ. древнерусскаго искус. за 1866 г. къ стр. 86.

вѣка. Борьба съ ересями отнынѣ уже не ограничивается духовною іерархіею и соборами, но переходитъ въ народъ и общественную жизнь: политическія сочиненія противъ ересей принимаютъ съ VII вѣка форму изложенія ихъ исторіи, оглашенія и подробнаго объясненія для всѣхъ. [1]) И, конечно, наиболѣе выдающуюся роль въ развитіи общаго богословскаго интереса играла иконоборческая ересь, борьба съ которой велась слабымъ противъ сильнаго,—монашествомъ и народомъ противъ императоровъ, администраціи и солдатчины. Въ этой полемикѣ созрѣли и получили значеніе сочиненія I. Дамаскина, Θеодора Студита (особенно письма его), патріарховъ Германа, Никифора, Меθодія и друг.; вся ихъ литературная дѣятельность носитъ на себѣ отпечатокъ общественно-полемическій, широкій и сводится къ выясненію и утвержденію нравственныхъ правъ церкви, попираемыхъ деспотическою силою. Въ такую эпоху всеобщаго колебанія и борьбы за самыя завѣтныя догмы весьма понятно отсутствіе сочиненій по собственно-нравственному богословію: ихъ роль исполняютъ творенія Отцовъ Церкви, которыхъ чтеніе отнынѣ особенно распространяется между мірянами, житія Святыхъ (къ X в. относится первое уложеніе ихъ редакцій Симеономъ Метафрастомъ) и поучительныя посланія и письма. I. Дамаскинъ составляетъ изборникъ въ 300 слишкомъ главъ или титуловъ, названный имъ «Священными параллелями» [2]), въ которомъ онъ сводитъ изреченія Библіи и Отцовъ церкви по всевозможнымъ житейскимъ, церковнымъ и соціальнымъ вопросамъ: о благочестіи, милостыни, судѣ и правосудіи, чистотѣ жизни, мудрости житейской и пр., а также о лѣкаряхъ, пьяницахъ и злыхъ женщинахъ и т. д. Пусть исторія церкви видитъ въ этомъ писателѣ великаго догматика: подобныя сочиненія его играли въ свое время не менѣе важную роль, какъ и полемико-схоластическія.

Отсюда, въ частности, Псалтирь, игравшая въ Византіи роль практическаго нравственнаго кодекса, распѣвавшаяся благочестивыми людьми за работою,—иными каждый день, съ начала до конца,—или же монахами переписывавшаяся въ Великій постъ (таково свѣдѣніе о патріархѣ Меθодіи) цѣликомъ за каждую его недѣлю, должна была особенно выдаваться въ разрядѣ этихъ поучительныхъ сочиненій. Въ толковой Псалтири не только находила себѣ обширное примѣненіе любимая богословская задача—искать прообразовъ Новаго Завѣта въ Ветхомъ (τύποι τῶν νεῶν въ τὰ παλαιά), но и само богословіе

[1]) Леонтія схоластика ок. 610 г.—исторія ересей; I. Дамаскина руководство къ различенію ихъ, Фотія о Манихействѣ; под. же частныя сочиненія Максенція, Θеодора, Германа, Максима Исп., Анастасія и пр.

[2]) Patrol. cursus compl. ed. Migne, Ser. gr. t. 95.

изъ отвлеченной науки догматовъ переходило въ живое исповѣданіе вѣры и православія. Миніатюры, украсившія отнынѣ кодексы Псалтири, являются намъ наглядною замѣною философскихъ и нравственныхъ апоѳегмъ, и выражаютъ собою весьма чувствительно общее направленіе мысли. Такъ, редакція Хлудовской Псалтири съ ея дальнѣйшимъ развитіемъ въ кодексахъ Барберинскомъ, Лондонскомъ, Аѳонскомъ и др. выставляетъ какъ принципъ, не чистое богословское направленіе въ своемъ толковомъ содержаніи, но широкую задачу— придать богословскому поученію общегодность и наглядную убѣдительность.

Пользуясь неукоснительно всѣми пригодными мѣстами, миніатюры этихъ редакцій переносятъ цѣликомъ событія Новаго Завѣта въ объясненіе Псалмовъ, хотя бы ни одинъ толкователь не указывалъ въ данныхъ мѣстахъ пророческихъ указаній на будущее: благія цѣли вполнѣ оправдывали эту мѣру. Для иллюстратора Псалтири «звѣрь, живущій въ тростникѣ» (пс. 67, ст. 31, мин. на л. 65)—свиное стадо, въ которое вошли бѣсы, изгнанные Христомъ; выраженіе: «ревность моя по домѣ Твоемъ», пс. 68, 10, л. 66, представляется въ образѣ Христа, изгоняющаго изъ храма мытарей и продающихъ; «нѣтъ скудости боящимся Его», пс. 33, 10—миніатюра на л. 30 представляетъ чудесное умноженіе хлѣбовъ; «источникъ жизни», пс. 35, 10 л. 33, есть Христосъ, бесѣдующій съ Самарянкою; слова: «окропиши мя иссопомъ и очищуся», пс. 50, 9, л. 50, являются въ сценѣ умовенія ногъ ученикамъ (по толкователямъ, крещеніе); осторожность на слова и обѣщанія, пс. 38, 2, представлена въ поучительномъ примѣрѣ Ап. Петра клянущагося, и весь псаломъ 38-й съ слезнымъ моленіемъ Давида, ст. 13, слѣд., представленъ въ образѣ раскаянія Апостола, и множество другихъ случаевъ произвольнаго воплощенія евангельскихъ сюжетовъ въ простѣйшихъ словахъ Псалтири, которыхъ не находимъ ни у одного толковника ея. Понятно, что также и всѣ подходящія къ такой цѣли толкованія этихъ послѣднихъ вносятся предпочтительно въ иллюстрацію, что мы и будемъ наблюдать постоянно ниже; возьмемъ одинъ мелкій случай: пс. 67, особенно выдающійся между пророческими изреченіями, въ ст. 27 называетъ младшаго Веніамина, владыку Іудеевъ; и Аѳанасій Александрійскій, и Ѳеодоритъ [1]) единогласно указываютъ, что здѣсь должно разумѣть ап. Павла (б. изъ племени Веніаминова), призваннаго послѣ всѣхъ Апостоловъ, младшаго между ними,—образъ язычниковъ, принявшихъ христіан-

---

[1]) Аѳанасія толкованіе на пс. въ Patrol. c. compl ed Migne, ser. gr. t. 28. Ѳеодорита кир. еп. тамъ же т. 80.

ство и владычествующихъ надъ Іудеями. Миніатюра рисуетъ къ этому стиху икону Апостола съ подписью: «Веніаминъ».

Еще ярче выступаетъ общественная роль богословской полемики и такихъ ея орудій, какъ Лицевая Псалтирь,—въ нѣсколькихъ ея миніатюрахъ, относящихся къ иконоборству. Передъ нами явно, хотя и нѣтъ надписей, засѣданіе «нечестивыхъ» (л. 23 об., пс. 25, ст. 5) иконоборцевъ во Влахернахъ, въ эпоху гоненій Льва Армянина (815 годъ): императоръ, окруженный тѣлохранителями въ парикахъ, сидитъ на тронѣ выслушивая рядомъ сидящаго и вновь посвященнаго иконоборческаго патріарха Ѳеодота: патріархъ Никифоръ уже былъ въ это время въ ссылкѣ, а заключеніе въ темницу Ѳ. Студита послѣдовало скоро послѣ этого собора. Фигура императора отличается почти портретною натуральностью и типичностью восточной физіономіи: дикіе глаза, сверкающіе изъ подъ насупленныхъ бровей, густые локоны черныхъ, какъ смоль, волосъ охвачены тоненькимъ ободкомъ діадемы; рядомъ группа двухъ иконоборцевъ занята поруганіемъ иконы Христа въ кругломъ медальонѣ: одинъ одѣтый въ пенулу, насадивъ икону на древко, намѣренъ окунуть ее въ вазу съ кипящею смолою: это софистъ и пособникъ Льва Іоаннъ; его отличаютъ дыбомъ подымающіеся волосы; другой, подражая Іудею, подноситъ къ лику иконы губку: это второй пособникъ Льва, епископъ Игнатій; повсюду пятна и потоки крови (αἷμα). Тѣхъ же двухъ лицъ и за подобныхъ занятіемъ (безъ надписей) встрѣчаемъ внизу изображенія распятія на Голгоѳѣ (къ пс. 68, ст. 22): сцены поруганія иконы и распятія самого Христа представлены въ параллель другъ другу: Іудей подноситъ къ устамъ Христа губку, напитанную уксусомъ изъ близь стоящей вазы, а сѣдой сотникъ Логинъ, держа копье, дивится чуду. Оригинальная мысль сравнить злыхъ иконоборцевъ съ Іудеями, распявшими Христа, заимствована изъ извѣстнаго сказанія о «Страстяхъ Господней иконы», приписаннаго Аѳанасію Александрійскому, [1]) но завѣдомо подложнаго, хотя оно и было уже читано на 2-мъ Никейскомъ соборѣ. Это преданіе разсказываетъ, какъ однажды Іудеи въ Беритѣ ругались надъ иконою Христа, плевали въ нее и били, и, пробивъ гвоздями руки и ноги изображеннаго, тростью ударяли по головѣ Господа, подносили къ устамъ лика губку, напитанную уксусомъ, и наконецъ, пронзивъ бокъ Его копьемъ, дали совершиться новому чуду, ибо изъ бока истекла кровь и вода чудотворной силы. Разсказъ этотъ долгое время

[1]) Изд. въ соч. Аѳанасія, Patrol. c. c. ser. gr., ed. Migne, t. XXVIII, p. 798—824 въ четырехъ спискахъ.

читался въ Воскресеніе недѣли православія (первой недѣли Великаго Поста, въ которую праздновалось возобновленіе иконопочитанія), и былъ весьма распространенъ въ эпоху послѣдующую за иконоборствомъ [1]): его передаетъ Θ. Студитъ въ извѣстномъ письмѣ къ Императорамъ Михаилу и Θеофилу, которое, какъ исповѣданіе православія, было послано отъ лица всѣхъ іереевъ [2]). Тотъ же Θ. Студитъ [3]) приписываетъ, наконецъ, Іоанну и Игнатію два акростиха: Іоанна—Χριστοῦ τὸ πάθος ἐλπὶς Ἰωάννῃ; Игнатія—σταυρὸς Ἰγνατίῳ αἴνεσις, и миніатюра видимо обращаетъ это въ пародію.

Торжество православія является въ образѣ патріарха Никифора, въ нимбѣ, держащаго въ лѣвой рукѣ образъ Христа (къ пс. 25, ст. 4, на л. 23): полное возстановленіе иконопочитанія или только что совершилось во время составленія этой лицевой редакціи, или даже еще совершалось, почему въ Псалтири рядомъ съ Никифоромъ нѣтъ еще Θ. Студита, какъ въ ркп. Лондонской, въ которой этотъ наставникъ православія изображается еще къ пс. 63, 88 ст. 49 и др. Но также нѣтъ и св. патріарха Тарасія, и сокровенныя тому причины находимъ какъ въ миніатюрахъ, такъ и въ современной исторіи церкви. Въ памяти рисовальщика должна была еще свѣжа быть прикосновенность Тарасія къ Симоніанству, хотя бы какъ невольное участіе Тарасія въ рукоположеніи епископовъ и пресвитеровъ за деньги. Хотя самъ Θеодоръ Студитъ и примирился съ Тарасіемъ не только по прежнему его проступку въ согласіи на прелюбодѣйный бракъ Константина Копронима, но и въ послабленіяхъ патріарха симоніанамъ [4]), и убѣждалъ учениковъ и послѣдователей—«Студитовъ» (въ IX в. называвшихся акоймитами) не отступать отъ церкви, однакоже, по его смерти, въ церковной іерархіи явилась замѣтная рознь. Студиты считали все «священство» церкви оскверненнымъ, искали отложиться отъ нея и управляться самимъ, по своей волѣ—τῷ ἰδίῳ θελήματι. Такъ что патріархъ Меθодій (842—846), въ виду явнаго стремленія Студитовъ «отщепенцевъ»—судить патріарховъ и самимъ властвовать въ церкви, вынужденъ былъ пригрозить имъ соборнѣ анаθемою, если они сами, образумившись, не анаθематствуютъ прежняго разногласія Θ. Студита съ великими патріархами. [5]). Видно

---

[1]) См. Предисловіе къ изданію спурій Аθанасія, ib. стр. 18.

[2]) См. Письма Θ. Студ., изд. С. Петер. Дух. Академіи, 1867 г., стр. 514.

[3]) Въ соч. Θ. Студита, Patrol. graec. Migne t. 99, p. 477: ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῶν ἀσεβῶν ποιημάτων.

[4]) См. письма Θ. Студита, указ. изд., стр. 310 слѣд., гдѣ Преподобный совѣтуетъ своимъ слѣдить только за исповѣданіемъ вѣры, и принимать рукоположенныхъ епископами симоніанами, коль скоро не было вѣдомо первымъ происхожденіе ихъ священства.

[5]) См. любопытное посланіе п-ха Меθодія къ Студитамъ въ Patrol. ed. Migne. t. 100, p.

также, что въ самомъ монастырѣ Студійскомъ было несогласіе, и болѣе благоразумные монахи осуждали увлеченія посторонних Студитовъ [1]). Прямое указаніе на эти событія даютъ намъ двѣ замѣчательныя миніатюры: къ пс. 68, ст. 28; на л. 67 об. видимъ двѣ параллельныя сцены: фарисеи подкупаютъ двухъ воиновъ, стоящихъ на стражѣ Гроба, кругомъ надписи изъ текста Псалтири и Евангелія; ниже Симонъ волхвъ въ епископскомъ облаченіи, держа въ лѣвой рукѣ чашу съ деньгами, рукополагаетъ двѣ фигуры, протягивающія къ нему кошели; сзади Симона дьяволъ (φιλάργυρος δαίμων), нашептывающій ему въ ухо. Отношеніе сцены къ иконоборцамъ указывается остаткомъ подписи: καὶ τὴν τοῦ Χῦ εἰκονα ἀτιμάζοντ' προσθήκην τῆς ἀνομίας αὐτοῦ ἐργάζοντες, а также другою подобною же миніатюрою къ пс. 51, 9, на л. 51 об. и опять состоящею изъ двухъ параллельныхъ изображеній: Апостолъ Петръ стоитъ на поверженномъ волхвѣ Симонѣ, проклиная его сребролюбіе; внизу упавшая кружка съ разсыпанными монетами.

Ниже Никифоръ, держа въ лѣвой рукѣ образъ Христа, «указываетъ» на поверженнаго Іоанна, втораго «Симона и иконоборца». Имя Іанна не даромъ также замѣняетъ здѣсь Іоанна; этотъ ученый софистъ или грамматикъ, правая рука Льва, «его уста», но шутъ и волшебникъ «Леканомантъ»—въ глазахъ современниковъ (изображается поэтому въ миніатюрахъ съ волосами дыбомъ, какъ одержимый бѣсомъ), родомъ изъ Ассиріи. дѣйствительно, носитъ имя Іанниса въ полемическихъ сочиненіяхъ начала IX вѣка [2]), будучи недостоинъ называться Іоанномъ, по перифразу апостольскаго изреченія. На л. 35 об. къ пс. XXXVI, этотъ Іаннъ изображенъ вновь какъ сребролюбецъ и симоніанинъ: онъ держитъ въ рукахъ большой кошель; возлѣ него дьяволъ, дыханіе котораго выходитъ пламенемъ.

Итакъ, эти историческія миніатюры вводятъ насъ непосредственно въ самую среду знаменательнаго духовнаго и общественнаго движенія VIII—IX вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ его видимо съ узко-монашеской точки зрѣнія. Иконоборство изображается намъ наущеніемъ діавола, іудейскимъ предательствомъ церкви и Христа, исходившимъ изъ гнуснаго сребролюбія и алчнаго симоніанства; всѣ выгодныя стороны этого реформаціоннаго движенія, его блестящіе воен-

1298, 1295 etc. Исторически важныя слова патріарха: «ты монахъ, и не прилично тебѣ судить дѣла іереевъ, и ты долженъ повиноваться, а не подчинять себѣ другихъ и судить ихъ,» въ прим. къ указ. стр. Рукопись наша могла быть составлена послѣ 846 г., въ которомъ перенесены въ К-поль мощи Никифора.

[1]) См. житіе Θ. Студита, составленное его ученикомъ Михаиломъ, С. Петерб. изд., стр. 38—9.

[2]) Въ житіи Θеодора, Patrol. c. c. ed. Migne t. 99, p. 177: Ἰάννης, ἀλλ οὐχὶ Ἰωάννης, καλεῖσθαι ἄξιος; тоже въ лѣтописи Симеона, біографіи патріарха Меθодія и пр.

ные и административные успѣхи, строго моральныя задачи иконоборства, пытавшагося возвысить разлагающееся общество, искоренить суевѣріе въ народѣ, однимъ словомъ, нравственно—политическій характеръ борьбы исчезаетъ и стушевывается въ этой односторонней оцѣнкѣ. Но, признавая ея крайнее пристрастіе, можемъ ли мы поставить въ вину и осудить этотъ взглядъ противной партіи, еще живо чувствовавшей страшныя раны, нанесенныя церкви и обществу? И само иконоборство, исходя, быть можетъ, изъ разумныхъ политическихъ и административныхъ цѣлей, было только безплодною реформаторскою попыткою, съ самаго начала утратившею свои истинныя задачи и превратившеюся въ узкую религіозную борьбу.

Задавшись цѣлію всеобщаго преобразованія Имперіи, иконоборство сосредоточилось, однако, исключительно на борьбѣ съ клерикализмомъ и ограниченіи монастырей и ихъ привиллегій; «просвѣщенное и либеральное направленіе» [1]) кончило тѣмъ, что занялось «искорененіемъ всего, отвлекающаго подданныхъ Имперіи отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей, прежде всего суевѣрія, а затѣмъ и самаго образованія, какъ «безполезнаго въ государственномъ отношеніи» (слова Зампелія), и превратилось въ дикую солдатчину. И въ то время, какъ клерикальная партія, хотя дѣйствуя изъ личныхъ и сословныхъ интересовъ, опиралась на вѣковую культуру Византіи, наслѣдницы римской Имперіи, ничтожество политическаго знамени иконоборцевъ не было въ состояніи дать этой партіи той внутренней силы и нравственнаго права, которыя одни способны дать движенію истинный успѣхъ.

Рядъ фактовъ, нами встрѣченныхъ въ анализѣ историческихъ намековъ Псалтири, недаромъ, наконецъ, сосредоточивается на исторіи важнѣйшаго монастырскаго центра православія въ данную эпоху—знаменитаго Студійскаго монастыря. И если къ этому ряду побочныхъ доказательствъ Студійскаго происхожденія нашей редакціи Лицевой Псалтири мы пожелали бы имѣть прямое, то дальнѣйшая копія этой редакціи, заключающаяся въ Лондонскомъ кодексѣ, рядомъ съ патріархомъ Никифоромъ, изображаетъ и «преподобнаго отца» Ѳ. Студита.

При этомъ предположеніи монастырскаго происхожденія редакціи и непосредственнаго ея появленія по окончаніи періода иконоборче-

[1]) См. оцѣнку иконоборства въ этомъ смыслѣ въ соч. Шлоссера Geschichte der bilderstürmenden Kaiser, греческомъ соч. Зампелія и статьяхъ О. Іеромонаха Герасима: «Отзывы о св. Ѳотіи, п-хѣ К-скомъ, его современниковъ, въ связи съ исторіею политическихъ партій Виз. Имперіи.» Спб. 1874 г. изъ Христ. Чтенія за 1872 и 3 г, стр. 46, 49, 50 и пр.

скаго, объясняется и относительная бѣдность ея въ употребленіи привычныхъ формъ античнаго искусства,—по крайней мѣрѣ, сравнительно съ редакціею Парижскаго кодекса. Есть положительныя извѣстія, что иконоборство фактически сочетало съ своею тенденціею общую вражду противъ науки и классическаго образованія; преувеличенные, конечно, слухи утверждали, будто Михаилъ II (820—9) даже вовсе запретилъ обученіе дѣтей.

Но и побѣда православія, какъ справедливо замѣчаетъ о. Герасимъ, не повела за собою реформы внутренней; свѣтская образованность и ученость пали передъ прерогативами клерикаловъ; ханжество и святошество обвиняли науку въ волшебствѣ и, ссорясь изъ за привиллегій, не нуждались въ просвѣщеніи. Такимъ образомъ, задача поднять классическія основы образованія выпала въ послѣдующемъ періодѣ на долю свѣтской власти, и, дѣйствительно, нигдѣ мы не находимъ такой привязанности къ античнымъ формамъ искусства, въ особенности къ олицетвореніямъ, аллегорическимъ фигурамъ, которыми нерѣдко переполняется сцена, какъ въ пышныхъ рукописяхъ Македонскихъ императоровъ, каковы: Парижская псалтирь, Григорій Богословъ той же библ. № 510, Библія Ват. библ. Christ. № 1 и другія, представляющія миніатюры сходнаго стиля. Какъ ни блестящи античныя прикрасы, въ нихъ разсыпанныя, но онѣ не должны подкупать нашего сужденія объ истинномъ ихъ значеніи: онѣ мало или почти вовсе не вліяютъ на композицію, спутанную и безхарактерную; ихъ изящество какъ то странно уживается съ изможденною уродливостью и бездушно черствыми фигурами грубо натуралистическаго типа. Эти античныя сцены и формочки всего ближе напоминаютъ обильные классическіе обороты и фигуры среди безпорядочнаго и крикливаго хаоса рѣчей позднѣйшихъ византійскихъ писателей; они держались за такія книжныя хитрости, какъ за послѣдній обломокъ античной образованности, на которой воспитались великіе учители церкви и которая стала теперь мертвою пережитою схемою.

Но эта относительная бѣдность античныхъ деталей вознаграждается въ Хлудовской рукописи ясностью античной мысли и художественнаго представленія; она обусловлена вмѣстѣ съ тѣмъ обиліемъ иконографическаго матеріала, отложеннаго богатымъ движеніемъ религіознымъ и художественнымъ. Ибо мы имѣемъ въ лицевой Псалтири столько же произведеніе вообще художественное, но прошедшее сквозь богословское горнило, сколько памятникъ эпохи наиболѣе важной въ исторіи византійской иконографіи, когда искусство, занявшись исключительно разработкою созданныхъ прежде идеаловъ и образовъ, стремилось къ установленію полной иконографической системы.

Уже первая выходная миніатюра, изображающая Давида съ хоромъ музыкантовъ въ аркѣ портика, въ сводѣ котораго помѣщенъ образъ Спаса [1]), указываетъ намъ, какой почвы держится иллюстраторъ. Древнехристіанская идея представлять символически дѣло искупленія и новаго откровенія Бога человѣкамъ въ библейскихъ событіяхъ развилась здѣсь въ цѣлую систему мистическаго параллелизма лицъ и фактовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ принаровленную къ народному поученію. Такое мистическое откровеніе смысла священнаго писанія сообщаетъ изображеніямъ восторженный лирическій характеръ: мнимый произволъ иныхъ богословскихъ толкованій является по существу выраженіемъ идеальныхъ помысловъ и религіознаго одушевленія живописца на пользу общаго назиданія. Истощая прилежно запасъ богословскихъ толкованій, онъ и самъ творитъ далѣе въ данномъ направленіи и нерѣдко создаетъ образы высокіе и мысли увлекательныя; оставаясь простымъ и яснымъ, онъ избѣгаетъ многоглаголанія, а чувство эстетическое даетъ ему пластическую форму для выраженія наиболѣе трудныхъ сочетаній. Между этимъ жизненнымъ мистицизмомъ мыслящаго и образованнаго грека и болѣзненными хитросплетеніями позднѣйшей византійской иконописи и средневѣковаго искусства на западѣ такая же разница, какъ между изящною фигурою этой Псалтири и поздневизантійскими типами, пережившими свое содержаніе. Тѣмъ выше историческое значеніе этого мистическаго направленія, что оно касалось иконографіи евангельскихъ событій, ослабляя въ ней сухость новой исторической объективной манеры субъективною жизнью и воспитывалось современною литературою. Первая въ ряду евангельскихъ событій сцена Благовѣщенія (пс. 44 ст. 11, л. 45, къ словамъ: «слыши, дщерь» и пр.) даетъ намъ изящную миніатюру мистическаго содержанія; надъ головою Дѣвы спускается прилетѣвшій голубь; [2]) слѣва подходитъ Архангелъ, держа лабарумъ, а справа Давидъ обращается къ дщери Сіона; его мистическое присутствіе, какъ «прародителя Дѣвы и Бога», въ сценахъ Благовѣщенія и Введенія

---

[1]) Эта арка назначена символически представлять тріумфальную арку древней церкви, которая, отдѣляя пресвитеріумъ отъ лона церкви, обыкновенно украшалась въ смычкѣ свода изображеніемъ Христа въ медальонѣ, окруженномъ 4 евангелистами, или же 24 апокалипсическими старцами. Впослѣдствіи этотъ образъ Славы торжествующаго Христа въ миніатюрахъ византійскихъ и карловингскихъ былъ перенесенъ на Давида, а отъ него и къ изображенію самихъ императоровъ Востока и Запада; см. миніатюры въ изданіяхъ Даженкура, Лабарта, Луандра и др.

[2]) Замѣтимъ кстати самое положеніе голубя—горизонтальное, какъ вообще въ виз. иконографіи (хотя далѣе укажемъ и изображеніе птицы летящей головою внизъ), представившее графу Уварову (въ его письмѣ къ акад. Кунику) любопытные доводы противъ истолкованія извѣстнаго знака на древнерусскихъ монетахъ, какъ голубя слетающаго головою внизъ.

во храмъ и др. рисуется въ краснорѣчивыхъ тирадахъ бесѣдъ [1]) о Богородицѣ патріарха Германа.

Еще замѣчательнѣе миніатюра, изображающая на л. 85 «Цѣлованіе» или встрѣчу Маріи съ Елисаветою, какъ прототипъ извѣстной композиціи этой сцены съ преклоненіемъ Младенца Іоанна; сюжетъ даетъ не только буквальное воспроизведеніе текста, какъ понимаетъ Пиперъ, издавшій рисунокъ сцены изъ Лондонскаго списка Псалтири [2]), но и новую варіацію мысли о преклоненіи Ветхаго Завѣта передъ Новымъ, по поводу соотвѣтствующаго текста пс. 84, ст. 11: «милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются». Аѳанасій въ истинѣ указываетъ Дѣву, а Ѳеодоритъ замѣчаетъ, что милость также даетъ правду, какъ Елизавета рождаетъ Іоанна, а истина производитъ миръ, какъ Марія—Христа. Сцена Рождества (л. 2 об. пс. 2, ст. 7) представляетъ обычную, со временемъ Ѳеодорита, пещеру—вертепъ, и Младенецъ являетъ собою свѣтъ, возсіявшій въ немъ, какъ говоритъ Левъ Мудрый въ рѣчи на Рождество. Срѣтеніе (л. 163 об., къ гимну Симеона) происходитъ у престола, за которымъ Симеонъ принимаетъ Христа, какъ новую жертву Евхаристіи. Также и Бѣгство ея въ Египетъ изображено въ обычномъ переводѣ, тождественномъ съ мозаикою св. Марка; въ принятой формѣ представлено и Искушеніе отъ діавола (л. 92 об., пс. 90, ст. 11).

Важнѣе въ символико-мистическомъ направленіи иконографія двухъ миніатюръ Крещенія Іисуса: въ одной (л. 117, пс. 113, ст. 5) видимъ «Іорданъ, обратившійся вспять»—фигуру старика въ коничеcкой шапкѣ, съ жестами страха; въ другой слова: «стерлъ еси главы» и пр. (пс. 73, ст. 13, л. 72 об.) послужили основаніемъ къ изображенію двухъ обезглавленныхъ водныхъ чудищъ; эта сцена представляется, послѣдовательно, оригиналомъ позднѣйшихъ мистическихъ изображеній Крещенія, какъ побѣды надъ зміемъ [3]). Въ обѣихъ миніатюрахъ наконецъ Креститель воздѣваетъ руки, моляся, согласно съ переводомъ сюжета, какъ «Богоявленія»—Епифаніи. Въ общемъ характерѣ своемъ рисунокъ обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ миніатюрами Сирійскаго Евангелія VI вѣка.

Всепрощающая любовь Христа представлена разомъ въ сводной сценѣ: Христосъ обращается къ мытарю Закхею, помѣстившемуся

---

[1]) Patrol. ser. gr. t 98, p. 298.

[2]) Въ ст. «Joh. d. Täufer in d. griech. Kunstvorstellungen» въ «Evangel. Kalender» 1863, p. 59—68.

[3]) Та же мысль ранѣе выражена въ изображеніи побѣднаго креста въ видѣ пальмы, утвержденной на головахъ двухъ драконовъ, см. ампуллы Монцскаго собора, изд. у Frisi, Memorie storiche di Monza, т. I, tav. 5, p. 30.

на деревѣ, а внизу, припавъ къ ногамъ Христа, блудница и истекающая кровью получаютъ отъ Него прощеніе и исцѣленіе (л. 84 об., пс. 83, 12).

Оставляя въ сторонѣ немногія миніатюры со сценами чудесной жизни Іисуса: Преображенія (л. 88 об., пс. 88, 13), Умноженія хлѣбовъ, Утишенія вѣтра и моря (пс. 88, 10), Исцѣленія болящихъ (пс. 101, 4), Изгнанія изъ храма торгующихъ, бесѣды съ Самаритянкою (л. 33, пс. 35, ст. 10), при которой также присутствуетъ Давидъ,—и др., обратимъ вниманіе на миніатюры Страстей, которымъ рисовальщикъ посвятилъ особенно много рисунковъ.

«Страсти» всегда занимали собою миніатюристовъ, и самый рядъ сценъ этого содержанія цѣликомъ сложился въ лицевыхъ рукописяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, монументальное искусство въ древнюю эпоху знаетъ лишь очень немногіе сюжеты изъ Страстей Господнихъ, какъ видно въ равеннскихъ мозаикахъ церкви св. Аполлинарія Новаго, иллюстрирующихъ Евангеліе. Вотъ почему композиціи этихъ сюжетовъ въ мозаикахъ св. Марка въ Венеціи явно копируютъ мелкіе оригиналы миніатюрнаго производства и отличаются въ подробностяхъ сильнымъ натурализмомъ, позднѣе присущимъ именно этому производству. Въ миніатюрахъ Хлуд. Псалтири многія сцены отличаются жизненною и историческою правдою, но общій характеръ ихъ слишкомъ вспоминаетъ старыя схемы и набросаны поверхностно.

Такъ, въ первой миніатюрѣ этого ряда—Умовеніе ногъ на Вечери (л. 50 об., пс. 50), Христосъ (надпись: ὁ νηπτήρ) является въ одномъ хитонѣ и подвязанъ передникомъ, согласно съ своимъ служеніемъ и самымъ текстомъ. Слѣдуютъ сцены: Моленія Христа (т. 68, 10), бесѣды съ Петромъ (л. 37 об., пс. 38, 2), изображеніе Петра кающагося, предъ пѣтухомъ (л. 38 об., пс. 38); двухъ лжесвидѣтелей на Христа передъ судомъ (пс. 34, 11, л. 31 об.); уговора Іуды съ старѣйшинами (пс. 40, 8, л. 40 об.); взятіе Іисуса воинами, въ двухъ миніатюрахъ: одна представляетъ воиновъ павшихъ (пс. 35, л. 33 об.), другая (пс. Исаіи, 38, 10, л. 38)—Исаію пророчествующаго и Христа, уводимаго воинами (пс. 55, ст. 7, л. 51 об.) и пр. Ближайшая характеристика этихъ рисунковъ заключается въ близости съ изящными античными эскизами упомянутыхъ равеннскихъ мозаикъ.

Напротивъ того, двѣ миніатюры Тайной Вечери даютъ двоякій, историческій и символическій переводъ этого сюжета. Въ первой миніатюрѣ (пс. 109, 4, л. 109) изображенъ моментъ открытія предателя; тѣсно сидящія за столомъ (въ видѣ сигмы С) фигуры

Апостоловъ обращены къ Христу и видны только по грудь; Христосъ сидитъ въ профиль, обращаясь къ Іудѣ, помѣщенному на противуположномъ концѣ стола и опускающему руку въ солонку; Іоаннъ съ боку Христа; посреди стола, въ большой патерѣ, на подножкѣ, символическая рыба [1]); въ сторонѣ—большой античный свѣтильникъ. Другая миніатюра (л. 111, пс. 109, 4) изображаетъ Причащеніе Апостоловъ, подъ двумя видами: Христосъ, стоя подъ киворіемъ за престоломъ, раздаетъ куски благословеннаго хлѣба, а слѣва стоитъ другая группа, причащающаяся изъ потира; по сторонамъ—Давидъ и Мельхиседекъ, послѣдній приноситъ хлѣбы и вино. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь древнѣйшее изображеніе символическаго сюжета, перешедшаго въ X и XI вѣкахъ въ мозаики алтарей Сициліи, Кіево-Софійскаго собора и пр. [2]), и миніатюра [3]) служитъ посредницею между чистымъ символизмомъ равеннскихъ церквей (мозаики [redacted] нишѣ св. Виталія, Аполлинарія во Флотѣ изображаютъ священнодѣйствіе Мельхиседека, трапезу Авраама и пр.) и позднѣйшими литургическими формами. Основаніемъ для этого перехода послужили: Іерусалимскаго патріарха Софронія Толкованіе на литургію [4]) и Германа Константинопольскаго Церковная практика и мистическая теорія [5]).

Символика въ изображеніи Распятія, кромѣ описанной выше сцены съ иконоборцами, даетъ двѣ столь же любопытныя композиціи: къ пс. 73, ст. 12, спасеніе среди земли представлено въ сценѣ смерти Спасителя на Крестѣ, утвержденномъ на Голгоѳѣ—«средоточіи земли», который и представленъ буквально подъ крестомъ въ видѣ большаго пупа. «Что Лобное мѣсто, говоритъ Андрей Критскій [6]), находится въ центрѣ земли, въ томъ никто не сомнѣвается; ибо было необходимо, чтобы спасительное знамя было утверждено въ срединѣ всей земли» и пр. Самая смерть І. Христа представляетъ [redacted], прободающаго бокъ, но Христосъ изображенъ живымъ и съ открытыми глазами. На Христѣ запона на чреслахъ, а не обыкновенный

---

[1]) Ср. мозаику ц. Аполл. Нов. въ Равеннѣ: Іуды нѣтъ; Христосъ благословляющій—лицомъ къ зрителю; и Онъ, и Апостолы возлежатъ; но тотъ же столъ сигмою, рыбы на блюдѣ и пр. Рис. въ изд. Rohault de Fleury, L' Evangile t. II, 73. pl. Копія въ миніатюрѣ Ват. код. Пизы XII в., ibid. pl. 74, 3.

[2]) См. въ изд. Gravina, Marzo, Buscemi и пр.; изд. Кіевскихъ мозаикъ.

[3]) Миніатюра Париж. греч. Ев. № 74, Rohault de Fleury, ib. pl. 74, 1. «Исторія виз. иск. и иконографіи», стр. 239.

[4]) Изд. въ Spicil. Roman. Кард. А. Маи, т. 4.

[5]) Patrol. gr. ed. Migne, т. 98, стр. 383—454. Словомъ «практика» переводимъ по необходимости выраженіе «Ἱστορία Ἐκκλησιαστική».

[6]) Гомилія на Успеніе, Migne Patrol. gr. t. 97, p. 1043.

длинный колобій, въ которомъ Іисуса изображаютъ другія миніатюры, и эту черту, пожалуй, можно бы было отнести къ позднѣйшей передѣлкѣ [1]).

Другая миніатюра предлагаетъ сцену Распятія въ развитой исторической обстановкѣ, среди двухъ разбойниковъ [2]), въ моментъ уже наступившей смерти Христа (къ пс. 45, ст. 3, «поколебалась земля» и пр., л. 45 об., по Ев. Луки XXIII, 45, Матѳ. XXVII), землетрясеніе и затмѣніе солнца; два воина подходятъ перебить голени у разбойниковъ; возлѣ—толпа старѣйшинъ въ широкихъ одеждахъ, съ лоронами, и Іудеевъ въ страхѣ, а въ сторонѣ и двое эллиновъ: учитель философъ—благообразный мужчина въ пурпурной хламидѣ, держа на лѣвой рукѣ свитки своихъ сочиненій, бесѣдуетъ съ Апостоломъ, выражая изумленіе, а рядомъ молодой и впечатлительный ученикъ мудреца указываетъ ему на чудо. Оригинальная и живая мысль грека—въ сценѣ Распятія совмѣстить и начало исторіи церкви, и ея развитіе въ средѣ языческой.

Въ этой же Псалтири впервые встрѣчаемъ и Положеніе во гробъ [3]) (пс. 87, 7, л. 87) спеленатаго Христа, и три интересныя миніатюры Воскресенія: въ двухъ (л. 6, пс. 7, 8) Давидъ стоитъ передъ полулежащимъ Христомъ (л. 9 об., пс. 9), или наивно прислушивается у запертыхъ дверей Гроба: въ третьей (л. 26 об., пс. 30, 5) Христосъ, уже воскресшій, стоитъ возлѣ Гроба; сзади Давидъ, а внизу двое павшихъ на землю воиновъ.

Какъ сцена, утвердившаяся въ иконографіи съ значеніемъ Воскресенія,—Сошествіе Христа во адъ [4]) изображено въ Псалтири дважды, съ надписью: ἀνάστασις τοῦ Ἀδάμ: Христосъ представленъ въ голубомъ ореолѣ съ лучами, а Адамъ и Ева стоятъ на поверженномъ адѣ—колоссальной человѣческой фигурѣ, съ волосами дыбомъ и уродливыми чертами лица (пс. 67, 7, л. 63 об.).

Наконецъ оригинальная миніатюра къ пс. 101, ст. 14 изображаетъ воскресшаго Христа спѣшно идущимъ въ «святой Сіонъ», по повер-

[1]) Ср., впрочемъ, замѣчательную греческую филенку слоновой кости, съ тою же сценою Распятія и древнехристіанскимъ переводомъ Воскресенія, по стилю относящуюся въ VI или VII стол. Слѣпокъ Арундел. Общ. каталогъ Ольдфильда, IV с.

[2]) Странная и непонятная подробность, быть можетъ, случайнаго происхожденія: бородатая голова злаго разбойника помѣщена у него на груди, какъ бы отрубленная. Игра ли рисовальщика, или случайно сдвинувшаяся краска?

[3]) Ср. рѣчь Германа, изд. въ Patrol. c. c. s. gr. ed. Migne, t. 98, p. 288, особенно похвалу Іосифу и Никодиму—истиннымъ гостепріимцамъ Бога, славнѣйшимъ Авраама; въ миніатюрѣ оба имѣютъ нимбы.

[4]) Дидронъ, Manuel de l'iconographie, p. 199, прим., указываетъ, что сюжетъ сложился по Евангелію Никодима. Вообще, это апокрифическое Евангеліе имѣло значительное вліяніе на христіанскую, и особенно византійскую иконографію.

женному въ саркофагѣ діаволу—образу попранной смерти; Сіонъ представленъ въ видѣ храма съ тремя абсидами, изъ за котораго видна фигура олицетворенія города въ типѣ Богородицы, но безъ нимба. Сюжетъ, сколько извѣстно, мало повторявшійся.

Между послѣдующими евангельскими событіями: посланіемъ учениковъ на проповѣдь (пс. 95, л. 96 обор.), сценою Вознесенія (пс. 17, л. 14; пс. 56, л. 55 об., и пс. 46, л. 46 об.), изображеннаго нѣсколько разъ въ установленномъ типѣ, съ 4 ангелами, несущими Христа въ ореолѣ, Богородицею среди Апостоловъ, въ масличномъ саду и пр., или въ видѣ Христа возсѣдящаго на престолѣ (л. 90, пс. 88)—изображеніе извѣстное въ эту эпоху подъ именемъ «Агоноѳета», и пр..—наиболѣе интереса предлагаетъ сцена Сошествія св. Духа (пс. 65, ст. 10, л. 62 об.). Апостолы, съ Петромъ и Павломъ во главѣ, сидятъ, благословляя, въ рядъ по сторонамъ престола, на которомъ находится раскрытое Евангеліе и почивающій на немъ св. Духъ; огненные языки сходятъ съ неба въ лучахъ. Символическая обстановка сцены изображаетъ, слѣдовательно, Церковь уготованную на землѣ, въ видѣ «гетимасіи»—престола съ Духомъ въ Церкви пребывающимъ послѣ Христа [1]), и сохраняетъ, такимъ образомъ, идеи, выработанныя древнѣйшими мозаиками.

Псалтирь Хлудовская, какъ выше было замѣчено, еще не вноситъ послѣ Апостольской проповѣди (л. 17, пс. 18—Апостолы учащіе; крещеніе евнуха Филиппомъ л. 65, пс. 67) въ свои параллели послѣдующей исторіи христіанской церкви на землѣ: древнехристіанскія религіозныя воззрѣнія еще остаются во всей силѣ. Такъ «Святые» изображены (л. 11 об., пс. 15) какъ праведные безъ нимбовъ, въ хламидахъ и пенулахъ, тогда какъ «Святые мученики» (пс. 67, л. 66 об.) въ пышно широкихъ хламидахъ, съ крестами, всѣ юные, имѣютъ сіянія. Вотъ почему вмѣсто разнообразныхъ изображеній Святыхъ въ Лонд. кодексѣ, въ нашей рукописи встрѣчаются лишь фигуры Столпника (пс. 4, л. 3 об.), Пантолеона, мученіе юнаго Георгія на колесѣ (пс. 44, л. 44) и чудо св. Евстафія Плакиды. Мученическая судьба этого Траянова полководца, его обращеніе въ христіанство явленіемъ ему Лика Христа между рогъ оленя, бѣдствія, уподобившія прежняго счастливца страдальцу Іову, и романическая исторія долгой разлуки съ близкими и свиданія съ ними передъ кончиною, дѣлали изъ этого житія, редактированнаго въ теченіи VIII—IX стол. (приписывалось І. Дамаскину) трогательную повѣсть. [2]) Миніатюристъ

[1]) Мозаика Софіи Константинопольской: Salzenberg, Die altchr. Denkm. in Const. Bl. 31. «Исторія виз. иск. и иконогр.» стр. 180.

[2]) Ср. современные и позднѣйшіе романы и повѣсти сантиментальнаго направленія въ

(пс. 96, л. 97 об.) воспользовался намекомъ Псалтири, чтобы сопоставить «свѣтъ» Лика со свѣтомъ, возсіявшимъ Петру въ темницѣ. Изъ дѣятелей христіанства миніатюра (пс. 59, л. 58) изображаетъ Константина на разубранномъ конѣ, повергающаго враговъ, одѣтыхъ во фригійскіе шапки; фигура императора замѣчательна римскимъ костюмомъ и рыжеватымъ парикомъ; общее впечатлѣніе отличается античнымъ изяществомъ.

Св. І. Златоустъ (пс. 48, уста мои, л. 47 об.) является представителемъ Отцевъ Церкви и замѣчателенъ своимъ типомъ, чуждымъ аскетической худобы позднѣйшей иконографіи.

Миніатюры Псалтири, берущія свое содержаніе изъ Ветхаго Завѣта, или иллюстрируютъ историческую канву Псалтири въ жизни самого Давида, или предлагаютъ подобный же рядъ параллелей, какъ и сцены Новаго Завѣта; но и тѣ и другія немногочисленны. Жизнь Давида взята съ ея романической и вмѣстѣ поучительной стороны: его возвышеніе, по произволенію Бога, изъ пастыря на царство, его благочестіе и пророческій даръ (въ миніатюрахъ къ пс. 17, л. 13 об. помазаніе къ пс. 88, битва съ Голіаѳомъ—л. 148, жизнь среди стадъ—л. 24, пс. 26, л. 147 и пр.), чудесное храненіе его на всѣхъ путяхъ (жизнь юноши близъ Саула и преслѣдованія Саула въ мин. на л.51 52, 55, 56, 58 и пр.; исторія Авессалома къ пс. 3), его заблужденія и искреннее покаяніе (пс. 6, л. 5). Миніатюры отличаются античною краткостью. Типъ самого Давида представляетъ интересное выраженіе добродушія; лицо съ широкими скулами и большими глазами, маленькая черная борода, густые волосы шапкою; на головѣ высокая діадема или стефаносъ.

Ближайшею параллелью къ исторіи Давида представляется жизнь Іосифа (пс. 104, л. 106), а ихъ сопоставленіе въ византійскомъ искусствѣ IX—XIII стол. есть любимая мысль церковной росписи и украшеній домашней утвари [1]). Къ псалмамъ 75, 81, 104, 105 рядъ сценъ иллюстрируетъ исходъ Евреевъ изъ Египта въ краткихъ схематическихъ рисункахъ, не имѣющихъ особеннаго значенія; любопытнѣе другихъ сцены поклоненія и жертвоприношенія Евреевъ Белу, на л. 109, 117: идолъ представленъ въ видѣ Юпитера, стоящаго со скипетромъ въ рукѣ; гиматій полуприкрываетъ нагое тѣло. Столпотвореніе (пс. 95, л. 96) представляетъ античную многоэтажную стою изъ колоннъ; не-

Византіи: сказаніе о Варлаамѣ и Іоасафѣ, Аполлоній Тирскій, Родантa и Досиклъ XII в., Дросилъ и Хариклея и пр.

[1]) Ср. средневѣковыя виз. мозаики въ Италіи, а также любопытные барельефы ларца въ Санѣ, VII—VIII стол, изъ слоновой кости, проводящіе въ подробной параллели жизнь Давида и Іосифа. Изд. Арундельскимъ общ. въ слѣпкѣ, каталогъ Ольдфильда, VIII A.

многія сцены изъ исторіи Патріарховъ и Пророковъ интересны по типамъ и тому же параллелизму съ новозавѣтными событіями. Таковы сцены: послушанія Авраама и жертвоприношенія Исаака (л. 105, пс. 104), гостепріимства Авраамова (л, 49 пс. 49) [1], Вознесенія Иліи, которое, при живописной манерѣ расположенія сцены, отличается всѣми чертами и подробностями древнехристіанскаго представленія [2]), съ олицетвореніемъ старца—Іордана, пускающаго изо рта воду. Далѣе: Даніилъ, лежа на пышномъ античномъ ложѣ, пророчествуетъ о великой горѣ—Сіонѣ (см. ниже), на которой утвержденъ образъ Знаменія, а справа, около озера (λίμος) подъ горою, Давидъ воздѣваетъ руки къ образу. Изображеніе Анны, съ Самуиломъ на рукахъ, по богословскимъ мотивамъ прообразуетъ высшее рожденіе: Дѣву съ Младенцемъ. Пророкъ Аввакумъ—лицо спеціально интересующее византійское богословіе и искусство—вмѣстѣ съ Давидомъ (49, л. 78) покланяется образу Спаса, и въ знаменательной сценѣ, которая можетъ служить лучшимъ образцомъ древней иконописи, какъ одна изъ самыхъ удачныхъ ея мыслей, пророчествуетъ о Христѣ: указывая вверхъ на образъ Спаса, «приходящаго съ полудня,»—ἀπὸ μεσεμβρίας ὁ χ̄ς, онъ стоитъ и на божественной стражѣ между солнцемъ восходящимъ (ἀ ατολή) и заходящимъ за гору (δύσις). Кромѣ любопытнаго типа Аввакума (см. выше), Аггея сѣдаго и пр., мы встрѣчаемъ, между (пс. 98, л. 98 об.) священнослужителями библейскими, какъ будто скопированными съ миніатюръ ркп. Ватик. б. Космы Индикоплова, Моисея съ бородою,—что ясно оттѣняетъ намъ символическую идею юнаго Пророка какъ добраго пастыря.

Въ общемъ, и вся символика Хлудовской Псалтири слѣдуетъ канвѣ, сотканной еще древнехристіанскимъ искусствомъ на античномъ преданіи: мы встрѣчаемъ здѣсь и олицетворенія: рѣкъ [3]) Іордана, также Іора, Дана (л. 75 об, пс. 76); Вавилонскихъ рѣкъ, льющихъ воду изъ сосуда или изо рта, вѣтровъ (юноша дующій въ трубу на нечестиваго, л. 2); въ сценѣ утишенія бури Христомъ (пс. 88, л. 88), вѣтеръ изображенъ съ трубою, закрывающимъ себѣ ротъ, это юноша въ рубашкѣ и колпакѣ; къ пс. 134, четыре вѣтра (образъ 4 Евангелій), моря (женская фигура въ той же сценѣ къ пс. 88), Святаго града Іерусалима (въ

---

[1]) Верхъ миніатюры срѣзанъ,—къ сожалѣнію, самое изображеніе Троицы; но одна подробность указываетъ намъ, какъ близка эта сцена къ древнѣйшимъ мозаикамъ: въ С. Витале въ Равеннѣ Авраамъ несетъ жаркое—цѣлаго быка: эта наивность, вызванная какими-то потребностями иконописи и преданію, здѣсь замѣнена лежащимъ быкомъ.

[2]) Ср. особенно сцену на саркофагѣ, миніатюрѣ Космы Инд. Ват. б., изд. у Даженкура, и барельефъ дверей баз. Сабины, въ моей статьѣ въ Revue Archéol., 1877 г. іюнь.

[3]) Рѣки изображаются также въ причудливыхъ шапкахъ съ лентами—изъ которыхъ позднѣе миніатюристы сдѣлали рога.

сценѣ съ Давидомъ, женская фигура въ императорской туникѣ съ лоронами и діадемѣ). Но изображеніе милосердія въ видѣ женской фигуры и вмѣстѣ широковѣтвистаго древа, раздающей деньги монахамъ и нищимъ (пс. 36, л. 35), уже отличается поздне-византійскою манерою.

Важнѣе образъ ада: въ видѣ античнаго Силена, колоссальная фигура плѣшиваго старика, съ обрюзглымъ, тучнымъ тѣломъ, съ саркастическою улыбкою, забирающаго толпы грѣшниковъ (л. 8, пс. 9); любопытная миніатюра (л. 102 об., пс. 105) представляетъ освобожденіе ангеломъ души изъ поверженнаго ада—прямо изъ его оскаленной пасти [1]. Также изображаются и прислужники ада, οἱ ἐχθροὶ τοῦ θεοῦ,—черти, хотя рядомъ съ человѣческою фигурой демона видимъ уже мохнатыхъ и крылатыхъ страшилищъ (л. 63, пс. 67).

Но богословская тенденція воспользовалась этою символическою струею для своихъ особыхъ цѣлей и превратила ее въ широкій потокъ аллегорій. Правда, и въ этой сферѣ находимъ мѣстами древне-христіанскую простоту и ясность: образъ крещенія, построенный на изреченіи Псалтири объ оленѣ, «стремящемся къ источнику водному», представляетъ намъ (пс. 41, л. 41) Давида и оленя по сторонамъ купели,—также какъ въ мозаикахъ Равенны встрѣчаемъ оленей по сторонамъ сосуда; но и въ катакомбѣ Понціана [2]) олень, пьющій воду изъ Іордана въ сценѣ Крещенія Христа, представляетъ аллегорію поздняго книжнаго производства.

Древне-христіанскою свѣжестью отличается также извѣстная по позднѣйшимъ копіямъ сцена [3]) изведенія воды въ пустынѣ Моисеемъ, въ которой на скалѣ, источающей воду, изображенъ Іисусъ, и надпись (пс. 81, л. 82) поясняетъ, что скала и есть Христосъ.

Книжное велерѣчіе съ пространными аллегоріями и частыми уподобленіями, господствовавшее въ теченіи VIII—IX стол., особенно останавливается на образѣ священной горы Сіона, какъ мысленнаго града Божьяго (νοητὴ Σίων), новаго небеснаго рая. Патріархъ Германъ, [4]) Андрей Критскій [5]) согласно прославляютъ, по пророкамъ: Даніилу,

[1]) Такъ какъ въ Ев. Никодима, изд. у Thilo Codex apocryphus, I п. 710. та же самая сцена съ образомъ ада описывается при воскрешеніи Лазаря, то въ Барберин. кодексѣ встрѣчаемъ переводъ воскрешенія съ этими же подробностями.

[2]) Рис. у Bosio, Roma sotterranea, изд. 1632 г., стр. 131.

[3]) Основаніемъ символической сцены послужило мѣсто въ толкованіи Θеодорита на книгу Исходъ, гл. 16, вопр. 28: скала называется Христомъ, какъ его типъ или образъ, какъ море Чермное и Переходъ Евреевъ были прообразомъ крещенія. Аллегорическая тенденція VIII и IX вѣка уподобляетъ (у Германа въ рѣчи на Положеніе во гробъ, Patrol. gr. ed. Migne, т. 98, стр 262) этой чудесной скалѣ и тотъ камень, который былъ приваленъ ко Гробу, какъ камень, источающій воду безсмертія.

[4]) Въ Гомиліи о Поясѣ Св Дѣвы, изд, у Migne, Patrol. gr. c. c. t. 98, p. 374.

[5]) Гомилія на Благовѣщеніе, ib. t. 97, стр. 900.

Аввакуму и Давиду, Святую Дѣву, которая сама и есть эта великая, тучная и тѣнистая гора, поднявшаяся и укрѣпившаяся не башнями, но чистотою Дѣвы. Вотъ почему, и миніатюра, вмѣсто обычнаго олицетворенія града, помѣщаетъ на Сіонѣ (л. 79, пс. 77) образъ Знаменія—Дѣвы съ Младенцемъ на лонѣ или на рукахъ, ибо говоритъ Германъ [1]), «рай, который закрыла для насъ Ева, вновь отворила Марія». Подъ этою горою миніатюристъ изобразилъ и озеро или станъ водный (λίμος),—пользуясь вновь лирическими уподобленіями Дѣвы—Матери у Андрея Критскаго и современниковъ.

Въ ту же эпоху ставшее любимымъ сказаніе о единорогѣ является и въ нашей Псалтири (л. 93 об., пс. 91) въ видѣ фантастическаго леопарда съ высокимъ рогомъ, покойно кладущаго свою ногу на лоно дѣвы; но дѣва, сидящая передъ нимъ на стулѣ, еще не Богородица, какъ представляютъ эту аллегорію средне-вѣковые памятники [2]).

Рядъ аллегорій, построенныхъ отчасти на буквенномъ воспроизведеніи поэтическихъ сравненій Псалтири, отчасти же иллюстрирующихъ поучительныя тенденціи и фигуры книжно-монашескаго сочиненія, разбросаны по всей Псалтири съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Наиболѣе интересныя миніатюры въ этомъ ряду тѣ, которыя пользуются еще символикою, или народными повѣрьями и фантастическими образами Востока. Христа обступили кинокефалы, и воинъ тащитъ его за одежды въ то время, какъ онъ благословляетъ враговъ (л. 19 об., пс. 21); надпись говоритъ: ἑβραῖοι οἱ λεγόμενοι κύνες. Извѣстная фигура изображаетъ земную сферу съ антиподами (л. 101, 103, къ пс. 100 и 101),—миніатюра, перешедшая изъ Христіанской Космографіи Космы Индоплова; такого же происхожденія рисунокъ затменія солнечнаго δύσις [3]).

Иллюстрація особенно останавливается затѣмъ на судьбахъ жизни праведника и грѣшника, блаженнаго мужа и нечестиваго еретика. Сидя подъ лучами свѣта, проливающагося отъ лика Божьяго, блаженный мужъ (л. 2) углубился въ чтеніе божественной книги; праведника преслѣдуютъ стрѣлами нечестивцы (л. 10, пс. 10), но на него льются спасительные лучи свѣта (л. 30 об.); еретики влачатъ по землѣ свои языки (л. 70 об.), или же ангелъ рветъ клещами языкъ у богохульца «противъ святой божьей церкви», или, по повелѣнію Христа, ангелъ копьемъ гонитъ грѣшниковъ (л. 31, пс. 34) и т. д.

---

[1]) Бесѣда на Успеніе, lib. t. 98, p. 362.

[2]) Напр. изд въ учебникѣ Крауса Die altchr. Kunst. 1871.

[3]) См. миніатюры Космы въ «Исторіи византійскаго иск. и иконографіи»

Во всякомъ случаѣ, этотъ аллегорическій элементъ Псалтири еще не многосложенъ, занимаетъ второстепенное мѣсто и не въ силахъ преодолѣть разумно-яснаго, чистаго художественнаго чувства миніатюриста, какъ то напр. является въ Барбериніевской копіи нашего оригинала.

Извѣстно, какъ гибельно вліяло на искусство паденіе литературы, въ теченіи IX—X вѣковъ, приходившей къ полному разложенію, въ безцѣльной риторикѣ и пышномъ многоглаголаніи утратившей чувство мѣры, простоту и ясность образовъ. Византійское искусство съ своей стороны подчинялось этому направленію, само покрываясь риторическою шелухою, но въ тоже время было безсильно, по самой своей античной т. е. пластической основѣ, воспринимать и перерабатывать сложный дидактизмъ византійскаго средневѣковья, какъ напр. въ XIV в. сіеннская школа, которая въ обширныхъ фрескахъ могла разрабатывать мистическіе догматы доминиканской школы. И однакоже, хотя византійское искусство съ этой эпохи было поставлено въ тѣсныя рамки и должно было отчасти довольствоваться мелкими издѣліями, повторяя въ нихъ казенныя, заученныя формы, оно сохраняло жизнь и движеніе мысли еще въ теченіи трехъ столѣтій слишкомъ, въ чемъ яркимъ свидѣтельствомъ намъ служитъ исторія миніатюръ за этотъ періодъ. Такою жизненною силою искусство было цѣликомъ обязано миніатюрѣ, и въ этомъ главное историческое значеніе такихъ высокихъ ея образцовъ, какъ Хлудовская Псалтирь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТАБЛИЦЪ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ХЛУДОВСКОЙ ПСАЛТИРИ IX ВѢКА.

IV. 1. Преображеніе. Л. 88, пс. LXXXVIII, 13: Θαβὼρ καὶ Ἑρμὼν ἐν τῷ ὀνόματι σοῦ ἀγαλλιάσονται.
2. Христосъ изгоняетъ изъ храма мытарей и продающихъ. Л. 66, пс. LXVIII, 10: Ὅτι ὁ ζῆλος τοῦ οἴκου σοῦ.
3. Христосъ и Закхей, блудница и истекающая кровью. Л. 84 об., пс. LXXXIII, 12: Ὅτι ἔλεος καὶ ἀλήθειαν ἀγαπᾷ Κύριος.

V. 1. Умноженіе хлѣбовъ. Л. 30, пс. XXXIII, 9: Γεύσασθε καὶ ἴδετε..
2. Христосъ и Петръ. Л. 37 об., пс. XXXVIII, 2: Εἶπα, φυλάξω τὰς ὁδούς μου
3. Христосъ съ Самаритянкою. Л. 33, пс. XXXV, 10: Ὅτι παρὰ σοὶ πηγὴ ζωῆς.
4. Распятіе. Л. 72 об., пс. LXXIII, 12: Εἰργάσατο σωτηρίαν ἐν μέσῳ τῆς γῆς.

VI. 1. Тайная Вечеря. Л. 40, пс. XL, 10: Ο ἐσθίων ἄρτους μου.
2. Причащеніе Апостоловъ. Л. 111, пс. CIX, 4: Σὺ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα, κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ.
3. Воины уводятъ Христа, и Захарія. Л. 38, пс. XXXVIII, 10: Ἐκωφώθην καὶ οὐκ ἤνοιξα τὸ στόμα μου.
4. Умовеніе ногъ ученикамъ. Л. 50 об., пс. L, 9: Ῥαντιεῖς με ὑσσώπῳ, καὶ καθαρισθήσομαι.

VII. 1. Два лжесвидѣтеля и Христосъ на судѣ. Л. 31 об., пс. XXXIV, 11: Ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι..
2. Мученики. Л. 66 об., пс. LXVII, 36: Θαυμαστὸς ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ἁγίοις.
3. Положеніе во гробъ. Л. 87, пс. LXXXVII, 7: Ἔθεντο με ἐν λάκκῳ.
4. Христосъ посылаетъ учениковъ на проповѣдь. Л. 96 об., пс. XCV, 10: Εἴπατε ἐν τοῖς ἔθνεσιν.
5. Петръ кающійся и пѣтухъ. Л. 38 об., пс. XXXVIII, 13: Ἐνώτισαι τῶν δακρύων μου.
6. Колесованіе Георгія. Л. 44, пс. XLIII, 23: Ὅτι ἕνεκά σου θανατούμεθα.

VIII. 1. Сошествіе Св. Духа. Л. 62 об., пс XLV, 8: Καὶ ἀκουτίσατε τὴν φωνὴν τῆς αἰνέσεως αὐτοῦ.
2. Распятіе Л. 45 об., пс. XLV, 4: Ἐταράχθησαν τὰ ὄρη.

IX. 1. Воскресеніе. Л. 26, пс. XXX, 14: Ἐγὼ δὲ ἐπὶ σὲ, Κύριε, ἤλπισα.
2. Давидъ и воины Саула, Христа берутъ воины. Л. 54 об., пс. LV, 6: Κατ' ἐμοῦ πάντες οἱ διαλογισμοὶ αὐτῶν εἰς κακόν.
3. Давидъ у Гроба и воины. Л. 6, пс. VII, 8: Καὶ ἐξεγέρθητι, Κύριε.

X. 1. Вознесеніе. Л. 46 об., пс. XLVI, 6: Ἀνέβη ὁ Θεὸς ἐν ἀλαλαγμῷ.
2. Христосъ воскресшій у Сіона. Л. 100 об., пс. CI, 14: Σὺ ἀναστὰς οἰκτειρήσεις τὴν Σιών.
3. Христосъ извлекаетъ Адама и Еву изъ ада. Л. 63 об., пс. LXVII, 7: ἐξάγων πεπεδημένους ἐν ἀνδρείᾳ.

XI. 1. Давидъ юноша подъ лучами. Л. 13 об. пс. XVI, 2: Ἐκ προσώπου σοῦ τὸ κρῖμα μοῦ ἐξέλθοι.

2. Давидъ, царь и пророкъ, передъ иконою Спаса. Л. 13, пс. XV, 8: Προωρώμην τὸν Κύριον.

3. Саулъ и Давидъ. Л. 29, пс. XXXIII, 20: Φυλάσσει Κύριος πάντα τὰ ὀστᾶ.

4. Кающійся Давидъ и Наѳанъ. Л. 50, пс. L, 3: Ἐλέησόν με, ὁ Θεός.

5. Даніилъ на ложѣ и Давидъ пророчествуютъ о Сіонѣ. Л. 64, пс. LXVII, 16: Ὄρος τοῦ Θεοῦ, ὄρος πῖον.

XII. 1. Вознесеніе Иліи. Л. 41 об., пс. XLI, 7: Μνησθήσομαι σοῦ ἐκ γῆς Ἰορδάνου καὶ Ἑρμωνιείμ, ἀπὸ ὄρους μικροῦ.

2. Аввакумъ и икона Спасителя. Л. 154, гимнъ Аввакума.

3. Пророки Аггей и Захарія. Л. 144, пс. CXLV, 1: Ἀλληλούϊα Ἀγγαίου καὶ Ζαχαρίου.

4. Милосердіе. Л. 35, пс. XXXVI, 25: Ὅλην τὴν ἡμέραν ἐλεεῖ καὶ δανείζει ὁ δίκαιος.

XIII. 1. Адъ и грѣшники. Л. 8, пс. IX, 4: Ἐν τῷ ἀποστραφῆναι τοῦ ἐχθρόυ μου.

2. Ангелъ извлекаетъ душу изъ ада. Л. 102 об., пс. CII, 4: Τὸν λυτρούμενον ἐκ φθορᾶς τὴν ζωήν μου.

3. Ангелъ рветъ языкъ у богохульца Л. 10 об., пс. XI, 4: Ἐξολοθρεύσει Κύριος πάντα τὰ χείλη τὰ δόλια, γλῶσσαν μεγαλοῤῥήμονα.

4. Единорогъ и дѣва. Л. 93, пс XCI, 11: Καὶ ὑψωθήσεται ὡς μονοκέρωτος τὸ κέρας μου.

5. Сіонъ и Богоматерь съ младенцемъ. Л. 79, пс. LXXVII, 54: Καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς εἰς ὄρος ἁγιάσματος.

6. Давидъ и женскій образъ «Святаго града»—ἡ ἁγία πόλις.. Къ пс. L, 20, л. 51.

XIV. 1. Христосъ и Кинокефалы. Л. 19 об., пс. XXI, 17: Ὅτι ἐκύκλωσάν με κύνες πολλοί.

2. Іоаннъ Златоустъ. Л. 47 об., пс. XLVIII, 4: Τὸ στόμα μοῦ λαλήσει σοφίαν.

3. Царь Константинъ поражаетъ Максентія. Л. 58 об., пс. LIX, 6: Ἔδωκας τοῖς φοβουμένοις σε σημείωσιν τοῦ φυγεῖν ἀπὸ προσώπου τόξου.

4. Вѣтеръ и море въ сценѣ утишенія бури. Л. 88, пс. LXXXVIII, 10: Σὺ δεσπόζεις τὸ κράτος τῆς θαλάσσης.

5. Ангелъ гонитъ грѣшниковъ, и Христосъ. Л. 31, пс. XXXIV, 5: Καὶ ἄγγελος Κυρίου ἐκθλίβων αὐτούς.

6. Икона апостола Павла. Л. 65, пс. LXVII, 28: Ἐκεῖ Βενιαμὶν νεώτερος ἐν ἐκστάσει.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ», къ пс. 136, и

Давидъ среди стадъ—л. 146, заключит. мин. къ пс. Давида.

Замѣтка по поводу статьи объ антиминсахъ, Е. В. Барсова, напечатанной въ 1-мъ вып. VII т. „Древностей“.

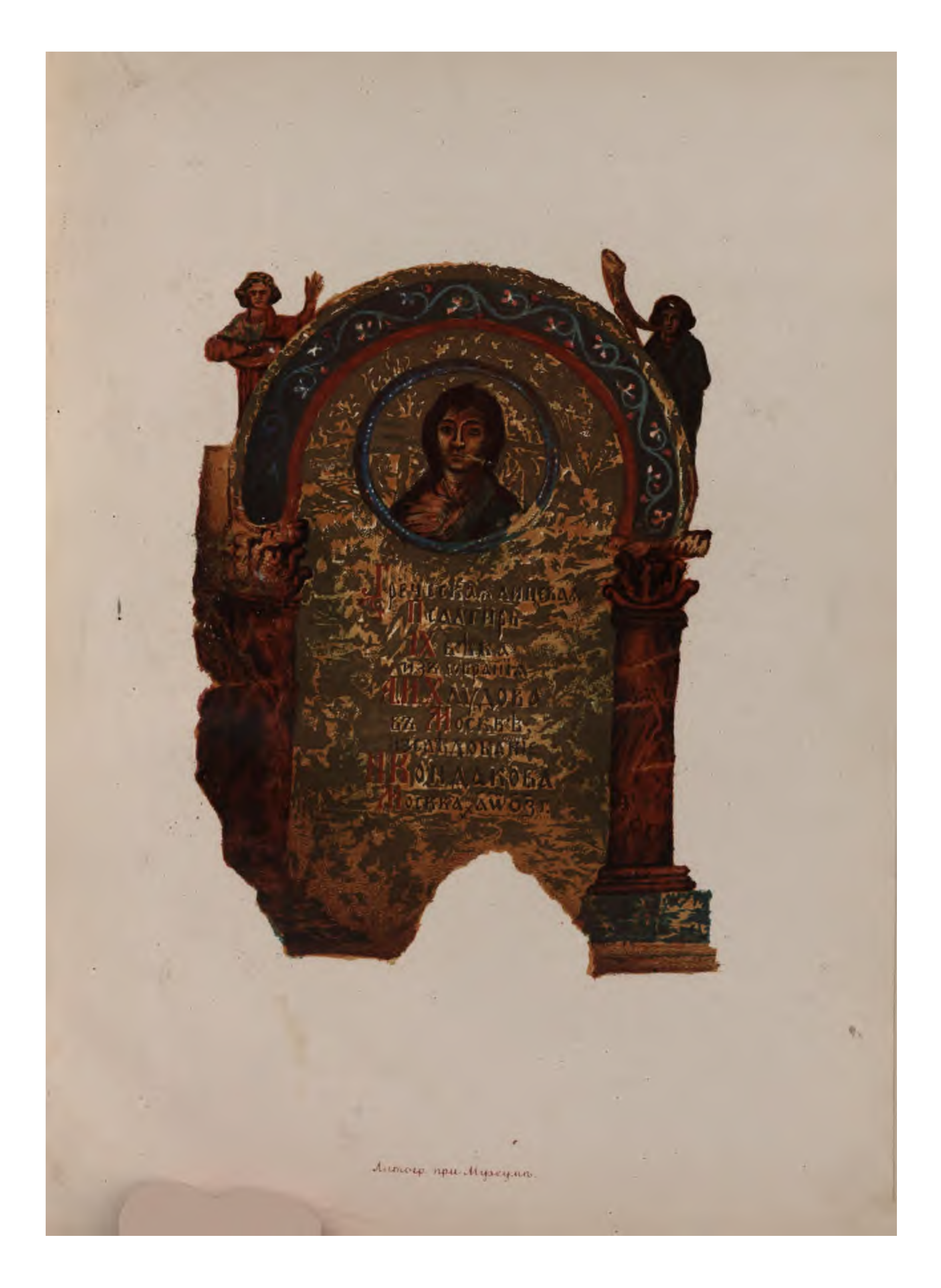
К. Н. Тихонравова.

Въ статьѣ Е. В. Барсова объ антиминсахъ я не могъ не остановить особеннаго вниманія на той части реферата, гдѣ говорится объ антиминсахъ Суздальскихъ. На одномъ изъ нихъ, 1554 года, Е. В. Барсовъ прочиталъ: «а создалъ сей храмъ св. Николы Чудотворца князь Митрей Михаиловичь В ы ж е м с к і й». Далѣе, на стр. 15, приводится эта надпись дословно и снова читаемъ фамилію: князь В ы ж е м с к і й. Должно быть на видѣнномъ г. Барсовымъ антиминсѣ фамилія неясно написана,—только въ гербовникѣ и родословныхъ таблицахъ княжескихъ фамилій, отъ Рюрика и Гедимина происшедшихъ, такой фамиліи нѣтъ, а упоминаются князья Ж и ж е м с к і е; родъ ихъ, нынѣ уже угасшій, происходилъ отъ Смоленскаго князя Глѣба Святославича, потомка князя Глѣба Ростиславича. (См. Записки Имп. Археол. Общ. С.П.Б. 1854 г. т. VII, отд. II). Представляю точный снимокъ съ одного изъ Суздальскихъ антиминсовъ, писаннаго на холстѣ, въ которомъ читается имя того же самаго князя Д. М. Жижемскаго. Еп. Аѳанасій погребенъ въ Суздал. соборѣ.

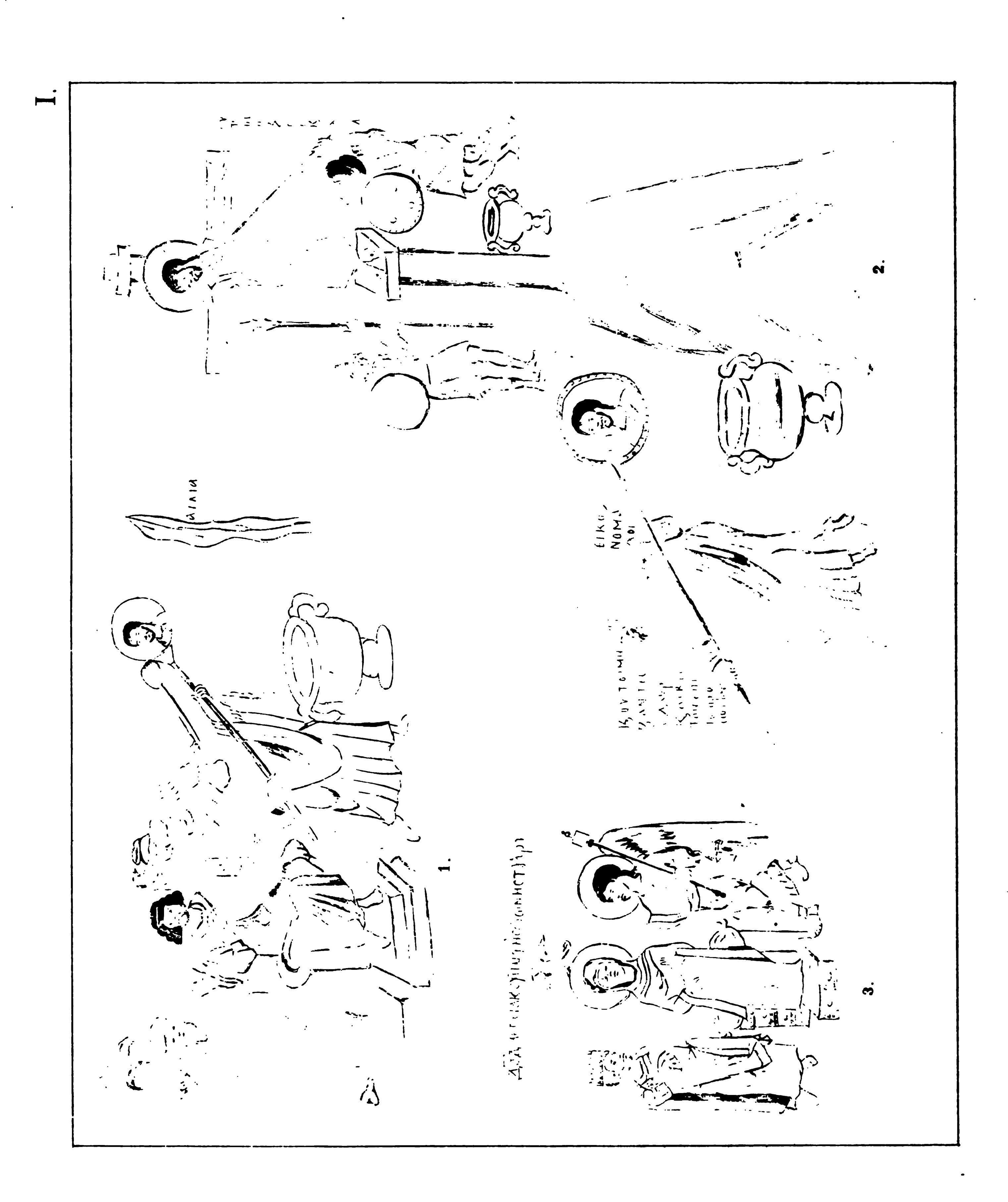
л хв ҂ззе го мца се кз
на пать стго м калистрата
освяще бы хра сей во имя прпо
бнаго Сергиа чдтворца. Блго
словеніе еппа Адонаа суздаского
и торж.кого замышленіе и повеленіем
Блговѣрнаго кнзя Дмитріа Михаилови
ча Жижеска в честь и в па
мя себѣ и свои роди
теле.

ту мощи

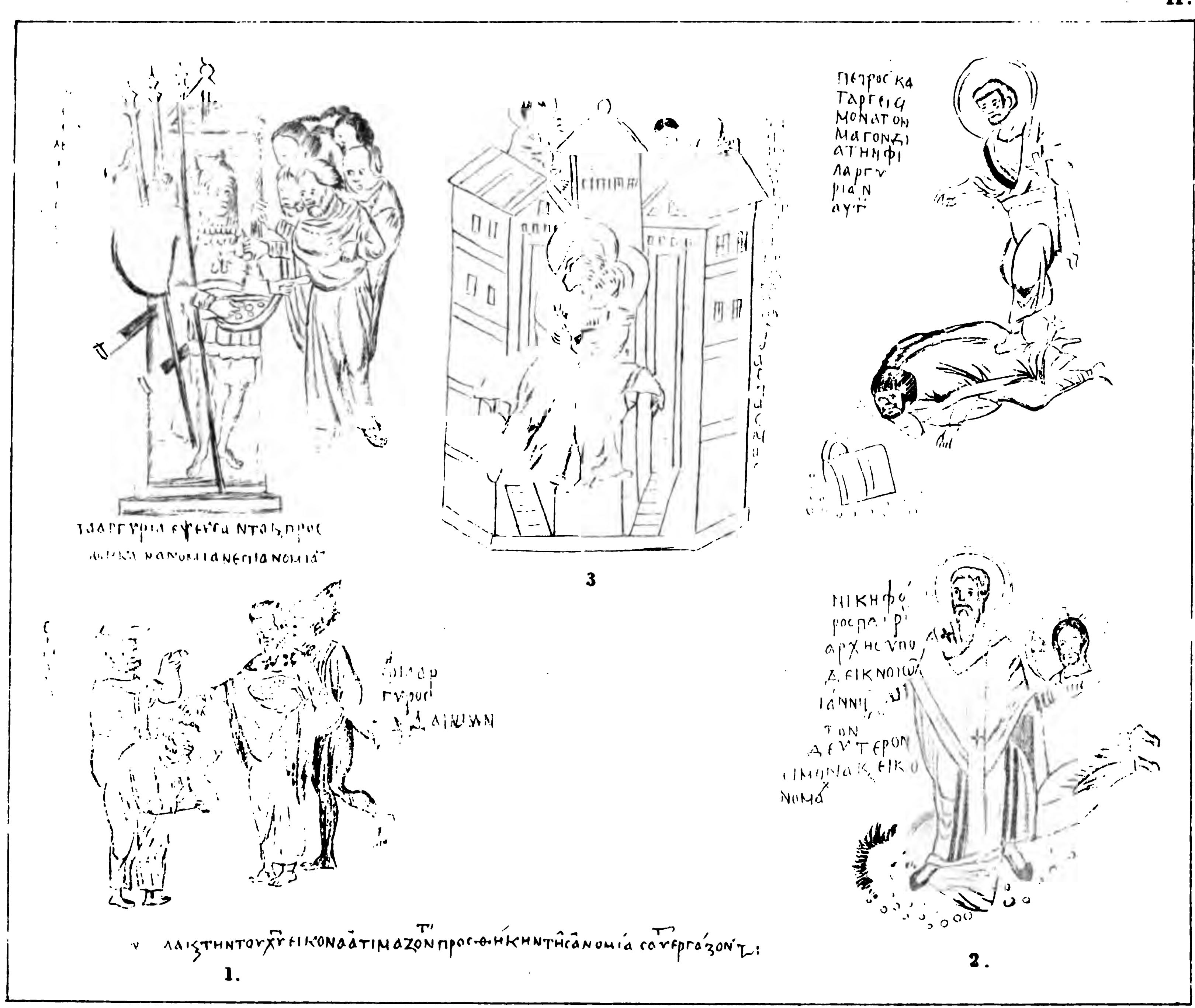
См. снимки съ 2-хъ другихъ Суздальскихъ антиминсовъ въ приложеніи.

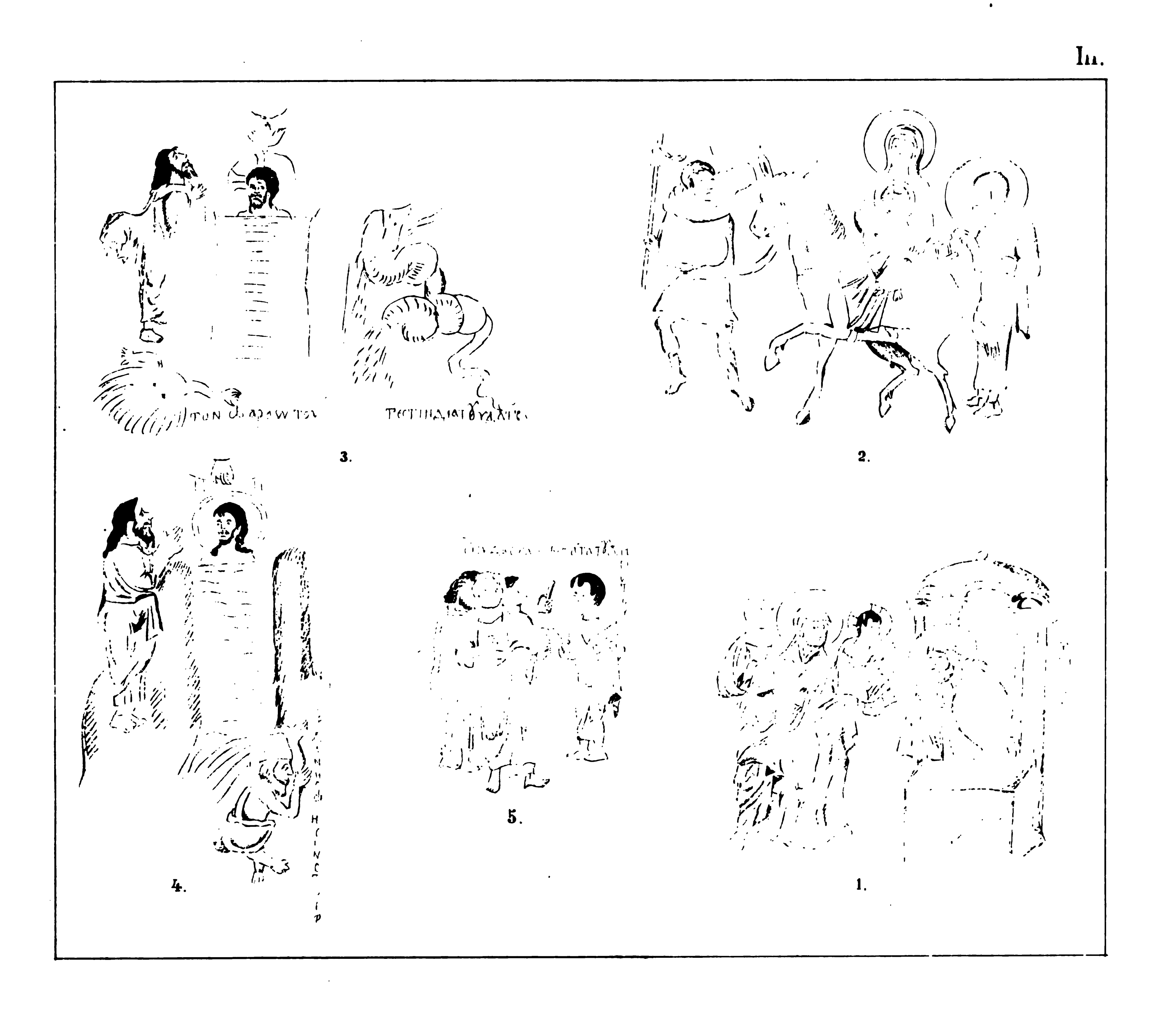
Литогр. при Музеумѣ.

II.

III.

IV.

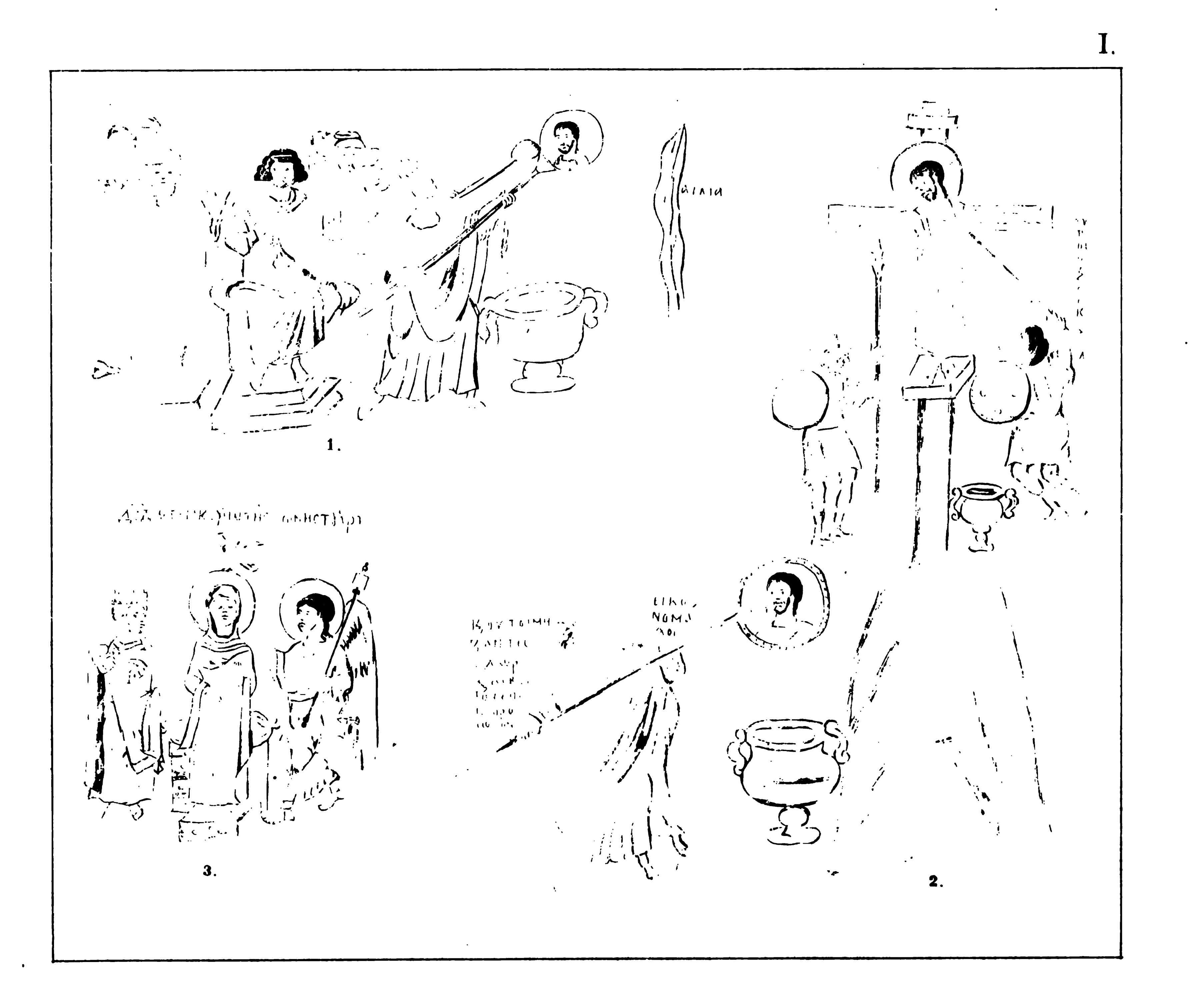
1.

2.

3.

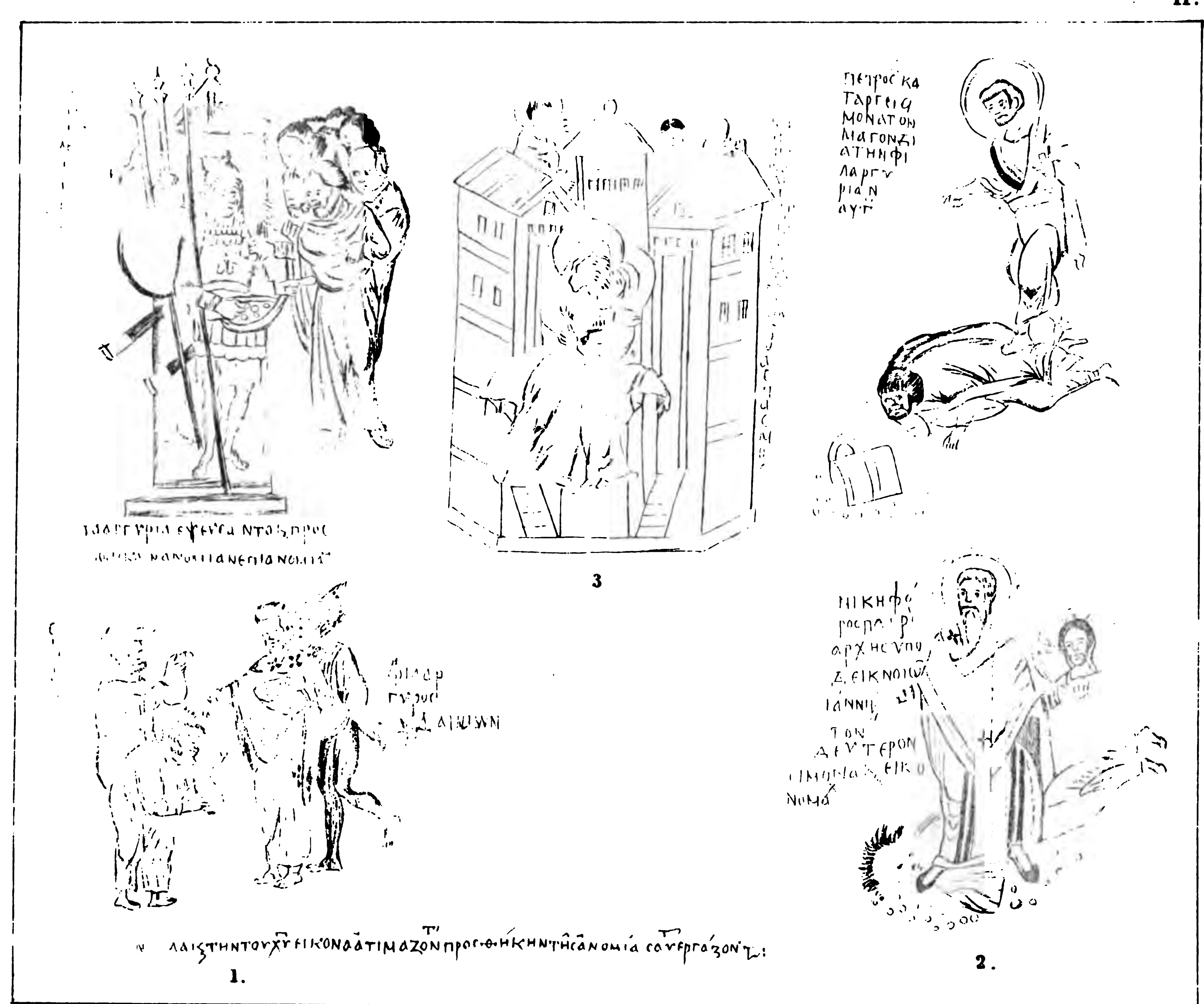

Греческая лицевая
Псалтирь
IX вѣка
изъ собранія
А. И. Хлудова
въ Москвѣ,
изслѣдованіе
Н. Кондакова
Москва ҂аѡоз г.
Литогр. при Музеумѣ

I.

1. 2. 3.

II.

IV. 1. Преображеніе. Л. 88, пс. LXXXVIII, 13: Θαβὼρ καὶ Ἑρμὼν ἐν τῷ ὀνόματι σοῦ ἀγαλλιάσονται.
2. Христосъ изгоняетъ изъ храма мытарей и продающихъ. Л. 66, пс. LXVIII, 10: Ὅτι ὁ ζῆλος τοῦ οἴκου σοῦ.
3. Христосъ и Закхей, блудница и истекающая кровью. Л. 84 об., пс. LXXXIII, 12: Ὅτι ἔλεος καὶ ἀλήθειαν ἀγαπᾷ Κύριος.

V. 1. Умноженіе хлѣбовъ. Л. 30, пс. XXXIII, 9: Γεύσασθε καὶ ἴδετε..
2. Христосъ и Петръ. Л. 37 об., пс. XXXVIII, 2: Εἶπα, φυλάξω τὰς ὁδούς μου
3. Христосъ съ Самаритянкою. Л. 33, пс. XXXV, 10: Ὅτι παρὰ σοὶ πηγὴ ζωῆς.
4. Распятіе. Л. 72 об., пс. LXXIII, 12: Ἐιργάσατο σωτηρίαν ἐν μέσῳ τῆς γῆς.

VI. 1. Тайная Вечеря. Л. 40, пс. XL, 10: Ο ἐσθίων ἄρτους μου.
2. Причащеніе Апостоловъ. Л. 111, пс. CIX, 4: Σὺ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα, κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ.
3. Воины уводятъ Христа, и Захарія. Л. 38, пс. XXXVIII, 10: Ἐκωφώθην καὶ οὐκ ἤνοιξα τὸ στόμα μου.
4. Умовеніе ногъ ученикамъ. Л. 50 об., пс. L, 9: Ῥαντιεῖς με ὑσσώπῳ, καὶ καθαρισθήσομαι.

VII. 1. Два лжесвидѣтеля и Христосъ на судѣ. Л. 31 об., пс. XXXIV, 11: Ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι...
2. Мученики. Л. 66 об., пс. LXVII, 36: Θαυμαστὸς ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ἁγίοις.
3. Положеніе во гробъ. Л. 87, пс. LXXXVII, 7: Ἔθεντο με ἐν λάκκῳ.
4. Христосъ посылаетъ учениковъ на проповѣдь. Л. 96 об., пс. XCV, 10: Ἔιπατε ἐν τοῖς ἔθνεσιν.
5. Петръ кающійся и пѣтухъ. Л. 38 об., пс. XXXVIII, 13: Ἐνώτισαι τῶν δακρύων μου.
6. Колесованіе Георгія. Л. 44, пс. XLIII, 23: Ὅτι ἕνεκά σου θανατούμεθα.

VIII. 1. Сошествіе Св. Духа. Л. 62 об., пс XLV, 8: Καὶ ἀκουτίσατε τὴν φωνὴν τῆς αἰνέσεως αὐτοῦ.
2. Распятіе Л. 45 об., пс. XLV, 4: Ἐταράχθησαν τὰ ὄρη.

IX. 1. Воскресеніе. Л. 26, пс. XXX, 14: Ἐγὼ δε ἐπὶ σὲ, Κύριε, ἤλπισα.
2. Давидъ и воины Саула, Христа берутъ воины. Л. 54 об., пс. LV, 6: Κατ' ἐμοῦ πάντες οἱ διαλογισμοὶ αὐτῶν εἰς κακόν.
3. Давидъ у Гроба и воины. Л. 6, пс. VII, 8: Καὶ ἐξεγέρθητι, Κύριε.

X. 1. Вознесеніе. Л. 46 об., пс. XLVI, 6: Ἀνέβη ὁ Θεὸς ἐν ἀλαλαγμῷ.
2. Христосъ воскресшій у Сіона. Л. 100 об., пс. CI, 14: Σὺ ἀναστὰς οἰκτειρήσεις τὴν Σιών.
3. Христосъ извлекаетъ Адама и Еву изъ ада. Л. 63 об., пс. LXVII, 7: ἐξάγων πεπεδημένους ἐν ἀνδρείᾳ.

XI. 1. Давидъ юноша подъ лучами Л. 13 об. пс. XVI, 2: Ἐκ προσώπου σοῦ τὸ κρῖμα μοῦ ἐξέλθοι.

2. Давидъ, царь и пророкъ, передъ иконою Спаса. Л. 13, пс. XV, 8: Προωρώμην τὸν Κύριον.

3. Саулъ и Давидъ. Л. 29, пс. XXXIII, 20: Φυλάσσει Κύριος πάντα τὰ ὀστᾶ.

4. Кающійся Давидъ и Наѳанъ. Л. 50, пс. L, 3: Ἐλέησόν με, ὁ Θεός.

5. Даніилъ на ложѣ и Давидъ пророчествуютъ о Сіонѣ. Л. 64, пс. LXVII, 16: Ὄρος τοῦ Θεοῦ, ὄρος πῖον.

XII. 1. Вознесеніе Иліи. Л. 41 об., пс. XLI, 7: Μνησθήσομαι σοῦ ἐκ γῆς Ἰορδάνου καὶ Ἑρμωνιεὶμ, ἀπὸ ὄρους μικροῦ.

2. Аввакумъ и икона Спасителя. Л. 154, гимнъ Аввакума.

3. Пророки Аггей и Захарія. Л. 144, пс. CXLV, 1: Ἀλληλούϊα Ἀγγαίου καὶ Ζαχαρίου.

4. Милосердіе. Л. 35, пс. XXXVI, 25: Ὅλην τὴν ἡμέραν ἐλεεῖ καὶ δανείζει ὁ δίκαιος.

XIII. 1. Адъ и грѣшники. Л. 8, пс. IX, 4: Ἐν τῷ ἀποστραφῆναι τοῦ ἐχθρόυ μου.

2. Ангелъ извлекаетъ душу изъ ада. Л. 102 об., пс. CII, 4: Τὸν λυτρούμενον ἐκ φθορᾶς τὴν ζωήν μου.

3. Ангелъ рветъ языкъ у богохульца Л. 10 об., пс. XI, 4: Ἐξολοθρεύσει Κύριος πάντα τὰ χείλη τὰ δόλια, γλῶσσαν μεγαλοῤῥήμονα.

4. Единорогъ и дѣва. Л. 93, пс XCI, 11: Καὶ ὑψωθήσεται ὡς μονοκέρωτος τὸ κέρας μου.

5. Сіонъ и Богоматерь съ младенцемъ. Л. 79, пс. LXXVII, 54: Καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς εἰς ὄρος ἁγιάσματος.

6. Давидъ и женскій образъ «Святаго града»—ἡ ἁγία πόλις.. Къ пс. L, 20, л. 51.

XIV. 1. Христосъ и Кинокефалы. Л. 19 об., пс. XXI, 17: Ὅτι ἐκύκλωσάν με κύνες πολλοί.

2. Іоаннъ Златоустъ. Л. 47 об., пс. XLVIII, 4: Τὸ στόμα μοῦ λαλήσει σοφίαν.

3. Царь Константинъ поражаетъ Максентія. Л. 58 об., пс. LIX, 6: Ἔδωκας τοῖς φοβουμένοις σε σημείωσιν τοῦ φυγεῖν ἀπὸ προσώπου τόξου.

4. Вѣтеръ и море въ сценѣ утишенія бури. Л. 88, пс. LXXXVIII, 10: Σὺ δεσπόζεις τὸ κράτος τῆς θαλάσσης.

5. Ангелъ гонитъ грѣшниковъ, и Христосъ. Л. 31, пс. XXXIV, 5: Καὶ ἄγγελος Κυρίου ἐκθλίβων αὐτούς.

6. Икона апостола Павла. Л. 65, пс. LXVII, 28: Ἐκεῖ Βενιαμὶν νεώτερος ἐν ἐκστάσει.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ», къ пс. 136, и

Давидъ среди стадъ—л. 146, заключит. мин. къ пс. Давида.

Замѣтка по поводу статьи объ антиминсахъ, Е. В. Барсова, напечатанной въ 1-мъ вып. VII т. „Древностей“.

К. Н. Тихонравова.

Въ статьѣ Е. В. Барсова объ антиминсахъ я не могъ не остановить особеннаго вниманія на той части реферата, гдѣ говорится объ антиминсахъ Суздальскихъ. На одномъ изъ нихъ, 1554 года, Е. В. Барсовъ прочиталъ: «а создалъ сей храмъ св. Николы Чудотворца князь Митрей Михаиловичь Выжемскій». Далѣе, на стр. 15, приводится эта надпись дословно и снова читаемъ фамилію: князь Выжемскій. Должно быть на видѣнномъ г. Барсовымъ антиминсѣ фамилія неясно написана,—только въ гербовникѣ и родословныхъ таблицахъ княжескихъ фамилій, отъ Рюрика и Гедимина происшедшихъ, такой фамиліи нѣтъ, а упоминаются князья Жижемскіе; родъ ихъ, нынѣ уже угасшій, происходилъ отъ Смоленскаго князя Глѣба Святославича, потомка князя Глѣба Ростиславича. (См. Записки Имп. Археол. Общ. С.П.Б. 1854 г. т. VII, отд. II). Представляю точный снимокъ съ одного изъ Суздальскихъ антиминсовъ, писаннаго на холстѣ, въ которомъ читается имя того же самаго князя Д. М. Жижемскаго. Еп. Аѳанасій погребенъ въ Сузд. соборѣ.

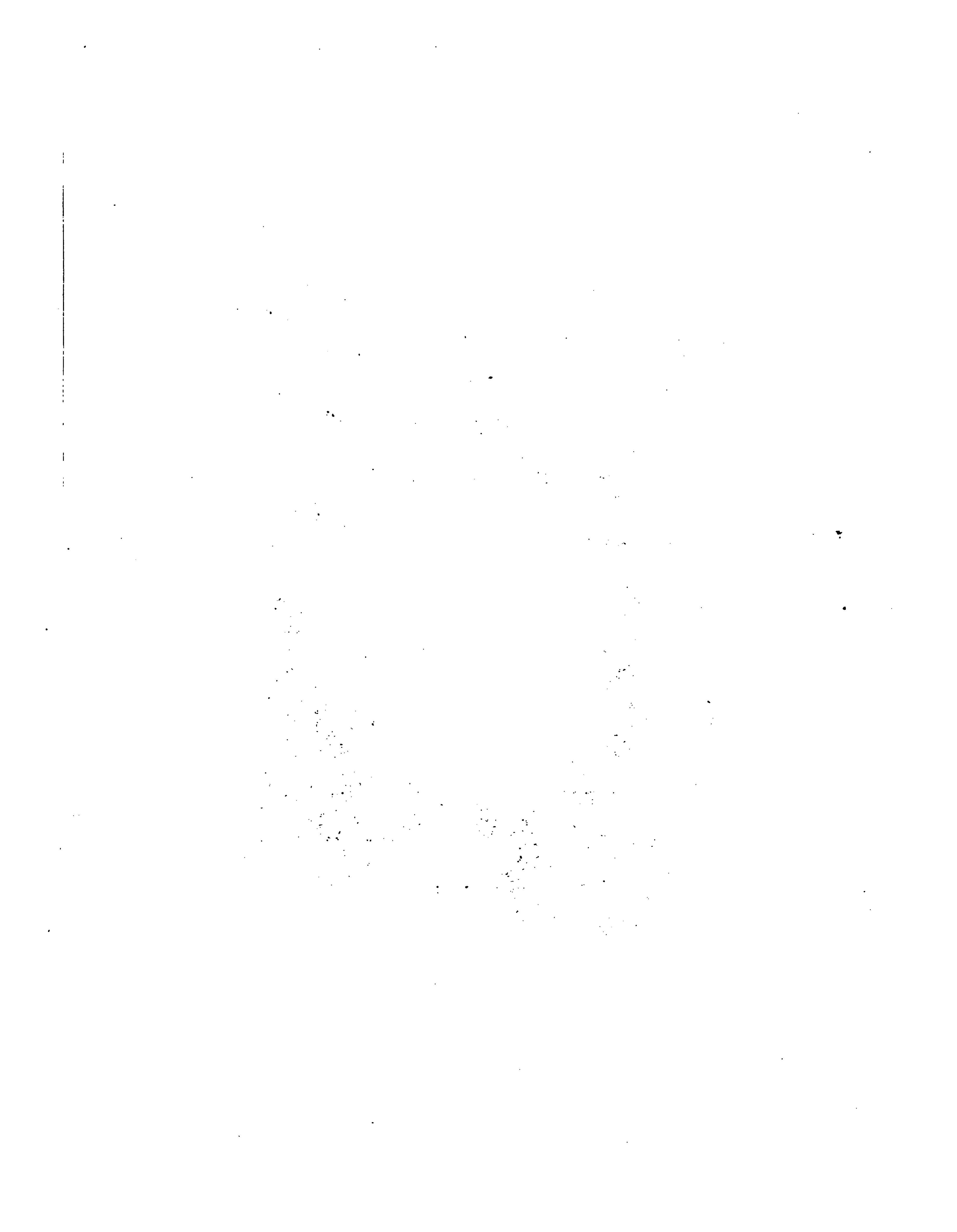
л хв ҂зѯе го мца се кз
на пать стго м калистрата
освяще бы хра сей во имя прпо
бнаго Сергиа чудотворца. Благо
словеніе еппа Афонаа Суздаского
и торж.кого замышленіе и повелѣніем
Благовѣрнаго кнза Димитріа Михаилови
ча Жижеска в честь и в па
мя себѣ и свои родителе.

ту мощи

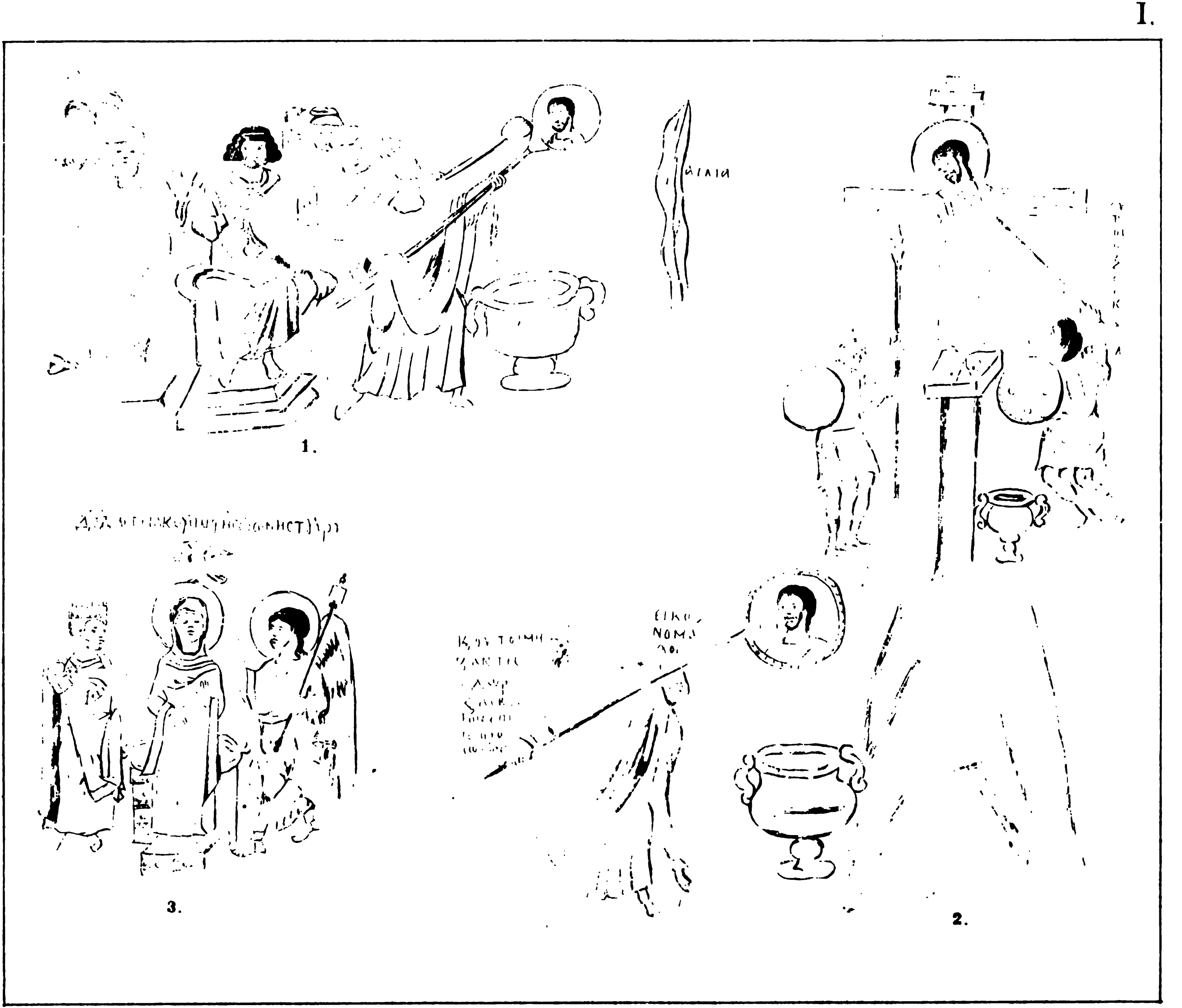
См. снимки съ 2-хъ другихъ Суздальскихъ антиминсовъ въ приложеніи.

Литогр. при Музеумѣ

I.

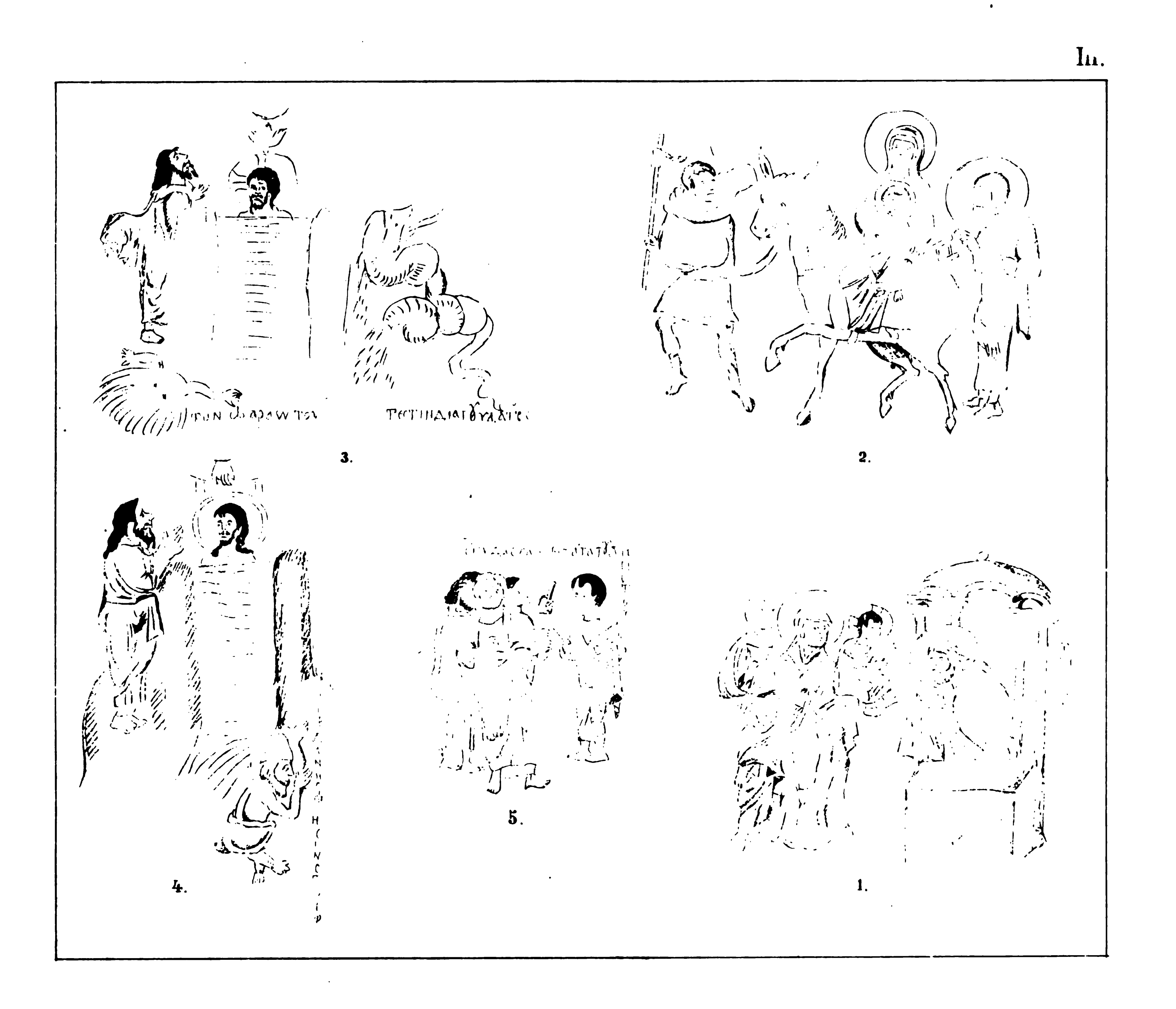

II.

1.

2.

3

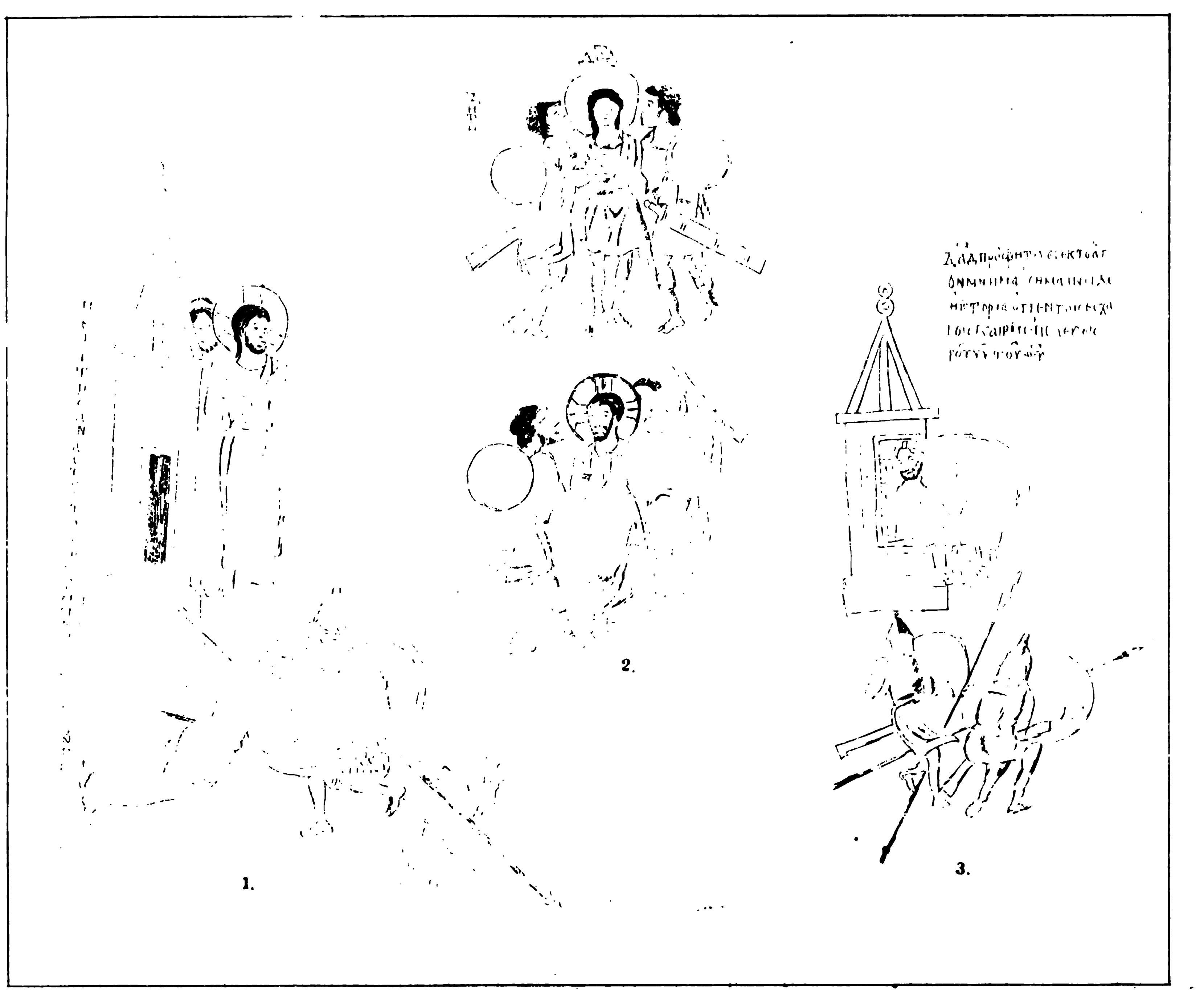

III.
3.
2.
4.
5.
1.

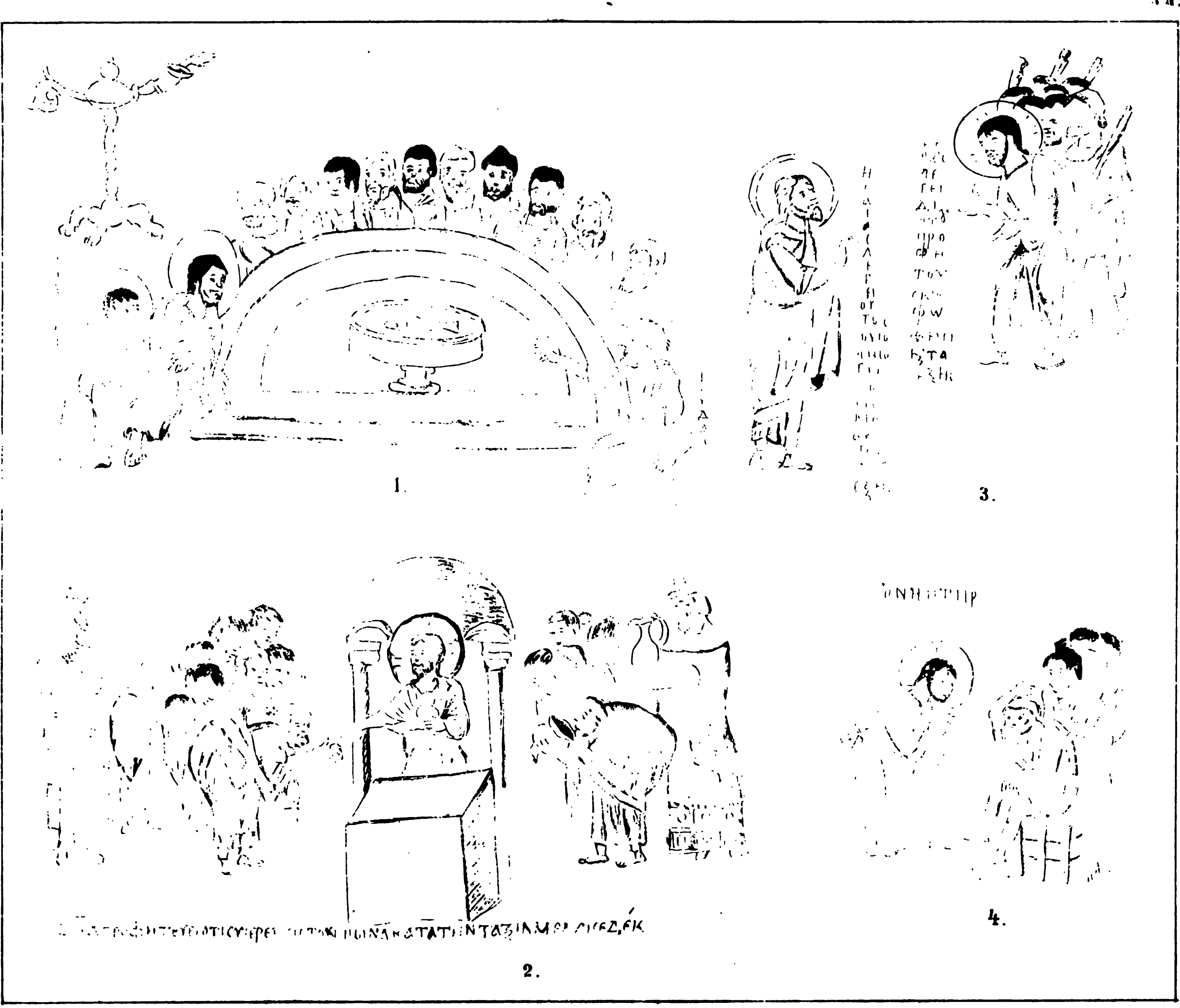
IV.

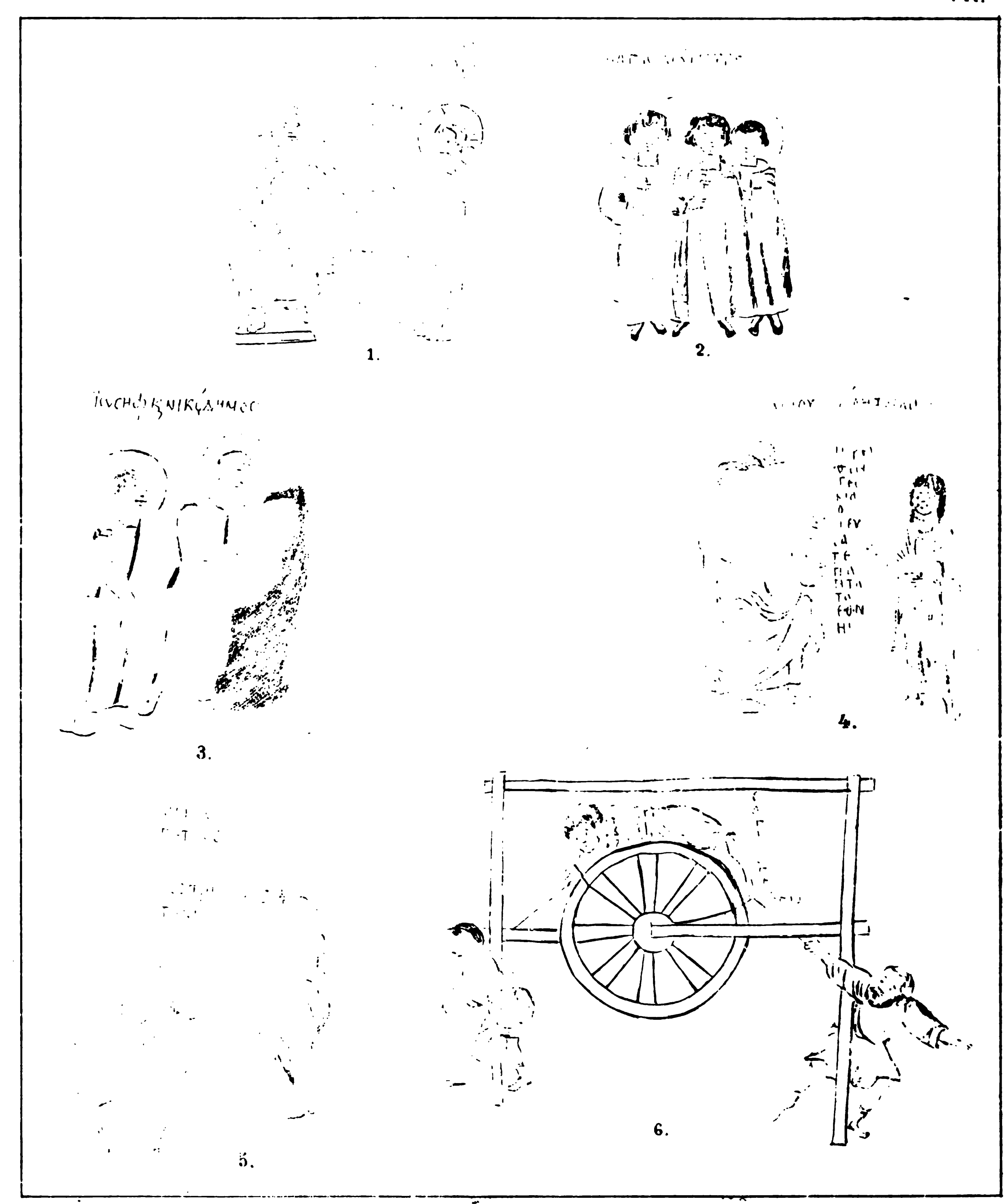
1.

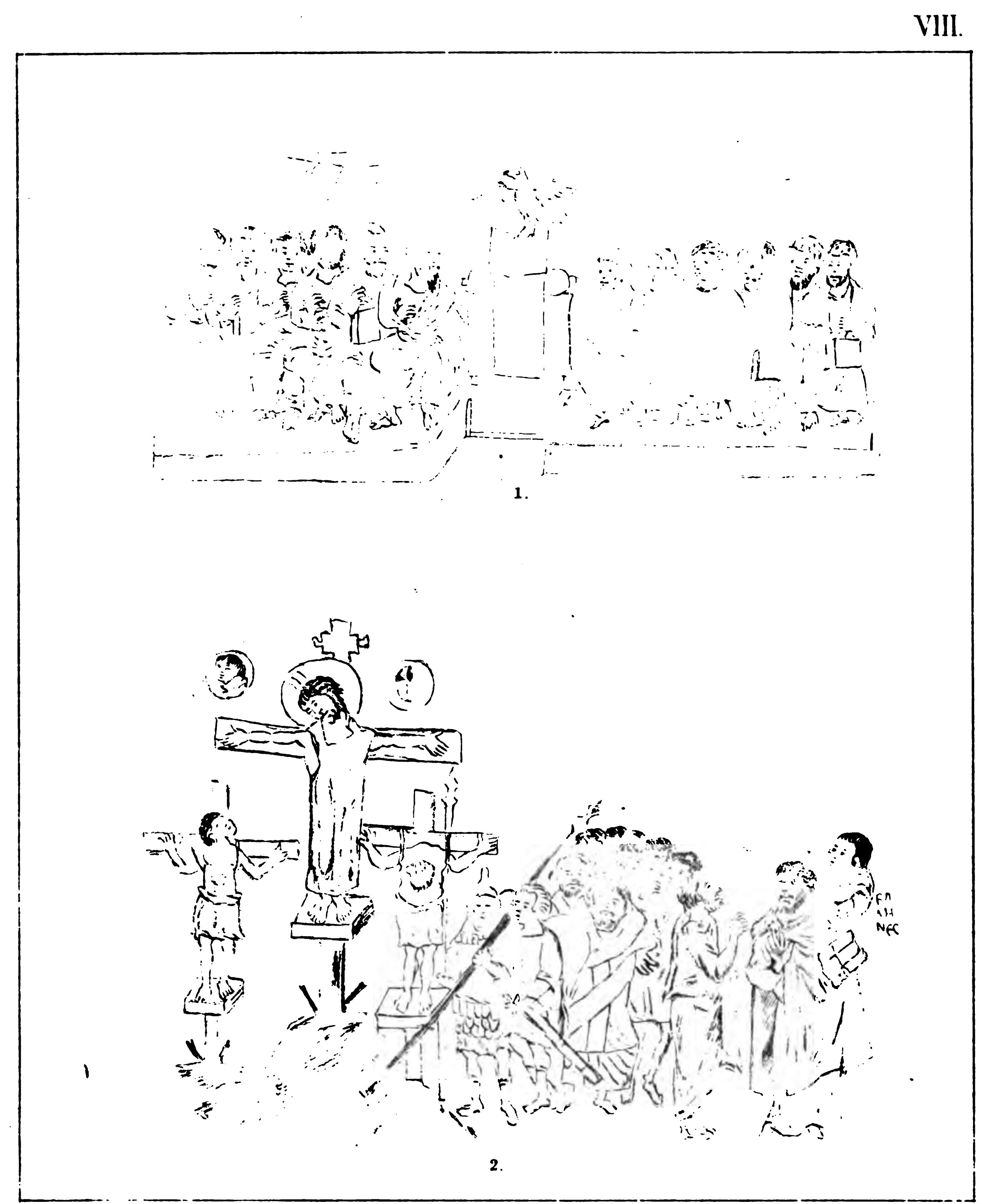
2.

3.

1.
2.
3.

1.
2.
3.
4.

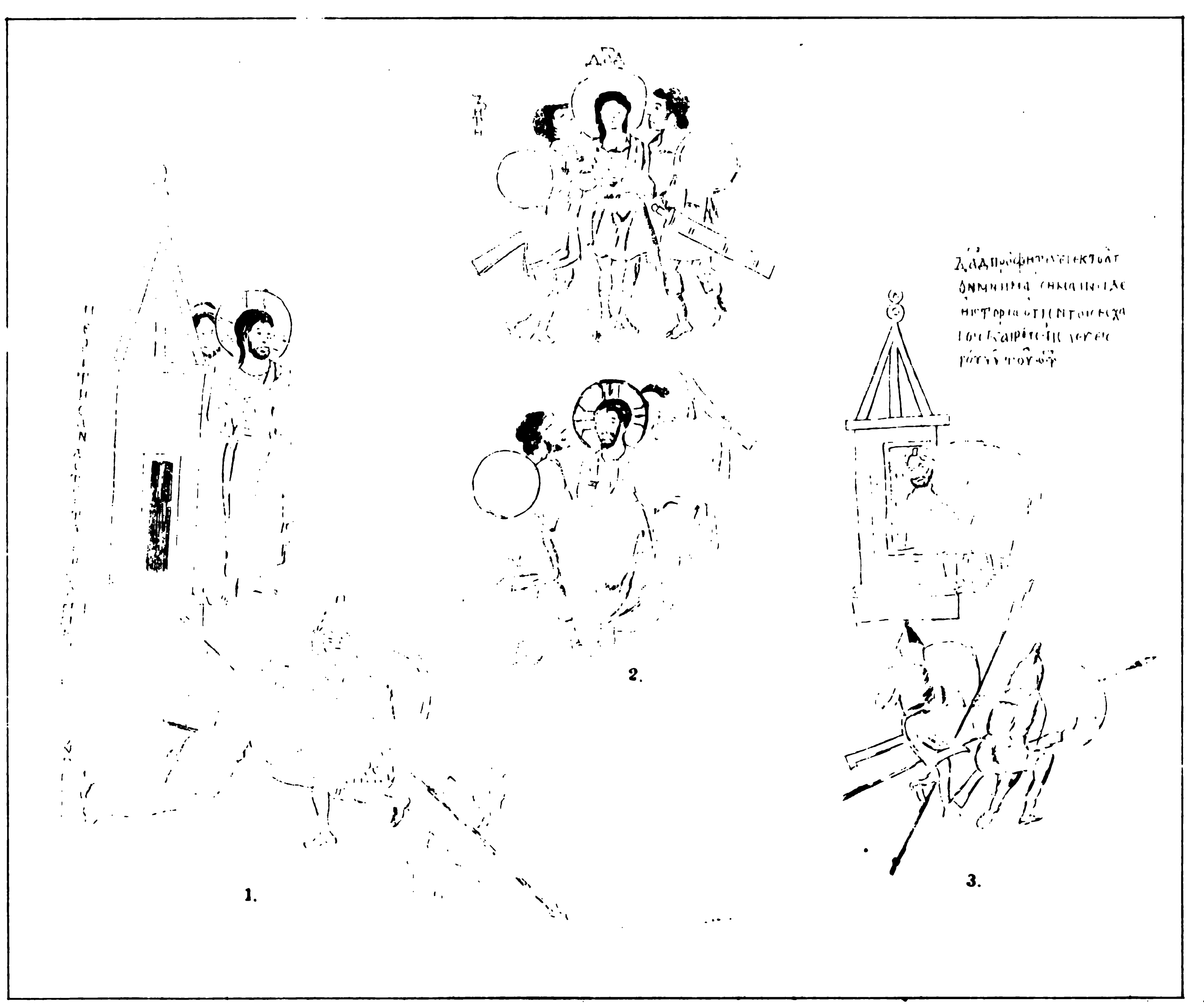

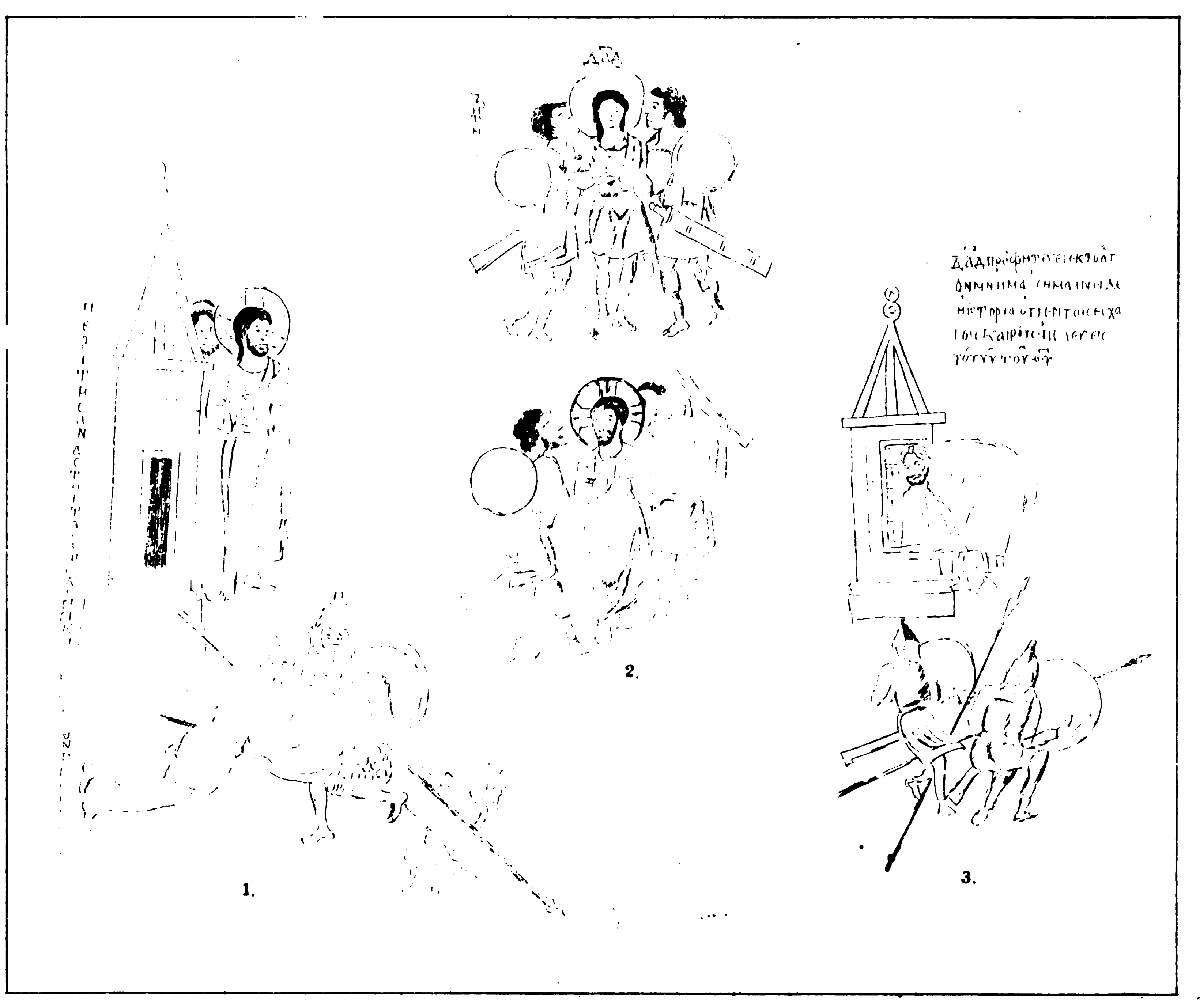

1.

2.

IX.

1.
2.
3.

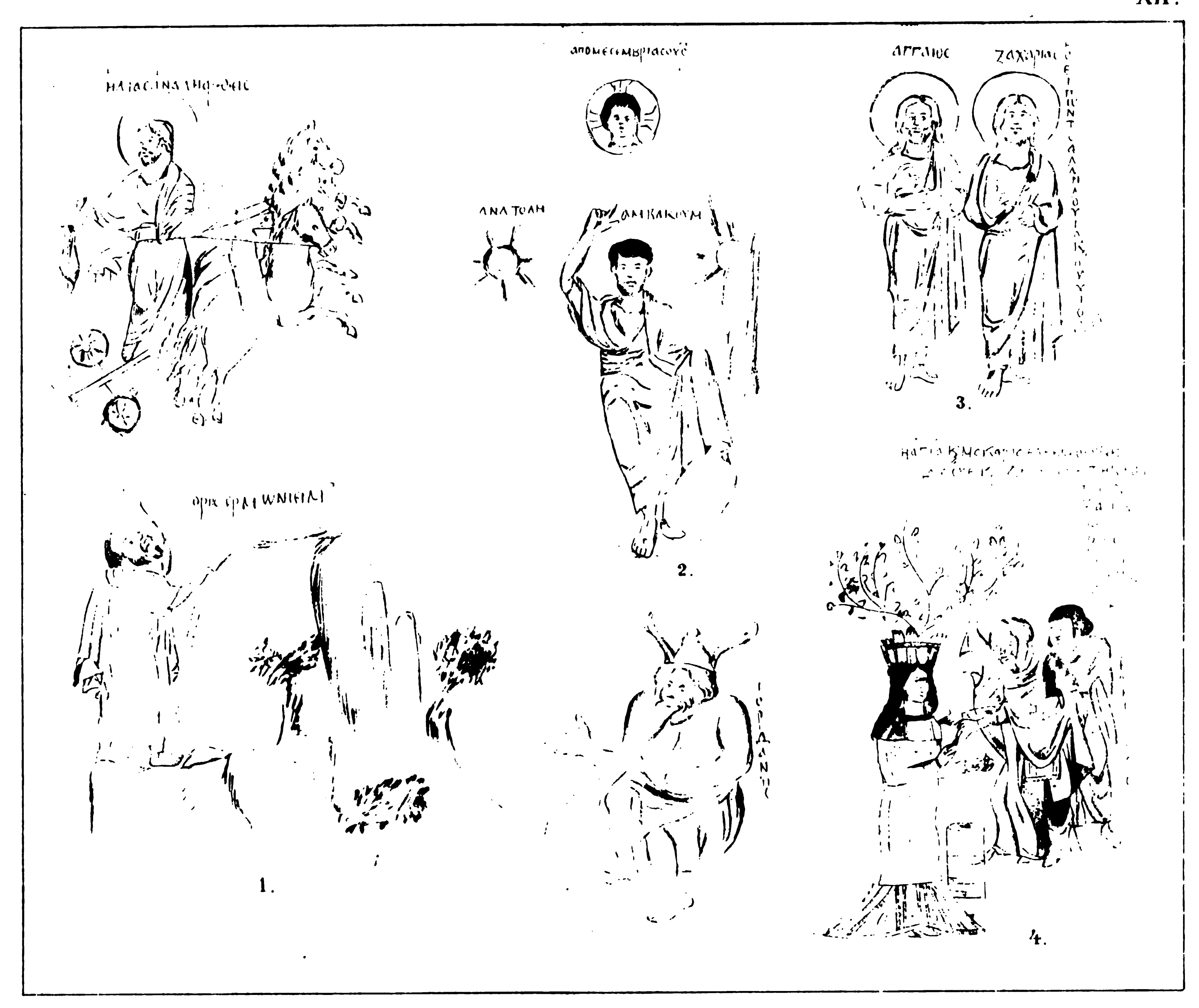
3.

4.

1.

2.

5.

ΑΝΑ ΤΟΛΗ
ΑΓΓΑΙΟϹ
1.
2.
3.
4.

XIII.

1.

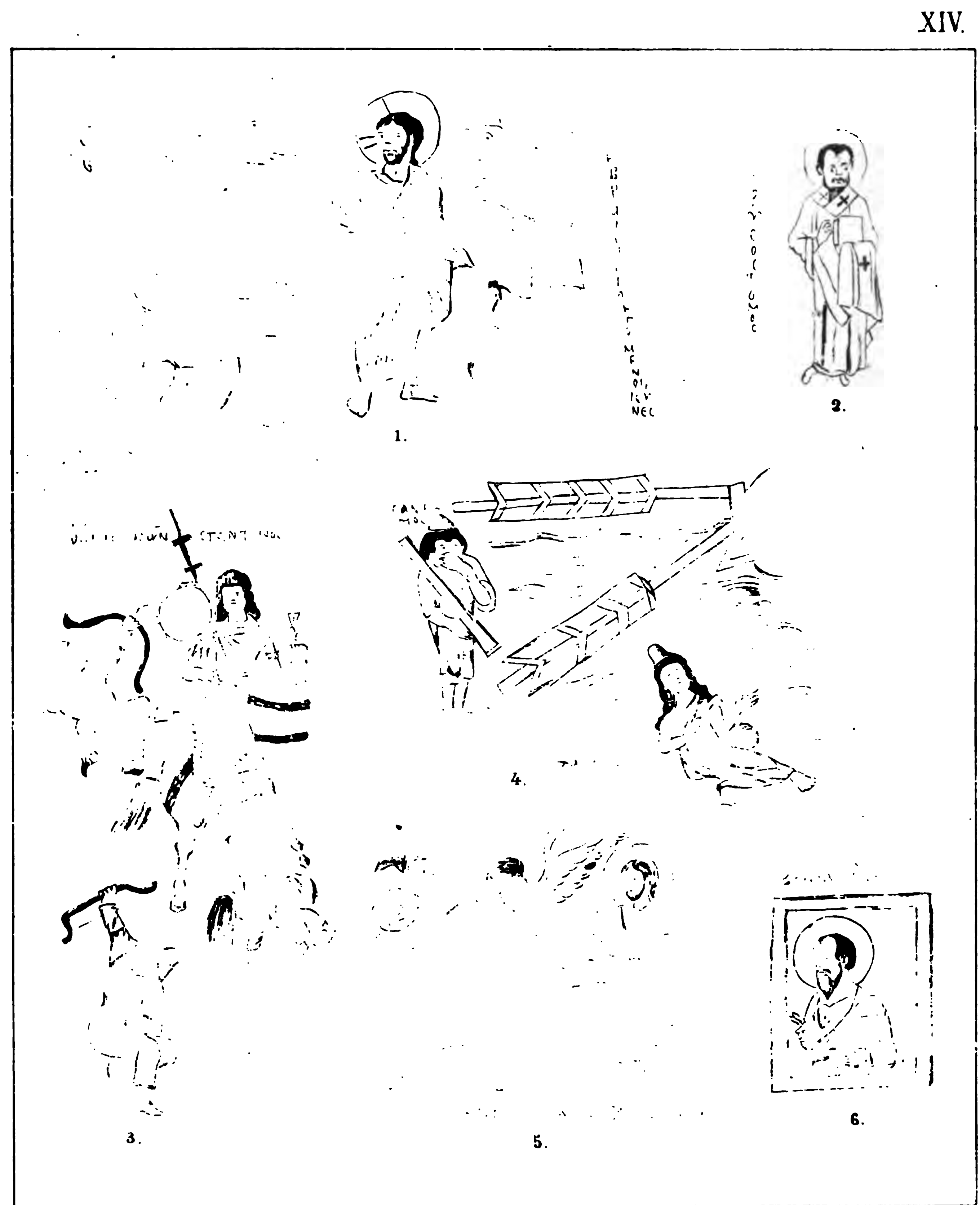
2

3.

4.

5.

6.

XIV.
1.
2.
3.
4.
5.
6.

Швеція
VIII.
1.
2.
3.
4.
3
4.
5.
6.
7.
5.
Свѣтопечать В Я. Рейнгардта

Германія. IX.

Фото-Литографія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

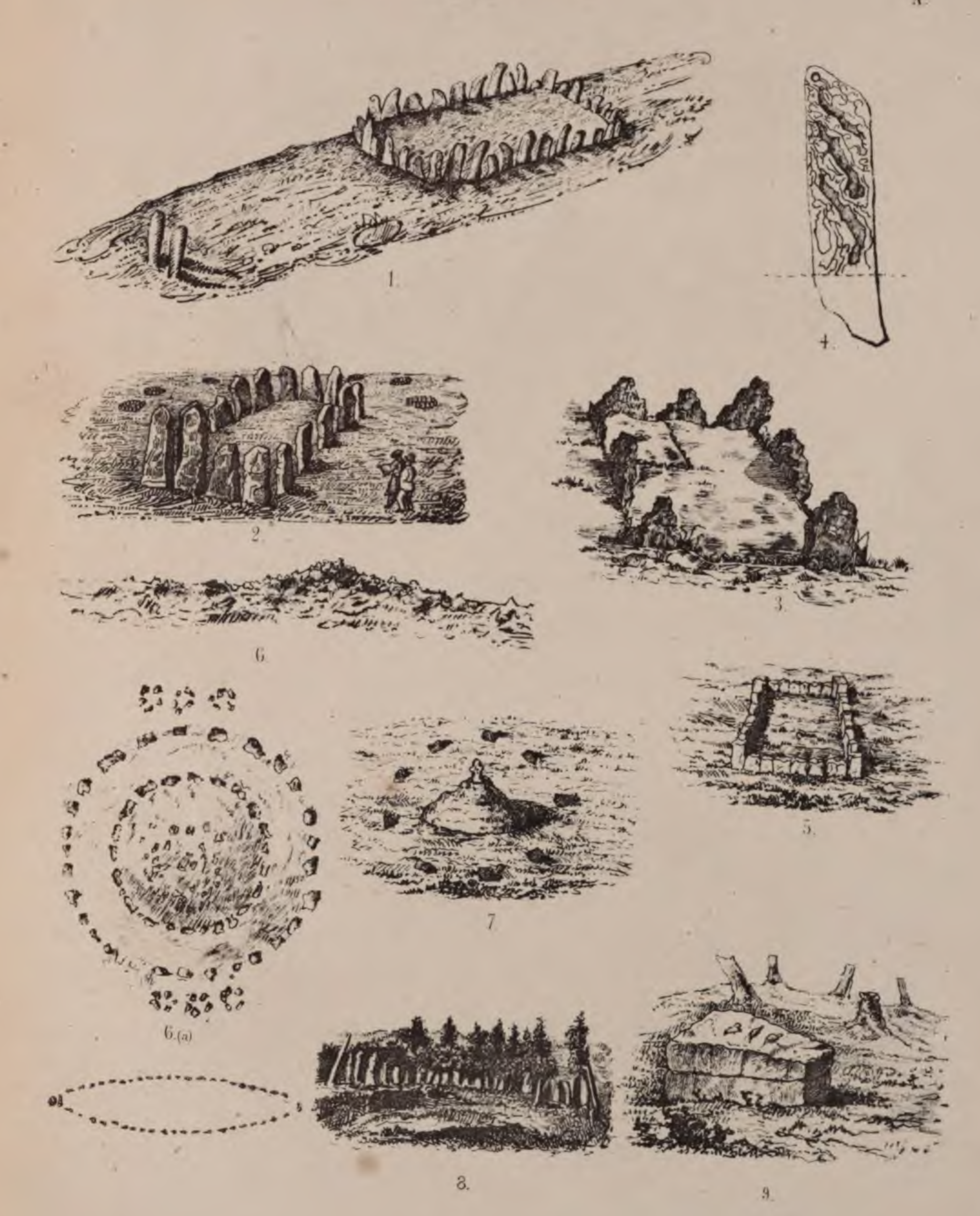
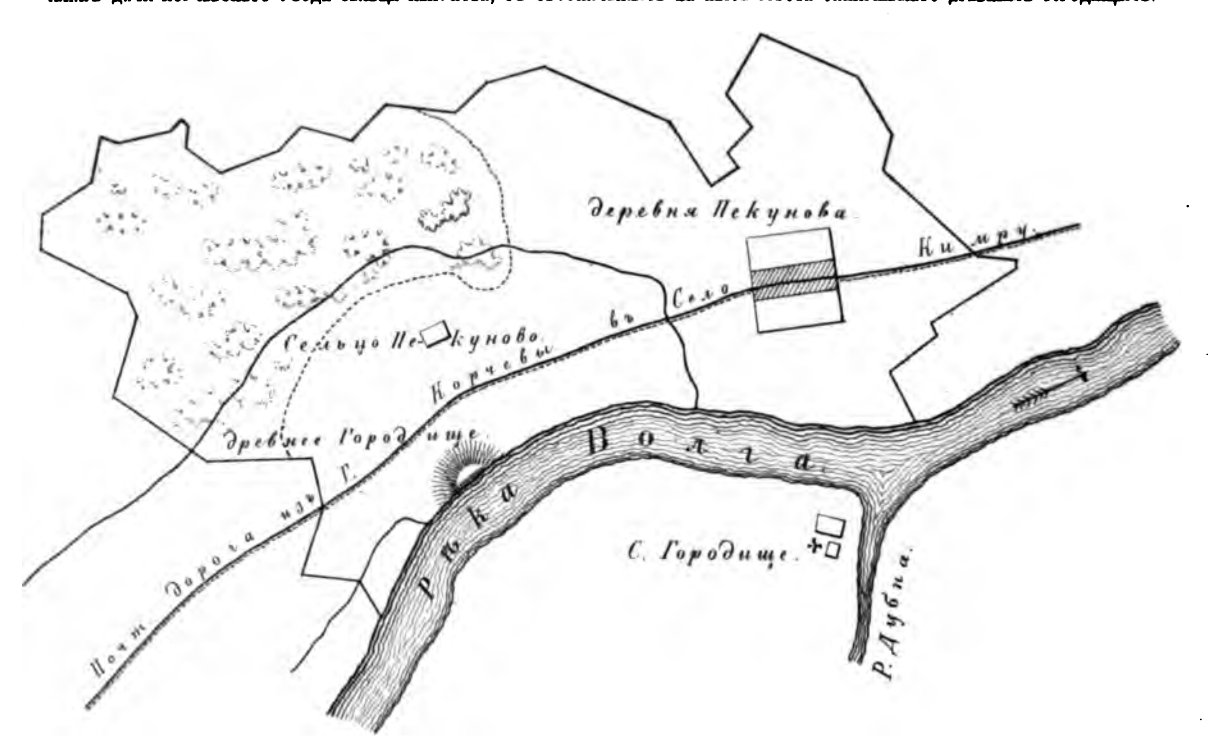

Фото-Литографія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

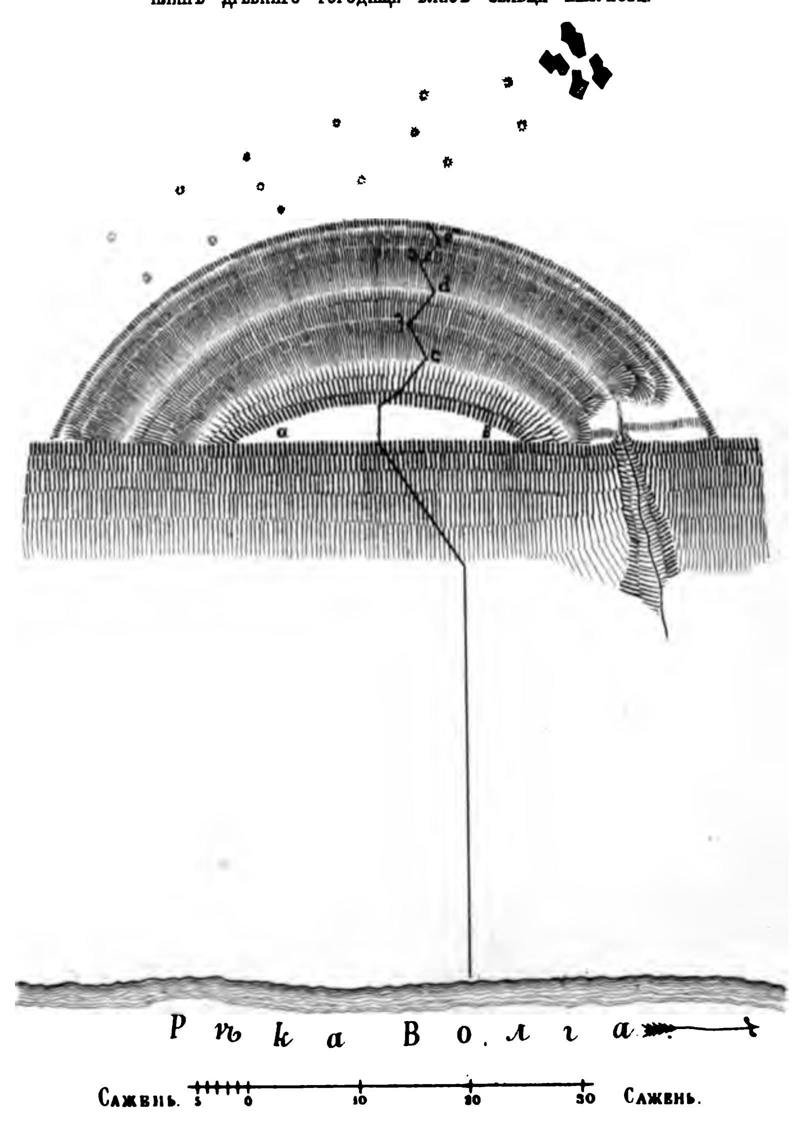

ΠΟΤΑΜΟϹ ΒΑΒΥΛΩΝΟϹ
ΠΕΡϹΑΙ
ΔΑΔ

ΠΟΤΑΜΟϹΒΑΒΥΛѠΝΟϹ:
ΠΕΡϹΑΙ
ΔΑΔ

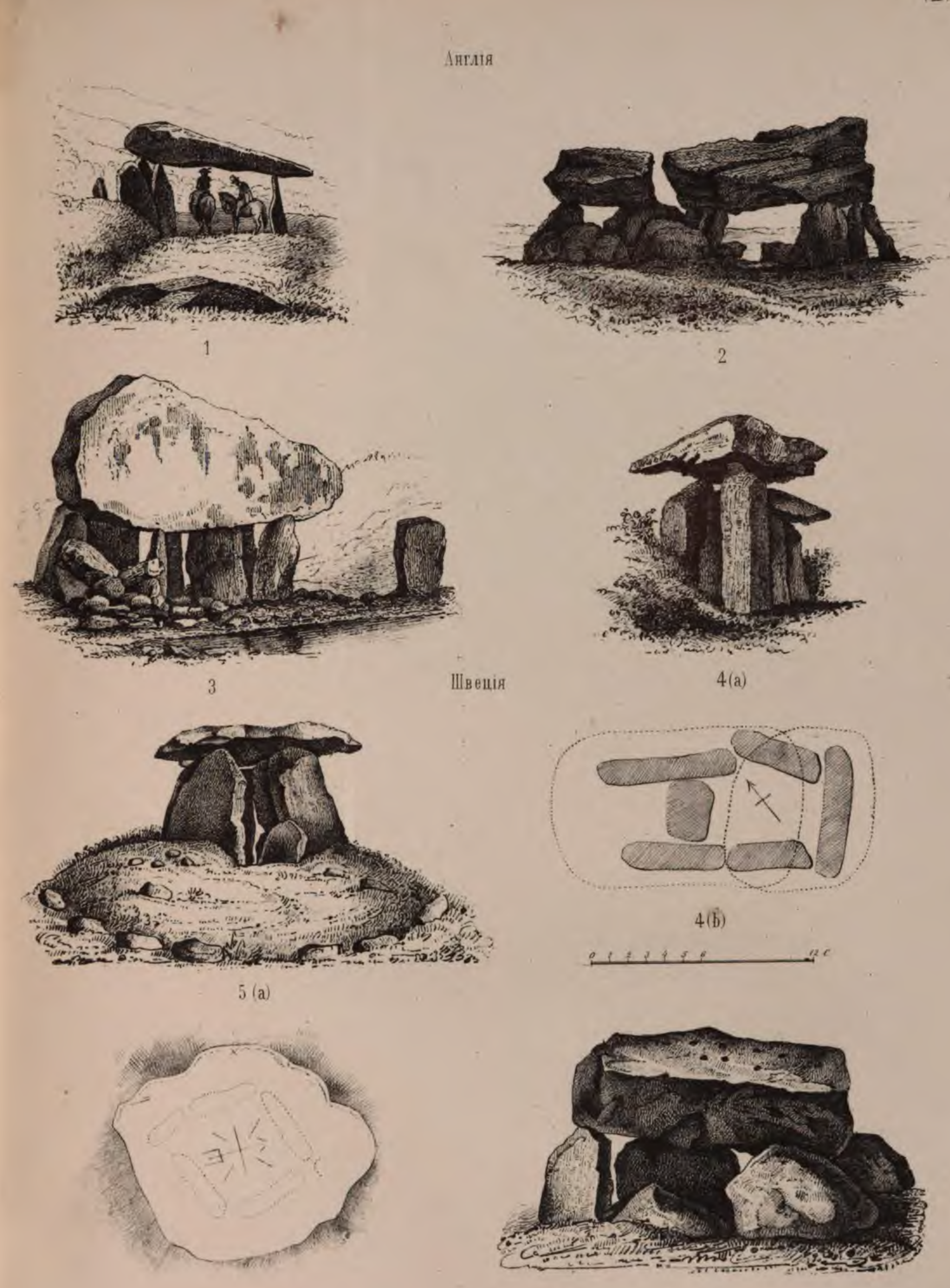
ПЛАНЪ ДАЧИ КОРЧЕВСКАГО УѢЗДА СЕЛЬЦА ПЕКУНОВА, СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ НА НЕМЪ МѢСТА ЗАНИМАЕМАГО ДРЕВНИМЪ ГОРОДИЩЕМЪ.

ПЛАНЪ ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА БЛИЗЪ СЕЛЬЦА ПЕКУНОВА.

Лит. Александровскаго въ Москвѣ

Свѣтопечать В. Я. Рейнгардта

Дозволено ценз. 23го Мар. 1876 г.

ритъ вверхъ, то въ бокъ, то внизъ; значитъ, голова лежитъ, какъ ей случилось упасть во время сожженія или послѣ него.

15—24. Предметы, вырытые изъ кургановъ сельца Пекунова, Корчевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Раскопка произведена въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 года, семействомъ гг. Мамонтовыхъ.

Разрыты были три кургана, изъ 14, находящихся близь Пекуновскаго городища. Курганы имѣли въ окружности (см. № 2) каждый 24 аршина, и высоту около 2 аршинъ. По снятіи части песчаной насыпи перваго кургана, на глубинѣ 9 вершковъ оказался человѣческій скелетъ въ лежачемъ положеніи, головою на западъ, а ногами на востокъ. Кости до того истлѣли, что разсыпались отъ прикосновенія къ нимъ. Кромѣ того, въ курганѣ этомъ найдены: бусы, разныя бронзовыя украшенія и кусокъ плетенаго шнура, а также черепки глиняныхъ горшковъ и угли.

15. Бусы, въ количествѣ 25, найдены близь шейныхъ костей скелета. Онѣ разныхъ цвѣтовъ, формы и величины, а именно:

а) одна буса изъ стекловидной черной массы, въ діаметрѣ $^5/_8$ дюйма, съ двумя бѣлыми волнообразными полосами, пересѣкающимися въ трехъ точкахъ. Внутри пространствъ, образуемыхъ этими полосками, имѣются желтоватые выпуклые кружки, въ діаметрѣ около $^1/_4$ д., съ четырьмя на каждомъ красными крапинками и съ одною голубою внутри ихъ, расположенными въ видѣ крестика или цвѣтка.

б) черная стекловидная буса, въ діаметрѣ $^7/_{16}$ д., съ осмью бѣлыми цвѣтками, имѣющими форму розетокъ.

в) стекловидная чернаго цвѣта, $^7/_{16}$ д., съ бѣлою полоскою кругомъ.

г) стеклянная двойная, бѣлаго цвѣта, $^5/_{16}$ д., съ коричневыми полосками, идущими радіусами.

д) круглая темносиняго цвѣта, $^7/_{16}$ д.

е) кругловатая, граненая, изумруднаго цвѣта.

ж) синяя, дынеобразной формы, $^1/_2$ д.

з) такая же двойная, $^5/_{16}$ д.

и) синяя, въ видѣ четырехгранной призмы, съ четыреугольниками на граняхъ зеленоватаго цвѣта, въ родѣ мозаики, длиною $^1/_2$ д.

і) двѣ сердоликовыя бусы, въ видѣ многогранныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д.

к) шесть сѣроватыхъ каменныхъ, по всему вѣроятію, глиняныхъ бусъ, въ видѣ четыреугольныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д. Одна повреждена.

л) двойная, стеклянная, желтоватаго цвѣта, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ, и

м) семь стеклянныхъ серебристыхъ, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ.

ОПИСАНІЕ
ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ

(продолженіе). *

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

I. ДРЕВНОСТИ ПЕРВОБЫТНЫЯ.

1. Остатки каменнаго вѣка, уступленные для Музея И. С. Поляковымъ, производившимъ въ 1874 году, по порученію Общества Естествоиспытателей, изслѣдованія въ Осташковскомъ уѣздѣ по берегамъ озера Селигера и другихъ озеръ. Эти предметы составляютъ: шесть обломковъ черепковъ горшковъ, съ узорами на нихъ, а также четыре осколка отъ обдѣлки каменныхъ орудій или отъ ножей, и, кромѣ того, доставлены: наконечникъ стрѣлы, обломокъ отъ копья и скребокъ. Объ нихъ г. Поляковъ пишетъ слѣдующее: «Представляемые мною образчики наименѣе совершенны изъ всѣхъ предметовъ, найденныхъ мною въ Осташковскомъ уѣздѣ; предметы наиболѣе совершенные сохранены мною для подробнаго описанія, долженствующаго войти въ Отчетъ Обществу Естествопытателей, по порученію котораго я дѣлалъ изслѣдованія. Изъ представляемыхъ остатковъ наиболѣе совершенны обломки глиняной посуды; они состоятъ изъ глины, по большой части не пережженой, въ смѣси съ большимъ количествомъ песку, какъ это вообще замѣчается на посудѣ изъ глины у всѣхъ первобытныхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи, къ каковымъ относятся и племена, обитавшія нѣкогда въ Осташковскомъ уѣздѣ. Однако же, на представляемыхъ обломкахъ горшковъ,

*) См. начало въ VII т. вып. 1, стр. 24—28.

при всей ихъ грубости, имѣются нѣкоторые узоры и украшенія, въ родѣ тѣхъ, какіе и до сихъ поръ дѣлаются на горшкахъ въ средѣ русскихъ крестьянъ. Что вышеуказанные обломки горшковъ принадлежали народу грубому, нецивилизованному, стоявшему на низкой степени культурнаго развитія, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что они залегаютъ довольно глубоко въ землѣ, по обыкновенію, въ нижнихъ частяхъ растительнаго слоя; во вторыхъ потому, что рядомъ съ ними лежатъ остатки орудій изъ камня и кости; слѣдовательно, хозяевами этихъ всѣхъ остатковъ были люди, незнавшіе употребленія металловъ,—иначе сказать, это были жители каменнаго вѣка. Ихъ топоры, стрѣлы, ножи, рубанки или скребки и проч. принадлежности домашняго быта дѣлались изъ кремня и другихъ горныхъ породъ. Для Тверскаго Музея я могу удѣлить только обломки отъ обдѣлки подобныхъ орудій и принадлежностей каменнаго вѣка. Эти обломки, по большой части, тонки, съ острыми краями, иногда они удлинены, имѣютъ форму призмы и т. п.; многіе изъ этихъ обломковъ служили для жителей каменнаго вѣка ножами. По такимъ обломкамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ Осташковскаго уѣзда въ большомъ изобиліи, можно угадывать мѣста пребыванія жителей каменнаго вѣка, и часто между такими обломками можно находить и орудія вполнѣ совершенныя. Въ моей коллекціи имѣются хорошо выточенные или обитые каменные топоры, стрѣлы и пр. Здѣсь я представляю небольшую эллипсоидальную стрѣлу, или, сказать точнѣе, наконечникъ стрѣлы; онъ невполнѣ хорошо выдѣланъ, между тѣмъ встрѣчаются наконечники весьма правильные и совершенные. За тѣмъ прилагается обломокъ копья и скребокъ, который

можно признать вполнѣ типичнымъ: скребки такого же точно типа были находимы у Эскимосовъ, въ полярныхъ странахъ сѣвера, въ Датскихъ кухонныхъ остаткахъ и пр. Остатки каменнаго вѣка широко распространены въ Осташковскомъ уѣздѣ, въ особенности, по берегамъ озеръ Селигера, Сига, Овселука и т. д. Культура каменнаго вѣка предшествовала культурѣ курганнаго періода. Видимо, что жители каменнаго вѣка были вытѣснены жителями курганнаго періода, которые уже были знакомы съ бронзой и желѣзомъ, но которые, тѣмъ не менѣе, были уничтожены народами болѣе развитыми, принадлежавшими, можетъ быть, даже къ славянскимъ поколѣніямъ».

2. Черепки глиняной посуды и кремневой наконечникъ стрѣлы, найденные въ обрывѣ городища Корчев-

скаго уѣзда, Ларцевской волости, близъ сельца Пекунова, на берегу рѣки Волги, въ 28 верстахъ отъ г. Корчевы. Эти черепки и наконечникъ стрѣлы сходны съ такими же предметами каменнаго вѣка, найденными въ Осташковскомъ уѣздѣ и доставленными въ Тверской Музей Н. С. Поляковымъ, описанными выше сего подъ № 1, съ тою разницей, что на двухъ Пекуновскихъ имѣются узоры клинообразные, и самые черепки, большею частію, очень толстые, не обожженные; глина смѣшана съ крупнымъ пескомъ. Вмѣстѣ съ помянутыми остатками каменнаго вѣка, поступила въ Музей вынутая изъ-подъ насыпи городища часть дерна, превратившагося въ полуобуглившійся торфъ.

Пекуновское городище, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Городка, находится на лѣвомъ берегу Волги, выше устья рѣки Дубны, впадающей въ нее съ правой стороны, въ разстояніи около полуторы версты. У самаго устья р. Дубны, на лѣвомъ ея берегу, находится село Дубинское устье, которое носитъ названіе городища. Разстояніе между городищемъ и сельцомъ Пекуновомъ четверть версты, а отъ деревни Пекунова до городища около версты. Весеннія воды р. Волги почти ежегодно отмываютъ часть земляной насыпи. Въ настоящее время площадь городища (приложенъ планъ) представляетъ видъ сегмента, котораго хорда a—b имѣетъ въ длину 81 аршинъ, а въ высоту 9 аршинъ. На основаніи этихъ размѣровъ, можно приблизительно опредѣлить [если допустить кругообразную форму городища] поперечникъ его въ 20 саж., а самую площадь въ 125 $^1/_7$ кв. саж. Городище окружено тремя рвами (c, d, e) и двумя валами (f, g), непосредственно чередующимися одинъ за другимъ. Оно представляетъ собою ровную плоскость, возвышающуюся надъ окружающими его валами. Изъ этого можно предполагать, что городище было огорожено тыномъ или частоколомъ. Внѣшній ровъ имѣетъ около 2 аршинъ глубины; за нимъ слѣдуетъ валъ, вышиною около 9 аршинъ. Другая сторона вала, обращенная къ городищу, имѣетъ въ вышину около 8 аршинъ. Второй ровъ, длиною около 54 саж., съ обѣихъ сторонъ открытъ къ Волгѣ; второй валъ немного выше перваго; за нимъ слѣдуетъ ровъ глубиною около 6 арш., окружающій самое городище. Оконечности рвовъ перваго и третьяго, примыкающія къ обрыву, засыпаны землею, повидимому, обвалившеюся съ насыпей. Валы и рвы обросли дерномъ. Насыпь площадки городища, легко отличаемая по остаткамъ дерна, на которомъ она насыпана, имѣетъ въ толщину около четырехъ аршинъ и состоитъ изъ чернозема.

Возлѣ городища находятся два ряда кургановъ, идущіе на пространствѣ 23 саженъ, по направленію къ сельцу Пекунову. Ко-

нецъ одного ряда кургановъ примыкаетъ къ первому внѣшнему рву, а другой конецъ удаляется отъ него на 18 саженъ. Всѣхъ кургановъ сохранилось 14. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находилось здѣсь до 30 кургановъ; но изъ нихъ въ послѣднее время многіе срыты. Они имѣютъ видъ закругленнаго конуса, имѣющаго въ основаніи 8 арш. въ діаметрѣ, при двухъаршинной высотѣ. Курганы идутъ попарно, въ разстояніи около 5 саж. одинъ отъ другаго, кромѣ трехъ кургановъ, которые находятся въ серединѣ рядовъ. Оба ряда кургановъ, въ сторонѣ, обращенной къ сельцу Пекунову, заканчиваются четырьмя большими ямами, которыя, какъ должно полагать, суть ничто иное, какъ слѣды произведенныхъ здѣсь раскопокъ. Городище и нѣсколько кургановъ были разрываемы прежнимъ владѣльцемъ, съ цѣлью отыскать въ нихъ клады, но кромѣ костей ничего въ нихъ не найдено. Весенними же водами р. Волги, размывающими городище, были отмываемы человѣческіе черепа, которые, несмотря на то, что форма ихъ вполнѣ сохранилась, подверглись настолько тлѣнію, что разсыпались при одномъ къ нимъ прикосновеніи. Кромѣ череповъ, находимы были въ размывной землѣ городища кремневые наконечники стрѣлъ и копій, а также черепки глиняной посуды.

Преданій не сохранилось, сохранился только издревле обычай крестьянъ окрестныхъ деревень, которые, наканунѣ Иванова дня (23 іюня), собираются сюда и проводятъ здѣсь время съ утра до поздней ночи въ разныхъ играхъ. Въ прежнее время разводимы были ими на городищѣ огни, но, послѣ происшедшаго отъ этого напольнаго пожара, разводить огни владѣльцемъ запрещено. В. А. Преображенскій, извѣстный изслѣдованіями по исторіи и статистикѣ Тверской губерніи, упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что у Пекуновскаго городка (городища) происходило сраженіе Тверскаго великаго князя Михаила Ярославовича съ Московскимъ княземъ Георгіемъ Даниловичемъ, переправившимся черезъ Волгу противъ Пекунова. Лѣтописи не упоминаютъ, чтобы здѣсь происходило сраженіе, въ которомъ лично участвовали оба эти князя; но могло быть, что войска Московскаго князя, переправившись на лѣвый берегъ Волги, чтобы опустошать на этой сторонѣ Тверскія владѣнія, встрѣтились здѣсь съ Кашинцами, вышедшими на помощь Тверичамъ [1]). Многознаменательнымъ указаніемъ на это обстоятельство можетъ служить сохранившееся названіе Георгиново,—названіе поля, на которомъ находится городище съ курганами [2]).

---

[1]) Исторія Тверскаго княжества, В. С. Борзаковскаго. С. П. Б. 1876 года.

[2]) Ближайшая къ этому городищу пустошь называется «Строкино»; за нею слѣдуютъ: Каменково, Медвѣдково, Зайково и Сережкино.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, стояла на городищѣ сторожка лѣсника, для охраненія лѣсной дачи, находящейся въ виду городища, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ него; но весенними водами отмыло самое мѣсто, на которомъ была построена сторожка.

3. Каменный молотъ или сѣкира, шлифованный и съ сверлиною. Въ 1873 году, въ г. Красномъ Холму, при устройствѣ чрезъ рѣку Нелединy моста для дамбы, рыли песокъ съ горы, близъ Преображенскаго собора, и, при снятіи горы на сажень или болѣе въ глубь, рабочими найденъ былъ этотъ молотъ. При осмотрѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, этотъ молотъ признанъ сдѣланнымъ изъ доломитовой породы; а такъ какъ камни доломитовой породы находятся въ Россіи на Уралѣ, гдѣ и въ настоящее время выдѣлываются изъ нихъ черенки для ножей, въ Тверской же губерніи доломитовъ не находится, то и раждается предположеніе о происхожденіи этого молота съ Урала **). Онъ имѣетъ въ длину 7 дюйм. и въ ширину 2 $^{3}/_{4}$ д., изящной формы, отшлифованъ и съ одного конца заостренъ. Этотъ молотъ пожертвованъ Красно-Холмскимъ городскимъ головою П. А. Комендантовымъ, въ 1875 году.

4. Каменный шлифованный молотъ, найденный въ г. Красномъ Холму, въ 1873 году, вмѣстѣ съ другимъ молотомъ, описаннымъ выше подъ № 3. Этотъ молотъ пожертвованъ, въ 1876 году, въ музей купцомъ М. И. Мясниковымъ, купившимъ у крестьянина, нашедшаго его, за 15 коп. Молотъ этотъ сдѣланъ изъ сѣраго сіенитоваго гранита. Онъ имѣетъ киркообразную форму, въ длину 4 дюйма, въ вышину $1^{3}/_{4}$ и до 2-хъ д. въ толщину, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится сверлина, величиною въ одинъ дюймъ. Сверлина находится въ $^{3}/_{4}$ дюйма отъ тупаго конца молота и въ $2^{1}/_{2}$ дюймахъ отъ острія.

**) По формѣ своей эта сѣкира совершенно одинакова съ сѣкирами, найденными въ Можайскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Лезвіе загибается полукругомъ къ нижней части сѣкиры. Но между Тверскими каменными сѣкирами въ особенности замѣчателенъ № 5, который передѣланъ изъ болѣе длиннаго разбившагося орудія. У тылья замѣтна еще часть первоначальной сверлины; за тѣмъ отшлифовали весьма правильно этотъ обломокъ и просверлили на серединѣ его новое отверстіе.

5. Каменный шлифованный молотъ или сѣкира, найденный въ г. Красномъ Холму, въ 1873 году, вмѣстѣ съ другими двумя молотами, представленными въ музей, въ 1877 г., крестьяниномъ Весьегонскаго уѣзда, деревни Лаптева, Б. Θ. Орловымъ. Молотъ этотъ сдѣланъ, повидимому, изъ доломитовой породы. Онъ имѣетъ въ длину $5^1/_4$ дюйма, въ вышину $1^3/_4$ у острія и $1^1/_4$ у тупаго конца и до $2^1/_4$ въ толщину, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится круглое для рукоятки отверстіе, величиною въ одинъ дюймъ. Отверстіе это находится въ $1^3/_4$ дюйма отъ тупаго конца и въ $2^1/_2$ д. отъ острія.

6. Каменный молотъ или сѣкира, изъ чернаго, повидимому, мелкозернистаго гранита, длиною $4^3/_4$ вершка, толщиною у сверлины $1^3/_4$ в., шириною у остраго конца $^{15}/_{16}$ вер.; самая сверлина въ діаметрѣ $^3/_4$ вер. Этотъ молотъ, замѣчательный по своей величинѣ, найденъ въ 1864 году въ городѣ Торжкѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, на правомъ берегу рѣки Тверцы, въ землѣ, на косогорѣ, на глубинѣ около 3 аршинъ, при копаніи земли подъ фундаментъ сѣверной башни Борисоглѣбскаго монастыря. Монастырь основанъ въ 1038 г., на пустомъ возвышенномъ мѣстѣ на посадѣ, отдѣлявшемся отъ города землянымъ валомъ съ сѣверной стороны (Историческо-Статистическое описаніе города Торжка. Тверь, 1860 г., стр. 3). Рабочіе, нашедшіе этотъ молотъ, воспользовались имъ для бученія кирпича; но наблюдавшій за постройкою архитекторъ И. С. Гребенщиковъ взялъ отъ нихъ этотъ молотъ, который впослѣдствіи, въ 1877 году, пожертвовалъ въ Тверской музей.

7—14. Предметы, вырытые изъ кургановъ въ сельцѣ Петровскомъ, усадьбѣ г. Коровяковскаго, въ 8 верстахъ отъ г. Ржева. Курганы расположены на низкомъ лѣвомъ берегу Волги, выше г. Ржева; число кургановъ простирается до 30. Въ полуверстѣ отъ нихъ, на высокомъ берегу Волги, древнее городище.— Раскопка произведена 7-го іюня 1875 года, инспекторомъ Ржевской Прогимназіи Д. Θ. Щегловымъ, пожертвовавшимъ означенные предметы въ Тверской музей.

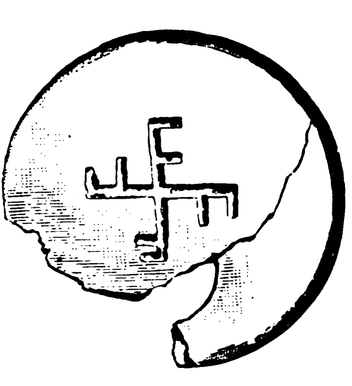
7. Ножикъ желѣзный, длиною около 4 вершковъ. Рукоятка обдѣлана, повидимому, въ кость, худо сохранившуюся. Лезвіе около двухъ вершковъ длины, очень не широко, при значительной толщинѣ. Ножикъ переломленъ на 4 части, и кромѣ того, безъ конца [1]).

[1]) Подобный этому изображенъ на таб. XXX рис. 25, въ атласѣ къ «Трудамъ перваго

8. Кольцо мѣдное или бронзовое, нѣсколько менѣе $^{3}/_{4}$ вершка во внѣшнемъ діаметрѣ, при $^{1}/_{8}$ вершк. толщины.

9. Остатокъ какой-то желѣзной вещи, можетъ быть, ключа, въ видѣ стержня, въ $1^{1}/_{2}$ вершка длины, толщиною $^{3}/_{16}$ вер., съ выдающимися тремя отростками, въ разстояніи $^{1}/_{2}$ вершка отъ концовъ стержня. Одинъ изъ сихъ отростковъ имѣетъ видъ лапки [бородки]; на другомъ концѣ отростки, въ видѣ ушковъ, имѣются съ двухъ сторонъ стержня.

10. Горшокъ, худо сохранившійся, вышиною 3 вер., и столько же шириною въ самой широкой части; дно въ діаметрѣ $2^{1}/_{8}$ вер. На днѣ горшка имѣется знакъ или клеймо, составленный изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ прямыхъ и ломаныхъ линій, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ [1]). Глина съ большою примѣсью крупнаго песка, точно также, какъ и въ черепкахъ глиняной посуды, вынутыхъ изъ Пекуновскаго городища **).

арх. съѣзда». Такой же ножъ находится въ Тверскомъ музеѣ и показанъ въ описаніи его подъ № 26.

[1]) Снята фотографія. Подобные знаки помѣщены въ первомъ томѣ «Древностей», въ статьяхъ графа Тышкевича и А. А. Котляревскаго.

**) Къ №№ 10 и 11. Всѣ изслѣдованія объ изображеніяхъ на днахъ глиняныхъ сосудовъ доказали уже теперь, что эти знаки не имѣютъ никакого религіознаго значенія, а принадлежатъ къ числу фабричныхъ клеймъ. Дослѣ у насъ были извѣстны только клейма на сосудахъ найденныхъ гр. Тышкевичемъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, а также на сосудахъ отрытыхъ въ Даниловскомъ у. у станціи Уткина. Третья мѣстность теперь, на которой попадаются сосуды съ такими же клеймами, оказывается Ржевскій уѣздъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что ставить клейма на днѣ сосудовъ, было обыкновеніе не повсемѣстное, а напротивъ того, только нѣкоторыхъ мѣстностей, и составляетъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила. То же самое исключительное значеніе клеймъ было уже замѣчено западными археологами, которые для составленія своихъ выводовъ могли пользоваться болѣе обширнымъ матеріаломъ. Изучая со вниманіемъ не только ржевскіе сосуды, но вообще всѣ подобные сосуды, видно, что гончаръ при лѣпкѣ сосуда, хотя онъ не зналъ еще гончарнаго круга, однако ставилъ сосудъ на ручной деревянный станокъ, на которомъ вырѣзывался въ глубь тотъ знакъ, который обронно выходилъ на сосудѣ при его лѣпкѣ. На нѣкоторыхъ сосудахъ клеймо сдѣлано въ глубь; въ такихъ случаяхъ на станкѣ была сдѣлана выпуклая матрица. Такіе сосуды съ клеймами были найдены въ сѣверной Италіи (Mortillet. Le signe de la croix avant le Christianisme. Paris, 1866) на чисто классической почвѣ. Между ними самые древніе найдены въ Эмиліи, въ такъ называемыхъ terra mara (у Пармы, Баргоне, Кастіоне). Потомъ слѣдуетъ могильникъ, найденный графомъ Гоццадини у Виланова близь Болоньи, и наконецъ цѣлый рядъ находокъ въ Голазекка и въ Сомма въ сѣверной Италіи, близь знаменитаго побоища на Тицинѣ. Наконецъ, такіе сосуды найдены были также во многихъ свайныхъ поселеніяхъ въ Савойѣ и другихъ мѣстахъ. Хотя всѣ эти находки обнимаютъ большое пространство времени, однако теперь всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что онѣ принадлежатъ

11. Горшокъ, очень худо сохранившійся. На осколкахъ его дна, которое въ діаметрѣ имѣетъ $2^{1}/_{8}$ вер., находитсязнакъ[клеймо], составленныйизъ нѣсколькихъ прямыхъ линій, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ.

12. Горшокъ небольшой, порядочно сохранившійся, выкопанный изъ земли цѣлымъ и уже потомъ разбившійся. Горшокъ этотъ вышиною $2^{1}/_{4}$ вершка; дно его, въ діаметрѣ $1^{1}/_{2}$ вершк., не имѣетъ знака или клейма.

13. Скелетъ, повидимому, мужской.

14. Скелетъ, повидимому, женскій.

къ періоду предшествовавшему не только римской, но даже и этрусской эпохѣ. За тѣмъ любопытно, что тѣ же самыя почти клейма на сосудахъ отрытыхъ въ Германіи (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft tur Anthrop. Ethn. n. Urgesch. 1871. III, p. 27, Taf. VI, 1876; VIII, p 165). Такіе сосуды были найдены по правому берегу Одера, въ пяти мѣстностяхъ у Гарца, у Даберскаго, Персанцигскаго и Солдинерскаго озеръ и у Кенигсвальда. Всѣ сосуды небольшаго объема, грубой отдѣлки и сдѣланы изъ черноватой глины, съ большою примѣсью кварца и слюды, обожжены внутри и снаружи до краснаго цвѣта. На нихъ выпуклыя клейма доказываютъ извѣстное усовершенствованіе, которое незамѣтно при сосудахъ съ вогнутыми клеймами. Затѣмъ слѣдуютъ клейма болѣе правильно выдѣланныя, какъ на сосудахъ изъ Кенигсвальда и изъ Клесько близь Гнѣзна (ibidem, 1876. VIII, pag. 272). Эти послѣднія Гнѣзненскія клейма представляютъ кресты съ перекрестками на четырехъ концахъ, въ родѣ знаковъ на монетахъ X и XI вѣка (въ Позенскомъ собраніи). Вообще эти сосуды съ клеймами въ

Оба скелета найдены въ одномъ курганѣ, въ массѣ мелкихъ углей. Судя по положенію головы и костей туловища, оба покойника были похоронены въ сидячемъ положеніи. Отношеніе длины черепа къ ширинѣ—въ большомъ черепѣ—100: 81, въ меньшемъ—100: 79. Вмѣстѣ съ скелетами, въ томъ же курганѣ найдены описанные выше: ножикъ, кольцо, остатокъ желѣзной вещи и два горшка. Третій горшокъ, меньшій, найденъ въ особомъ небольшомъ курганѣ, безъ всякихъ остатковъ костей. Всѣ горшки, повидимому, наполнены были какимъ-то жирнымъ веществомъ. Съ поверхности земли проникли корни растеній, нашедшіе въ нихъ себѣ пищу. Трупы были положены на поверхности земли и уже потомъ была сдѣлана насыпь до $2^1/_2$ аршинъ отвѣсной высоты. Оба скелета, равно какъ и два другіе, вырытые изъ кургановъ въ томъ же мѣстѣ, лежали ногами къ востоку.

Существуетъ вопросъ: прямо ли на землѣ клали покойниковъ, или предварительно дѣлали маленькую насыпь, на которую клали покойника? Въ означенныхъ раскопанныхъ курганахъ подъ скелетомъ начиналась матерая, нетронутая земля; значитъ, трупъ прямо на землю и былъ положенъ, безъ всякой предварительной насыпи; но положенъ не горизонтально, а въ сидячемъ положеніи, и притомъ ноги во всѣхъ скелетахъ были обращены на востокъ.—По описанію Ибнъ-Фодлана, покойника подпирали подушками, чтобы онъ не упалъ. А что трупъ былъ въ сидячемъ положеніи, это видно изъ того, что голова всегда находится вмѣстѣ съ тазомъ, или близь него. Если бы трупъ былъ положенъ въ лежачемъ положеніи, то голова была бы далеко отъ таза, такъ что тотъ былъ бы въ срединѣ между нею и ступнями. И притомъ, голова имѣетъ самое неправильное положеніе: то лицо смот-

---

особенности для насъ любопытны тѣмъ, что привели профессора Фирхо къ убѣжденію, что они попадаются только въ мѣстностяхъ имѣющихъ славянское названіе, и что они принадлежатъ къ издѣліямъ славянскихъ народовъ, т. е. къ издѣліямъ тѣхъ самыхъ народовъ, которые насыпали городища и строили свайныя жилища въ этихъ мѣстахъ. Такъ какъ эти поселенія Помераніи относятся къ VI или VII столѣтію по Р. Х., то и гончарныя издѣлія должны быть отнесены къ тому же времени. Относительно же сосудовъ съ клеймами до-этрусской эпохи, находимыхъ въ Италіи, Фирхо говоритъ, что ставить ихъ въ связи съ сосудами славянскими, хотя и посредствомъ торговыхъ сношеній, весьма трудно. Что же касается происхожденія этихъ знаковъ, то Фирхо думаетъ, что образцы для мѣстныхъ гончарныхъ издѣлій могли быть занесены изъ весьма дальныхъ странъ. Такое мнѣніе, несмотря, что оно не разрѣшаетъ окончательно вопросъ о народности этихъ знаковъ, однако такъ любопытно для насъ, что должно обратить особое вниманіе нашихъ изслѣдователей. Можетъ быть, и не отыскивая объясненія въ торговыхъ сношеніяхъ, эти знаки принадлежали какъ отличительный признакъ извѣстнымъ славянскимъ племенамъ, несмотря ни на время, ни на страну, въ которой они селились. Вообще, можно навѣрно надѣяться, что изслѣдованія такихъ знаковъ на гончарныхъ издѣліяхъ будутъ содѣйствовать къ раскрытію народности многихъ памятниковъ, такъ какъ гончарныя издѣлія, по хрупкости своей, врядъ ли часто служили предметами извоза при дальнихъ торговыхъ оборотахъ.

ритъ вверхъ, то въ бокъ, то внизъ; значитъ, голова лежитъ, какъ ей случилось упасть во время сожженія или послѣ него.

15—24. Предметы, вырытые изъ кургановъ сельца Пекунова, Корчевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Раскопка произведена въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 года, семействомъ гг. Мамонтовыхъ.

Разрыты были три кургана, изъ 14, находящихся близъ Пекуновскаго городища. Курганы имѣли въ окружности (см. № 2) каждый 24 аршина, и высоту около 2 аршинъ. По снятіи части песчаной насыпи перваго кургана, на глубинѣ 9 вершковъ оказался человѣческій скелетъ въ лежачемъ положеніи, головою на западъ, а ногами на востокъ. Кости до того истлѣли, что разсыпались отъ прикосновенія къ нимъ. Кромѣ того, въ курганѣ этомъ найдены: бусы, разныя бронзовыя украшенія и кусокъ плетенаго шнура, а также черепки глиняныхъ горшковъ и угли.

15. Бусы, въ количествѣ 25, найдены близъ шейныхъ костей скелета. Онѣ разныхъ цвѣтовъ, формы и величины, а именно:

а) одна буса изъ стекловидной черной массы, въ діаметрѣ $^5/_8$ дюйма, съ двумя бѣлыми волнообразными полосами, пересѣкающимися въ трехъ точкахъ. Внутри пространствъ, образуемыхъ этими полосками, имѣются желтоватые выпуклые кружки, въ діаметрѣ около $^1/_4$ д., съ четырьмя на каждомъ красными крапинками и съ одною голубою внутри ихъ, расположенными въ видѣ крестика или цвѣтка.

б) черная стекловидная буса, въ діаметрѣ $^7/_{16}$ д., съ осмью бѣлыми цвѣтками, имѣющими форму розетокъ.

в) стекловидная чернаго цвѣта, $^7/_{16}$ д., съ бѣлою полоскою кругомъ.

г) стеклянная двойная, бѣлаго цвѣта, $^5/_{16}$ д., съ коричневыми полосками, идущими радіусами.

д) круглая темносиняго цвѣта, $^7/_{16}$ д.

е) кругловатая, граненая, изумруднаго цвѣта.

ж) синяя, дынеобразной формы, $^1/_2$ д.

з) такая же двойная, $^5/_{16}$ д.

и) синяя, въ видѣ четырехгранной призмы, съ четыреугольниками на граняхъ зеленоватаго цвѣта, въ родѣ мозаики, длиною $^1/_2$ д.

і) двѣ сердоликовыя бусы, въ видѣ многогранныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д.

к) шесть сѣроватыхъ каменныхъ, по всему вѣроятію, глиняныхъ бусъ, въ видѣ четыреугольныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д. Одна повреждена.

л) двойная, стеклянная, желтоватаго цвѣта, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ, и

м) семь стеклянныхъ серебристыхъ, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ.

16. Шейная круглая гривна, длиною $9^{3}/_{4}$ вершка, витая изъ двухъ толстыхъ проволокъ, въ діаметрѣ каждая $^{1}/_{10}$ д. Концы этихъ проволокъ оканчиваются пластинками, съ двумя крючками для застежки.

17. Браслетъ, въ видѣ толстой пластинки, въ діаметрѣ $1^{1}/_{2}$ вершка. Пластинка въ серединѣ шириною $^{1}/_{8}$ в., а къ концамъ, почти соприкасающимся между собою, ширина ея увеличивается до $^{1}/_{4}$ в. и болѣе. Браслетъ найденъ на рукѣ.

18. Пряжка (брошка) въ видѣ овальной дуги, концы которой отстоятъ одинъ отъ другаго на $^{1}/_{16}$ д. Пряжка имѣетъ въ большомъ діаметрѣ $1^{1}/_{8}$ д., сверху выпуклая, съ узоромъ спиральнымъ, внизу вогнутая, гладкая, шириною $^{3}/_{16}$ д. На закругленныхъ концахъ ея находятся перпендикулярные шпеньки, на каждомъ по одному, вышиною $^{1}/_{7}$ д. Язычекъ (шпенекъ) пряжки длиною $1^{3}/_{8}$ д., красиво изогнутый, съ изображеніемъ, на верхней широкой его части, головы животнаго. Пряжка найдена на груди скелета.

19. Два проволочныхъ овальныхъ кольца; концы ихъ заходятъ одинъ за другой, діаметръ большой $^{7}/_{8}$ д. По всему вѣроятію, это суть височныя кольца, которыя носимы были Мерянами на головѣ, на ремнѣ, по одному или по два и болѣе съ каждой стороны. Труды перваго Археологическаго съѣзда, стр. 636.

20. Кольцо изъ болѣе толстой проволоки, со спаянными концами, въ діаметрѣ $^{13}/_{16}$ д.

21. Кольцо изъ тонкой проволоки съ однимъ заостреннымъ концомъ, въ діаметрѣ $1^{1}/_{8}$ дюйма. Разломано.

22. Кольцо овальное, съ концами, заходящими одинъ за другой, въ большомъ діаметрѣ $^{7}/_{8}$ д., съ остатками надѣтой на него небольшой бляшки.

23. Двѣ проволочныя треугольныя привѣски съ пятью треугольными же бляхами, съ краями бляхъ на одной привѣскѣ загнутыми, а на другой привѣскѣ на каждой бляшкѣ имѣется три шарообразныхъ возвышенія. Привѣски, длиною каждая $1^{3}/_{4}$ в., а шириною внизу около 1 в., совершенно схожи съ такими же, найденными въ Мерянскихъ могилахъ и служившими украшеніемъ, пришиваемымъ къ одеждѣ на плечахъ. (Труды перваго Арх. с. стр. 637. Таб. XXV № 24). На послѣдней привѣскѣ, на одной бляшкѣ сохранился кусокъ толстой нитки.

24. Кусокъ плетенаго шнурка, длиною $2^{1}/_{2}$ дюйма и толщиною около $^{1}/_{8}$ д.

25—34. Предметы, вырытые изъ кургановъ Ржевскаго уѣзда, въ сельцѣ Ивановскомъ, Выставка тожъ, въ усадьбѣ помѣщика Прежевскаго, въ 24 верстахъ отъ г.

Ржева. Группа кургановъ, въ количествѣ 15, находится на правомъ берегу рѣчки Святителевки, близъ устья ея въ рѣчку Добрыню, впадающую въ р. Осугу. Раскопка двухъ кургановъ произведена княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1877 года.

Въ первомъ курганѣ найдены слѣдующія вещи:

25. Глиняный горшокъ, совершенно гладкій, вышиною и шириною въ верхнемъ діаметрѣ около $3^1/_2$ вершковъ, края съ загибомъ, стѣнки значительной толщины, дно же тонкое.

26. Желѣзный ножикъ, длиною $2^3/_4$ вершка, хорошо сохранившійся. Около него были найдены остатки почти истлѣвшихъ костей.

27. Три сердоликовыя шлифованныя бусы, съ отверстіемъ вдоль оныхъ, длиною $^9/_{16}$ верш.

28. Одинъ каменный кружокъ-пронизка, красноватаго цвѣта, въ формѣ мельничнаго жернова, $^3/_8$ вершка въ діаметрѣ, съ отверстіемъ. Этотъ кружокъ совершенно схожъ съ таковыми же кружками красноватаго шифера, найденными въ Мерянскихъ могилахъ, назначеніе коихъ доселѣ остается загадочнымъ [1]). Въ отверстіе попала мелкая буса, величиною съ небольшую горошину. Эта буса, при легкомъ выдавливаніи ея изъ каменнаго кружка, искрошилась. Подобная ей маленькая буса найдена отдѣльно; она также разломилась.

29. Браслетъ изъ трехъ витыхъ мѣдныхъ проволокъ, покрытый, сравнительно, толстымъ слоемъ окиси. Діаметръ браслета около $1^1/_2$ верш.

30. Двѣ желѣзныя вещи, повидимому, остатки ножей. Длина одной около 2 вершковъ (разломилась послѣ на три части), другой $1^5/_8$ вершка.

Раскопка начата была въ видѣ траншеи. На глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана найденъ упомянутый горшокъ. Онъ наполненъ былъ плотною и жирною массою, въ которой проросли корни какихъ-то растеній. Раньше горшка показались угли, хорошо сохранившіеся (между ними есть въ вершокъ длины и даже больше). Замѣчательно, что нѣкоторые угли не вполнѣ перегорѣли, напр., одинъ конецъ куска вполнѣ обугленъ, а другой еще имѣетъ видъ дерева, почти сгнившаго. Кромѣ того, вмѣстѣ съ углемъ найдены два куска дерева, длиною менѣе вершка, повидимому, выпиленные, составлявшіе часть какой-то вещи. Кость найдена только одна—полуистлѣвшая, длиною вершковъ въ шесть, по всему вѣроятію, отъ руки или ноги. Другія кости совершенно сгнили. Средина кургана была раскапываема послойно. Верхній слой песчаный, рыхлый; въ немъ попадались мелкіе уголья, затѣмъ—сѣроватый слой золы, съ угольями и землей, потомъ слой болѣе черный и твердый, съ крупными угольями. Въ этомъ слоѣ

---

[1]) Труды перваго Археологическаго съѣзда, стр. 138.

найдены послѣднія четыре вещи, въ самой срединѣ кургана. Толщина верхняго слоя около $^3/_4$ аршина, втораго около полуаршина, третьяго около аршина, такъ что отвѣсная высота кургана была нѣсколько болѣе двухъ аршинъ. Окружность кургана, въ основаніи, около 15 аршинъ. На этомъ курганѣ росли мелкія ёлки, прочіе же курганы покрыты крупнымъ хвойнымъ и мелкимъ березовымъ лѣсомъ.

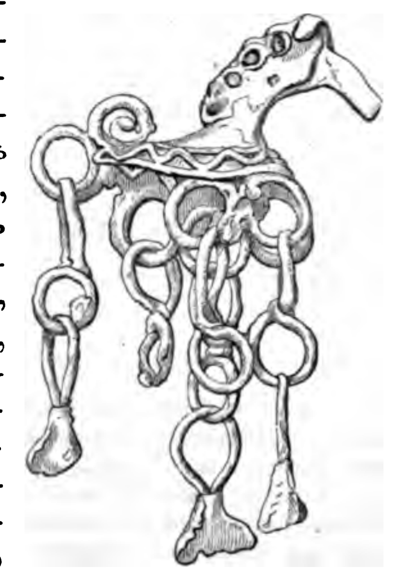
Въ другомъ курганѣ той-же группы, одинаковой величины съ первымъ, найдены:

31. Два полуразрушившіеся скелета—взрослаго человѣка и дитяти, и небольшой глиняный горшокъ, который тутъ же развалился.

32. Одинъ браслетъ, въ діаметрѣ $1^1/_2$ вершка, сдѣланный изъ толстаго бронзоваго прута [1]).

33. Бронзовый же четырехгранный бубенчикъ въ видѣ пуговицы, съ ушкомъ, длиною $^5/_8$ верш.

34. 17 разной величины стеклянныхъ бусъ. Изъ числа бусъ: сплющенная свѣтлосиняго цвѣта, отъ вліянія внѣшнихъ причинъ побѣлѣвшая, длиною и шириною около $^1/_2$ д., другая синяго цвѣта, $^3/_8$ д. въ діаметрѣ; двѣ бѣловатыя граненыя бусы, посеребреныя, съ разными узорами, $^3/_8$ д.; одна двойная, тоже посеребреная, $^3/_8$ д.; одинокая такая-же $^3/_{16}$ д. и 10 свѣтлосинихъ, въ діаметрѣ $^1/_8$ дюйма. Кромѣ сего, найденъ суковатый кусокъ дерева, должно быть, доски, толщиною $^7/_8$ вер., сдѣланный не посредствомъ пилы, а иного какого либо остраго орудія. Еще найдены небольшіе кусочки дерева обгорѣлые и кусокъ какого-то минерала.

35. Привѣска, въ видѣ конька, сдѣланная изъ бронзы и найденная крестьяниномъ деревни Добрый-Боръ, Весьегонскаго уѣзда, Топалковской волости, на поляхъ этой деревни, вблизи кургановъ, невдалекѣ отъ р. Мологи. Конекъ этотъ, служившій въ первобытныя времена украшеніемъ, носимымъ на поясѣ, длиною $1^1/_8$ в., имѣетъ форму выпуклую, отличающуюся отъ находимыхъ въ Мерянскихъ могилахъ коньковъ плоской формы. Украшенъ онъ маленькими бубенчиками, висящими на цѣпочкахъ, состоящихъ изъ кругловатыхъ звеньевъ. Орнаментъ его имѣетъ нѣкоторое сходство

[1]) Браслетъ переломился надвое.

съ рисункомъ утки, помѣщеннымъ въ приложеніи къ «Трудамъ I Археологическаго съѣзда» (таб. XXV № 21). Уши и грива конька изображены въ видѣ колецъ, изъ коихъ одно на лѣвомъ ухѣ и другое на гривѣ имѣютъ отверстія. На крестцѣ конька есть также отверстіе въ $^{1}/_{8}$ верш. **).

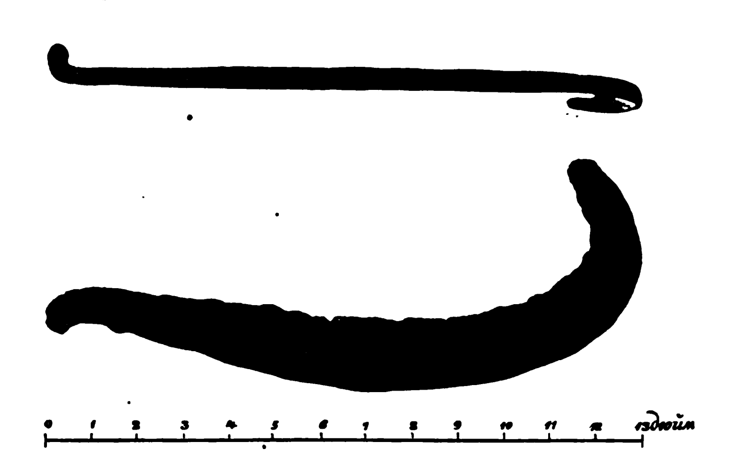
Конекъ этотъ пожертвованъ въ музей П. П. Воскресенскимъ въ 1877 году.

36. Желѣзная подковка изъ-подъ каблука, найденная въ г. Весьегонскѣ, въ курганѣ, вмѣстѣ съ человѣческими костями. Подковка длиною отъ задника 2 $^{1}/_{2}$ дюйма, въ томъ числѣ самое желѣзо шириною 1 д.; ширина подковки въ концахъ 1 $^{3}/_{8}$ д., и въ широкой части каблука 1 $^{6}/_{8}$ д., толщина у задника $^{7}/_{16}$ д., у концовъ $^{1}/_{8}$ д.; загнутые концы ея длиною $^{3}/_{8}$ д. Подковка покрыта ржавчиною; въ ней остались всѣ пять гвоздей, съ круглыми шарообразными головками. Сими гвоздями она была прибита къ каблуку, съ которымъ и вынута изъ земли. Подковка эта, весьма искусной работы и замѣчательной формы, вполнѣ похожа на одну изъ подковокъ, найденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ въ Мерянскихъ курганахъ; рисунокъ ея помѣщенъ подъ № 49 на XXXII таблицѣ Собранія картъ плановъ и рисунковъ, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда. Подковка найдена лѣтомъ 1876 года, при сравниваніи окружающей Весьегонскій соборъ площади. Послѣ снятія курганной насыпи отрыта огромная могила съ множествомъ полуистлѣвшихъ костей и череповъ, число которыхъ простиралось до тысячи. Какимъ образомъ попали сюда кости въ такомъ большомъ количествѣ,—никто изъ старожиловъ не могъ объяснить и преданіе объ этомъ умалчиваетъ. Весьегонскъ, иначе Весь, прежде Весьегонское село, принадлежавшее Московскому Симонову монастырю, упоминается еще въ XIV столѣтіи; здѣсь съ незапамятныхъ временъ, до настоящаго времени, существуетъ Крещенская ярмарка, на которую привозятъ разныхъ товаровъ на сумму болѣе милліона рублей. Ярмарка эта служила мѣстомъ для обмѣна произведеній дальняго сѣвера на продукты и издѣліе средней Россіи.

37—38. Два желѣзныя орудія, косари, употреблявшіеся вмѣсто нынѣшнихъ косъ. Орудія эти вырыты въ 1875 году, на

**) Такія изображенія, какъ мною было уже замѣчено, принадлежатъ къ издѣліямъ привозимымъ къ Мерянамъ съ востока, и вѣроятно посредствомъ торговыхъ сношеній съ Волжскими Болгарами (срав. Меряне, стр. 77, 79, 90, 108. Таб. XXV, рис. 21). Въ курганахъ Владимірскихъ и Ржевскихъ такія украшенія попадаются какъ рѣдкія исключенія, между тѣмъ въ Казанской, Вятской и въ особенности въ Пермской губерніяхъ они встрѣчаются довольно часто, такъ что по этому признаку можно заключить о тѣхъ восточныхъ странахъ, въ которыхъ эти украшенія изготовлялись. Любопытно было бы сравнить химическій анализъ бронзы одного и того же украшенія найденнаго въ разныхъ губерніяхъ.

земляхъ деревни Казикина, (дер. Казикино находится на р. Мстѣ, противъ сельца Городокъ, на земляхъ коего находятся большіе курганы), вблизи Мстинской станціи Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, Вышневолоцкаго уѣзда близь рѣки Мсты, и пожертвованы Казикинскимъ старшиною Павловымъ. Они имѣютъ форму широкаго ножа, загнутаго кругообразно по всей ширинѣ, такъ что конецъ ножа отстоитъ отъ его спинки на $3^1/_2$ дюйма. Другой конецъ или рукоять,

съуживаясь постепенно, заканчивается, какъ у настоящихъ косъ, толстою пяткою подъ тупымъ угломъ, вышиною въ одинъ дюймъ, шириною въ $^1/_2$ дюйма и толщиною, при основаніи, 3 лин. и въ верху 2 л. Вообще косари эти длиною 12 дюймовъ, толщиною въ спинкѣ отъ одной до трехъ линій. Судя по тому, что косы-литовки—такъ назывались прежде настоящія косы—находились уже въ употребленіи во второй половинѣ XVI столѣтія, какъ это видно изъ описей Красно-Холмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря, можно заключить, что найденные въ Казикинѣ косари должны относиться къ болѣе отдаленному времени, ибо трудно предположить, чтобы косы-литовки раньше появились около Краснаго-холма, нежели на берегахъ р. Мсты, главномъ пути сообщенія въ древности, въ мѣстности, находящейся ближе къ западной границѣ Руси. Нельзя при этомъ не замѣтить здѣсь, что еще въ 1847 году, въ Череповскомъ уѣздѣ, между Устюжною и Череповцемъ, вблизи почтовой дороги, употреблялся особый видъ косы, длиною около 10 вершковъ, прикрѣпленной къ деревянной короткой рукояткѣ, подобно ножу, а не подъ прямымъ угломъ къ косовищу. Въ настоящее время еще употребляются подобныя косы въ Череповскомъ уѣздѣ. Ею косятъ нагнувшись.

39. Желѣзная коса, отличающаяся отъ теперешнихъ косъ своимъ устройствомъ и подобная предыдущимъ двумъ косарямъ, длиною 19 дюймовъ. Сторона, ближайшая къ косовищу, немного загнута кверху. Коса найдена въ 1875 г. Весьегонскаго уѣзда въ д. Новинки, Никольской волости, въ лѣсу, при разра-

боткѣ лединъ, и представлена въ музей П. П. Воскресенскимъ, въ 1877 году.

40. Шейная гривна, въ видѣ кольца, вѣсомъ 34 золотника, изъ сплава серебра съ другимъ металломъ; найдена въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Осташковскомъ уѣздѣ, возлѣ погоста пр. Иліи, что на рѣкѣ Песочнѣ [погостъ Песочня], при разрытіи кургана помѣщикомъ П. А. Шалимовымъ. Вмѣстѣ съ этою гривною найдены двѣ такія же, изъ коихъ одна находится у Л. А. Ушакова. Гривна величиною въ діаметрѣ $7^1/_2$ англ. дюйма, толщиною въ 2 л.; поверхность ея имѣетъ видъ граней [фассетовъ]; она застегивается крючкомъ въ петлю, сдѣланнымъ изъ того же куска металла, изъ котораго сдѣлана гривна, съ утонченіемъ онаго къ сходящимся въ видѣ крючка и петли концамъ. На одномъ концѣ сохранилась часть спирально обвивающей его серебряной плоской проволоки, а на другомъ остались слѣды отъ такой же проволоки. Гривна эта похожа на гривну, помѣщенную на XXXI таб. 67 рисун. сочин. графа А. С. Уварова: «Меряне и ихъ бытъ», съ тою разницею, что Осташковская гривна сработана изъ одного металлическаго куска, обдѣланнаго гранями, а не изъ двухъ витыхъ. Пожертвована гривна въ 1874 году Л. А. Ушаковымъ.

41. Курганный черепъ съ нижнею челюстью и нѣкоторыми другими костями, какъ-то: плечевою и локтевою, 2 бедренными, 2 подвздошными, 1 крестцовою и нѣсколькими поясничными позвонками. На темени черепа виденъ слѣдъ рубленной раны. Эти кости переданы въ Музей А. В. Силичемъ, которымъ вырыты въ 1876 году въ одномъ изъ 12 кургановъ, находящихся Вышневолоцкаго уѣзда, Парьевской волости, близь деревни Дворищи, въ ста саженяхъ отъ оной и въ 50 саженяхъ отъ рѣки Иловицы, на возвышенномъ мѣстѣ. Эти кости лежали въ безпорядкѣ. Курганъ, въ которомъ найдены онѣ, имѣетъ въ окружности 100 арш. и въ вышину около 17 аршинъ; длина черезъ вершину отъ одной стороны до другой равна 45 арш. Форма этого кургана тупая, коническая, безъ площадки и углубленія на верху; курганъ покрытъ вѣтвистыми соснами, основаніе ничѣмъ не обложено. Верхній слой земли состоитъ изъ иловатаго чернозема отъ 2 до 3 вер. толщины. За тѣмъ вся масса состоитъ изъ суглинка съ пескомъ и мелкимъ камнемъ известковаго свойства. Настоящая раскопка кургана произведена А. В. Силичемъ до полученія имъ инструкціи, утвержденной 3 Археологическимъ Съѣздомъ.

II. КАМНИ СЪ НАДПИСЯМИ И СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

42—43. Два камня, найденные въ 1835 году Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою на земляхъ сельца Кузнецова, Бѣжецкаго уѣзда, и пожертвованные имъ въ Тверской музей. Одинъ камень (табл. II) длиною 2 арш. 4 вер. и шириною 1 ар. $^{3}/_{4}$ вер.; на немъ, кромѣ высѣченнаго славянскими и греческими буквами, по всему вѣроятію, слова: Степанъ,—имѣется изображеніе трехъ прямоугольныхъ четыреугольниковъ, включенныхъ одинъ въ другой. Изображеніе это подобно найденному въ г. Изборскѣ академикомъ Кругомъ на могильномъ камнѣ Трувора [1]).

Другой камень длиною и шириною 14 верш.; на немъ имѣются выпуклыя изображенія подковы и нѣскольких линій. Описаніе и рисунки этихъ камней помѣщены въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1836 года, т. 2, и въ Исторіи до Монгольскаго ига, т. 3, соч. М. Погодина, а также въ сочиненіи академика Шегрена [2]), заключающемъ въ себѣ разборъ сочиненія датскаго профессора Финна-Магнусена о Рунахъ. Къ симъ изданіямъ приложенъ также рисунокъ одной изъ находящихся въ той мѣстности, гдѣ найдены эти камни, круговинъ кургановъ, обложенныхъ въ основаніи большими камнями. Оба означенные камня, повидимому, надгробные. Академикъ Кругъ, Финнъ-Магнусенъ и Шегренъ объясняютъ, что изображенные на первомъ камнѣ три четыреугольника означаютъ поединокъ, и что камень положенъ на могилѣ Степана, убитаго на поединкѣ.

На второмъ камнѣ профессоръ Финнъ—Магнусенъ нашелъ будто сложныя руны и прочелъ: Иварови (или Ингварови, или Игореви) взятъ, т. е. поставленъ, воздвигнутъ. Ингваръ, или Игорь, по мнѣнію Магнусена и Шегрена, былъ знаменитый Шведскій полководецъ, о которомъ повѣствуетъ особая Исландская сага. По сказанію этой саги, онъ предпринималъ отдаленныя путешествія въ теперешнюю Россію, почему и названъ Ингваръ—далеко странствующій, совершилъ тамъ великіе подвиги и наконецъ, тамъ же, умеръ отъ лютой болѣзни. Что же касается до желѣзной подковы, изображенной на этомъ камнѣ, то она, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, означаетъ, что лошадь похоронена вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, и что она была вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ. Объ этихъ камняхъ профессоръ Шевыревъ пишетъ: [3]) «Въ надписяхъ, найденныхъ Ѳ. Н. Глинкою въ Тверской Кареліи

---

[1]) Съ этого камня, хранящагося въ Тверскомъ музеѣ, снята фотографія.

[2]) Ueber das Werk Finn-Magnusens Runamo og Runerne, von Dr. Siëgren. S.-Petersburg 1842.

[3]) Исторія Русской Словесности. Москва. Университетская Типографія, 1846 г. Лекція 3.

«на камняхъ, вѣроятно, надгробныхъ, Ф. Магнусенъ нашелъ связное «руническое письмо и прочелъ: Іварови (Игореви) взятъ, т. е. «воздвигнутъ Игорю. Г. Шегренъ выводитъ изъ всего изслѣдованія «Финна-Магнусена и своего несомнѣнныя доказательства, что Скандинавскія руны еще въ концѣ X вѣка были употребительны въ Россіи, даже примѣнялись къ словенскому языку и, совершенно по древнѣйшему сѣверному способу, вырѣзываемы были на деревѣ и на «камняхъ, какъ отдѣльными чертами, такъ и связными рунами» **).

**) Къ № 42—43. Замѣчательный этотъ памятникъ состоитъ изъ гранитнаго валуна, на которомъ высѣчены квадратное изображеніе и надпись. Негладкая поверхность камня и весьма неглубокая высѣчка буквъ вредятъ ясности надписи. Нѣкоторыя буквы, сливаясь съ выемками въ поверхности камня, являются менѣе отчетливо, чѣмъ другія. Изъ этого происходитъ, что всѣ доселѣ копіи, снятыя съ руки, передаютъ надпись невѣрно, и такимъ образомъ неточность въ копіяхъ произвела ошибочное толкованіе самой надписи. Финъ-Магнусенъ видѣлъ въ ней греческія буквы и читалъ «ΣΤΕΠΩΔΛΔ», между тѣмъ какъ Кеппенъ съ перваго же взгляда призналъ буквы за кирилловскія. Съ своей стороны Шегренъ читалъ «с т е п у д а д е». Однако теперь, когда мы видѣли самый камень и имѣемъ съ него прекрасно сдѣланный слѣпокъ, всѣ эти сомнѣнія въ чтеніи надписи должны исчезнуть. Ясно читается «С т е п а н ъ», и затрудненіе можетъ встрѣтиться только въ палеографическомъ опредѣленіи времени, къ которому слѣдуетъ отнести эту надпись. Въ этомъ отношеніи затрудненіе происходитъ вопервыхъ отъ того, что не всѣ буквы имѣютъ одинаково ясныя палеографическія своеобразности, а такихъ общихъ по формѣ буквъ встрѣчается тутъ три: с, е, п. Во вторыхъ, весьма также затруднительно судить о палеографическихъ признакахъ высѣченной на камнѣ надписи по сравненію съ писанными памятниками. Не смотря на отсутствіе особаго изслѣдованія о сравненіи палеографіи писанныхъ памятниковъ съ палеографіею такъ-называемыхъ вещественныхъ памятниковъ, мы однако знаемъ, что между ними существуетъ неоспоримое различіе въ извѣстныхъ формахъ. Несомнѣнно даже, что подобное различіе въ нѣкоторыхъ палеографическихъ признакахъ происходитъ отчасти отъ самаго способа производства такихъ надписей. Форма, которая легко пишется перомъ или кистью на пергаминѣ, может быть весьма затруднительна для рѣзца, при выдалбливаніи надписи на твердомъ камнѣ, и менѣе затруднительна на металлической поверхности. Оттого желательно сравнить Бѣжецкую надпись не съ одними только рукописями. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ читать СТЕПАΝΑ, и такимъ образомъ мы получаемъ три послѣднія буквы, коихъ палеографическіе признаки могутъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлены. Сколько мнѣ кажется, судя по этимъ палеографическимъ признакамъ, надпись должна быть отнесена къ XII вѣку и не можетъ быть моложе этого вѣка.

Значеніе квадратнаго изображенія на этомъ камнѣ Финъ-Магнусенъ объясняетъ тѣмъ, что при судебныхъ поединкахъ Hólmgánga, отдѣляли избранное мѣсто въ три пространства, съ тремя четыреугольными окружностями, и обозначали его веревками, узкими канавками, низенькими валами или каменными кругами, при извѣстномъ числѣ столбовъ и вѣхъ. Изъ всего этого онъ заключаетъ, что, вѣроятно, и на этомъ камнѣ подобная четыреугольная фигура обозначаетъ такое же пространство, назначенное для судебнаго поединка. Отсюда, по его предположенію, самое изображеніе должно означать, что Степанъ убитъ при такомъ поединкѣ.

Однако значеніе загадочнаго этого изображенія можетъ обьясниться гораздо проще, знакомъ собственности. Такъ какъ между Бѣжецкими камнями найденъ былъ другой камень съ такимъ же изображеніемъ, но безъ надписи, то можно предположить, что оба камня поставлены были на межахъ и обозначали границы владѣній какого-то Степана. Сама по себѣ четырехугольная фигура не составляетъ исключительнаго явленія, такъ какъ изображенія этого рода часто встрѣчаются на мегалитическихъ памятникахъ въ Англіи, Шотландіи, Бретаньи и т. д. Всѣ эти изображенія болѣе или менѣе грубо выдолблены въ плитахъ и камняхъ памятниковъ, и представляютъ узоры самой разнообразной формы (Срав. Waring. Stone Monuments.

43—48. **Шесть надгробныхъ памятниковъ съ выпуклыми изображеніями трехконечнаго креста**, такъ называемаго Египетскаго, въ видѣ Греческой буквы Т, или посоха. Продольная часть креста значительно тоньше поперечной части, и на нѣкоторыхъ камняхъ оканчивается она остріемъ на подобіе меча, на другихъ упирается въ полукруглое возвышеніе, а на иныхъ по срединѣ продольной части имѣется круглое возвышеніе. Поперечная часть изображена въ видѣ двухъ сѣкиръ, соединенныхъ между собою задними сторонами. На однихъ камняхъ верхняя часть креста представляетъ дугообразное углубленіе, на другихъ выпуклое, оканчивающееся остріемъ, а на иныхъ поперечная часть имѣетъ прямое очертаніе.

Первый (рис. 1) изъ упоминаемыхъ выше надгробный камень, длиною 14 вершковъ и шириною 10 вершковъ, вырытъ въ Твери, въ 1868 году, на дворѣ военныхъ казармъ. Въ 1872 году М. П. Погодинъ, при посѣщеніи имъ Тверскаго музея, обратилъ вниманіе на этотъ камень и призналъ археологическое его значеніе, но не могъ въ то время рѣшить: слѣдуетъ ли принимать находящійся на камнѣ знакъ въ видѣ буквы Т за крестъ, или же это—монограмма Тіуна.

Ornament of remote ages. London, 1870) Однако сравнивать Бѣжецкій камень съ украшеніями на мегалитическихъ памятникахъ можно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано палеографически, что надпись «Степана» принадлежитъ къ глубокой древности. Но мнѣ кажется, что эти двѣ четыреугольныя фигуры на Бѣжецкихъ камняхъ служили знаками собственности Степана, и поставлены были какъ межевые знаки его владѣній въ XII вѣкѣ. При этомъ не могу не припомнить, что въ первомъ томѣ Древностей изданъ былъ рисунокъ со дна глиняного сосуда, хранящагося въ Чешскомъ музеѣ (Таб. XI, рис. 41), также четыреугольной формы и съ пересѣкающимися полосками по срединѣ. Наконецъ, я полагаю, что и самая порода камня должна быть принята въ соображеніе, и что отчасти и она можетъ указать на межевое значеніе Бѣжецкихъ камней. Надпись «Степана» высѣчена на гранитномъ валунѣ весьма большихъ размѣровъ (длин. 2 арш. 4 верш., шир. 1 арш. $^5/_4$ верш.), такъ, что можно безъ ошибки предположить, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, на которомъ принесенъ былъ льдинами. Такія гранитныя массы, состоящія не изъ мѣстной породы камня, могли очень

Второй (рис. 2) надгробный памятникъ найденъ въ 1872 году въ г. Зубцовѣ, на древнемъ кладбищѣ бывшаго Преображенскаго монастыря, на Фаустовой-Горѣ [Палустовой—простонародное названіе]. Этотъ камень длиною 1 арш. 8 верш. и шириною 15 вершковъ.

Третій надгробный памятникъ найденъ тоже въ 1872 году, въ г. Твери, на Единовѣрческомъ кладбищѣ, за Волгою. На этомъ памятникѣ высѣчена слѣдующая надпись: «зкн 7028—1520 Февраля и҃ı день преставися раба Божья Ѳеодосія Григорьева жена Филипова, на память Великомученика Ѳеодора Стратилата».

удобно служить для яснаго обозначенія границъ или межи. Тѣмъ болѣе эрратическіе валуны должны были служить межевыми знаками, что положеніе ихъ всегда хорошо было извѣстно мѣстнымъ жителямъ, какъ камней, которые, сколько можно уже теперь догадываться, окружены

Четвертый надгробный камень вынутъ въ 1874 году изъ пола престола Троицкой церкви въ Твери, за Тьмакою. На этомъ памятникѣ имѣется слѣдующая выпуклая надпись: «Лѣта ҂ЗЗ (7007—1499) мц͠а Маїа є҃ день престависа рабъ божїй Афонасей Іванові сынъ Острожевъ на памать свѧтыѧ м҄ченицы. . . . .» Сохранилась верхняя половина памятника. Камень длиною 1 арш. 3 верш., шириною 11½ вершковъ.

Пятый надгробный камень вырытъ въ 1876 году, на Предтеченскомъ, что за Тьмакою, кладбищѣ, при копаніи могилъ. На немъ поперечная часть креста сверху вогнута.

были, съ незапамятныхъ временъ, особымъ почитаніемъ. Вообще, во многихъ мѣстностяхъ Россіи доселѣ сохранились слѣды древняго почитанія камней (конь-камень въ Ефремовскомъ у.:

Шестой надгробный камень длиною около 2 аршинъ, шириною $10^1/_2$ верш.

Изображеніе креста выпуклое; поперечная часть кверху вогнутая, продольная—узкая, идетъ внизъ вдоль всего камня, въ видѣ посоха. Этотъ камень найденъ въ городѣ Твери на дворѣ Духовной Семинаріи, въ землѣ, на глубинѣ около $1^1/_2$ аршина, при копаніи мѣста подъ фундаментъ пристройки къ зданію Семинарской больницы. Въ этомъ мѣстѣ отрыто было, на глубинѣ отъ 2 до 3 и болѣе аршинъ, множество человѣческихъ костей и скелетовъ, находившихся въ различныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ скелетовъ, какъ утверждаетъ ректоръ семинаріи протоіерей А. В. Соколовъ, найденъ былъ какъ-бы въ сидячемъ положеніи, а другой скелетъ лежалъ на правомъ боку, головою къ юго-востоку, а ногами на сѣверо-западъ. Трудно предположить, чтобы на этомъ мѣстѣ было христіанское кладбище, если бы не найдено было означеннаго выше камня съ трехконечнымъ крестомъ, еще нѣсколько плитъ и что-то похожее на каменный гробъ, совершенно развалившійся. Земля, отрытая здѣсь, мѣстами была смѣшана съ мусоромъ, свидѣтельствующимъ о бывшемъ тутъ пожарѣ.

Памятники съ трехконечнымъ крестомъ найдены также въ г. Старицѣ, на правомъ берегу рѣки Волги, на огородахъ, въ концѣ Половинкиной улицы; такіе же памятники находятся на кладбищахъ: въ г. Зубцовѣ, въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ, въ Старицкомъ уѣздѣ, на кладбищѣ, называемомъ «Пречистая», между сельцомъ Емельяновымъ

башъ и башиха въ Одоевскомъ у., окаменѣлая баба въ Кадниковскомъ у. и пр.); такое же почитаніе существовало и у Германскихъ племенъ. Мнѣ даже кажется, что двинскія надписи, высѣченныя также на эрратическихъ валунахъ, должны быть въ связи съ подобными же древними преданіями забытаго теперь культа.

Что же касается до камня № 43, на которомъ Финъ-Магнусенъ нашелъ руны и прочелъ слово: «Иварови», или «Ингварови», то можно только сожалѣть, что извѣстный датскій ученый не имѣлъ случая видѣть самый камень, а судилъ объ немъ по рисунку. Онъ навѣрно съ перваго же взгляда узналъ бы въ этихъ знакахъ случайную игру природы (lusus naturae). Такъ какъ этотъ камень состоитъ изъ породы песчаниковъ сѣраго цвѣта, то его относительно меньшая твердость сильно подверглась вывѣтриванію и вліянію воды. Форма его почти кубическая (длиною и шириною 14 вершковъ), и происходитъ отъ слоеватости всѣхъ песчаниковъ; въ нихъ также часто встрѣчаются вертикальныя трещины, которыми обусловливается образованіе кубическихъ кусковъ. Затѣмъ, предоставляя минералогу рѣшить, къ какому именно разряду песчаниковъ принадлежитъ этотъ камень, я замѣчу только, какимъ образомъ появились эти выпуклыя черты, которыя ввели въ заблужденіе Финъ-Магнусена. Главная масса цемента въ песчаникѣ, какъ менѣе твердая часть его, сильно вывѣтривалась и въ особенности обмывалась водою, и постепенно стала обнажать кварцовые кристаллы, расположенные длинными палочками, а на серединѣ—полукругомъ въ видѣ копыта, которые, въ свою очередь, выступили на поверхность въ видѣ обронныхъ начертаній. Странно только, что Финъ-Магнусенъ и по рисунку даже не догадался о естественномъ происхожденіи этихъ начертаній, такъ какъ ему хорошо было извѣстно, что всѣ руническія надписи врѣзаны вглубь, между тѣмъ какъ на Бѣжецкомъ камнѣ фигуры обронны.

и деревнею Болдырево. Кромѣ того, въ г. Твери, въ 1850 г., близь Знаменской церкви, при планировкѣ улицы вырытъ былъ надгробный памятникъ съ трехконечнымъ же крестомъ и съ надписью слѣдующаго содержанія: «Лѣта ҂зми [1540] мѣсяца Февраля въ двунадесятый день, на масленицѣ, въ четвергъ въ а҃ часъ дня, преставися рабъ божій священный Іерей Никула, на память иже во святыхъ отца нашего Мелетія архіепископа, въ тотъ день преставленіе Алексѣя митрополита всея Руси». Куда дѣвался этотъ памятникъ—неизвѣстно.

Весною 1876 года, въ Заволжской части города Твери, въ Арефьевской улицѣ, на огородѣ мѣщанина Нагаева, вырыты два известковыхъ камня съ изображеніями трехконечнаго креста. Одинъ камень на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, а другой на глубинѣ $^1/_2$ аршина. На первомъ камнѣ, имѣющемъ въ длину 1 арш. 1 вер., въ ширину $^3/_4$ арш., высѣчена слѣдующая надпись: «Лѣта ҂зми (1540) мѣсяца Февраля кв҃ день преставися рабъ Божій Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ. . . . . ила (далѣе не разборчиво). Нижняя часть памятника отколота. На другомъ камнѣ надписи не имѣется; лѣвая сторона его отколота.

Приведенные выше памятники убѣдительно доказываютъ, что трехконечный крестъ, изображавшійся въ видѣ греческой буквы Т, тверудо-крестъ, употреблявшійся въ первыхъ вѣкахъ Христіанства, былъ усвоенъ въ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ Тверскаго княжества. Этотъ крестъ былъ здѣсь въ употребленіи еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Такое изображеніе, кромѣ надгробныхъ камней, встрѣчается и на монетныхъ слиткахъ Тверскаго княженія. Изъ этого Г. Д. Филимоновъ выводитъ предположеніе: не послужило ли поводомъ къ такому употребленію трехконечнаго креста сближеніе этой формы съ начальною древне-славянскою буквою Т, служившею, быть можетъ, вмѣстѣ и монограммою Тверской области? На нѣкоторыхъ камняхъ изображеніе трехконечнаго креста съ круглою фигурою на продольной его части напоминаетъ монограмму Твери, составленную изъ буквъ Т и Ф.

О древнемъ употребленіи христіанами трехконечнаго креста, какъ символа спасенія, свидѣтельствуютъ изслѣдованія разныхъ ученыхъ, а также писанія св. Отцевъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Св. Варнава, жившій въ началѣ II вѣка, опираясь на слова книги Бытія, что «Авраамъ обрѣзалъ изъ дому своего десять и восемь и триста мужей», видитъ въ этихъ числахъ, обозначавшихся:—десять буквою I, восемь буквою И, и триста буквою Т (тавъ)—предуказаніе на Спасителя Іисуса, имя Котораго начинается первыми сими двумя буквами, и вмѣстѣ предъизображеніе Его смерти на крестѣ, имѣющемъ видъ буквы Т (тавъ). (Прибавленіе къ твореніямъ Святыхъ От-

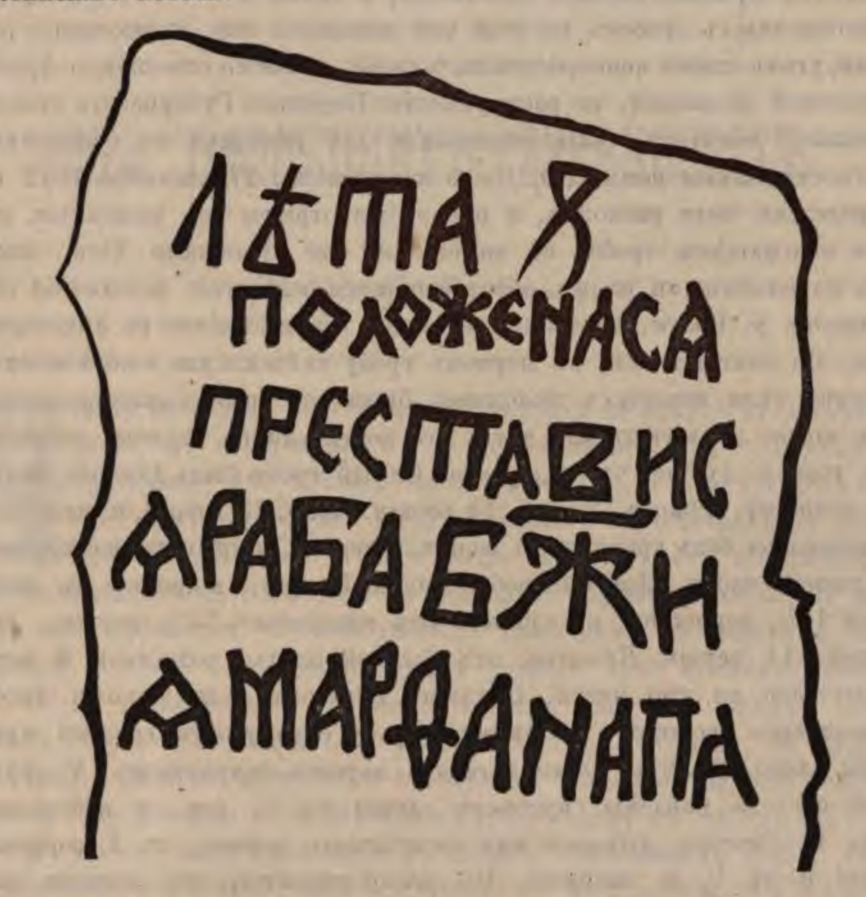
цевъ. Москва, 1843 г. часть I, стр. 270—275.) Впрочемъ, эта буква въ древне-еврейскомъ и въ финикійскомъ письмѣ походила на четырехконечный крестъ. Тертулліанъ, для объясненія трехконечнаго креста, приводитъ изреченіе пророка Іезекіиля: «Господь сказалъ мнѣ: пройди по срединѣ воротъ въ Іерусалимѣ и дай знакъ тавъ на челахъ мужей.» Въ этихъ словахъ Тертулліанъ видитъ предъизображеніе страданій вѣрныхъ, запечатлѣнныхъ знакомъ греческой буквы тавъ (наше Т), имѣющимъ видъ трехконечнаго креста. То же говоритъ и блаженный Іеронимъ.

Новѣйшіе изслѣдователи приходятъ также къ убѣжденію, что знаменіе креста, въ первоначальномъ его видѣ, есть ничто иное, какъ изображеніе буквы Т, которая во всѣхъ древнихъ алфавитахъ имѣетъ фигуру креста. Эта буква, равно и другія буквы, по мнѣнію ученыхъ, первоначально были лишь религіозными символами и потомъ уже сдѣлались фонетическими знаками. (Journal of the Society of arts. April 17, 1874 г.).

49. Надгробный памятникъ, найденный, по указанію Р. Н. Никулина, въ г. Твери, на лѣвомъ берегу рѣки Тьмаки, выше каменнаго моста, на огородѣ, внизу обрыва. На этомъ памятникѣ сохранилась слѣдующая надпись уставомъ: «Лѣта ҂зн (7008—1500) мѣсяца Октября кд дня. . . . . . преставися. . . . . . рабъ Божій Н. . . . ай. Уцѣлѣла только верхняя часть памятника. Похожъ онъ на надгробные памятники XV столѣтія, находящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

50. Снимокъ съ надгробнаго камня на погостѣ въ селѣ Млевѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, на берегу р. Мсты. Камень этотъ преданіе считаетъ надгробнымъ памятникомъ на могилѣ Марѳы Посадницы. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ камнѣ въ своей Исторіи (т. VI, примѣч. 180), но не даетъ вѣры преданію собственно потому, что букву, означающую годъ, принимаетъ за числительную з, т. е. 7000, а не за числительную ѕ (зѣло), т. е. 6000. Снимокъ сдѣланъ по распоряженію мѣстнаго священника, который, препровождая его, въ отзывѣ своемъ пишетъ: «Плита состоитъ изъ дикаго камня, самородная, безъ всякой отдѣлки, съ лицевой стороны плоская и гладкая, величиною какъ обрисована на бумагѣ, т. е. 2 арш., вышиною 1 арш. 2 вершка, длиною и толщиною отъ 5 до 7 вершк. До 1815 года, эта плита находилась довольно глубоко въ землѣ, но, при копаніи въ этомъ мѣстѣ могилы, она была найдена и вынута; при дальнѣйшемъ же на томъ мѣстѣ копаніи могилы, отрытъ былъ склепъ или сводъ изъ такого кирпича, который, по прочности, виду и формѣ, имѣетъ большое сходство съ кафелемъ или изразцомъ.» Въ

древности, въ селѣ Млевѣ былъ монастырь, и это село, должно быть, имѣло значеніе, какъ лежавшее на пути къ Новгороду, вблизи отъ Мстинскаго волока.

III. КАМЕННЫЙ ГРОБЪ.

51. Каменный гробъ, вырытый въ 1872 году въ гор. Твери, при устьѣ рѣки Тьмаки, на верфи Пароходнаго Общества «Самолетъ». На этомъ мѣстѣ въ прошломъ столѣтіи находился Ѳедоровскій монастырь, время основанія котораго неизвѣстно. Извѣстно только, что въ 1323 году освящена здѣсь епископомъ Тверскимъ Варсонофіемъ I каменная церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата, выстроенная цареградскимъ игуменомъ Іоанномъ, на устьѣ Тьмаки, на островѣ, названномъ Ѳедоровскимъ. Лѣтомъ въ 1872 году случайно сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 1865 году, при копаніи, по распоряженію Общества «Самолетъ», въ этой мѣстности ямы для погреба, отрыто было нѣсколько каменныхъ гробовъ, которые въ то же время

были разбиты и брошены на берегъ рѣки Волги, а находившіяся въ нихъ кости зарыты въ землю. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи, а также и о томъ, что кромѣ уничтоженныхъ гробовъ въ этой ямѣ виднѣется еще, выдающимся изъ земли, уголъ одного неповрежденнаго гроба, согласно отношенію Археологической Коммисіи, по распоряженію Тверскаго Губернскаго статистическаго комитета, была образована для раскопки въ означенной мѣстности особая коммиссія. Этою коммиссіею, 27 сентября 1872 г., произведена была раскопка, и при этомъ отрыты два каменные, рядомъ находящіеся гроба, съ каменными же крышками. Они оказались наполненными иломъ, образовавшимся вслѣдствіе наводненій отъ разливовъ р. Волги, коимъ подвергалась эта мѣстность въ нѣкоторые годы. По снятіи земли, въ первомъ гробу найдены два человѣческихъ скелета, тѣла которыхъ положены были въ гробъ разновременно, какъ можно заключить изъ того, что кости одного скелета сохранились гораздо лучше, чѣмъ другаго. Самый гробъ былъ длиною, включая толщину стѣнокъ, 2 арш. 15 вершк., шир. 13 вершк. и вышиною въ изголовьи безъ крышки 10 вершк. И гробъ, и крышка раскололись на многія части. Другой гробъ длиною 3 арш., шириною въ изголовьи 10½ вершковъ, на аршинъ отъ изголовья—13½ вершк., вышиною—11 вершк. Крышка, изъ цѣльной плиты, толщиною 3 вер., раскололась на три части. Равнымъ образомъ и въ самомъ гробу образовались трещины. Во второмъ гробу обнаруженъ скелетъ мужщины около 45 лѣтъ, кости котораго хорошо сохранились. У груди этого скелета найдены: кусочекъ слюды въ ¼ вер. и небольшая часть истлѣвшаго дубоваго или кипариснаго дерева, въ 1 вершокъ длины и въ ¼ в. ширины. По всему вѣроятію, это остатки крестика или образка. Другихъ предметовъ въ гробахъ не найдено; равно ни надписей, ни особыхъ знаковъ на нихъ не оказалось. Положеніе сихъ гробовъ—по направленію къ востоку; надъ ними находился слой земли, толщиною въ одинъ аршинъ. По тщательномъ изслѣдованіи мѣстности, гдѣ найдены гробы, находившіяся въ нихъ кости были преданы, по христіанскому обряду, землѣ на Предтеченскомъ кладбищѣ, а изъ каменныхъ гробовъ послѣдне отрытый помѣщенъ въ Тверскомъ музеѣ, и затѣмъ означенная яма зарыта вмѣстѣ съ другимъ каменнымъ гробомъ, распавшимся на нѣсколько частей. Обо всемъ этомъ составленъ коммиссіею протоколъ, который отосланъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

ОБЪ ОЛОНЕЦКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ.

Д. Чл. Е. В. Барсова.

Чтенія мои объ Олонецкихъ древностяхъ не будутъ представлять вамъ, м. г., только обзоръ исключительно памятниковъ древности, или какихъ либо частныхъ изслѣдованій того или другаго изъ нихъ. Я желалъ бы возстановить предъ вами самый строй и бытъ этого края, въ его исторической послѣдовательности, насколько то позволяютъ сдѣлать извѣстныя мнѣ Олонецкія древности. Археологическіе памятники, любопытные сами по себѣ, только тогда даютъ намъ понять свое истинное значеніе, когда воскрешаютъ для насъ живыхъ людей въ такихъ образахъ и очертаніяхъ, какихъ не даютъ намъ ни лѣтописи, ни архивные акты. Подобно тому, какъ этнографія, схватывая на лету текучія явленія современнаго быта, даетъ намъ уразумѣвать въ настоящемъ прошедшее, такъ археологія въ своихъ памятникахъ даетъ намъ возможность осязательно видѣть и читать въ прошедшемъ настоящее. Та и другая стремятся къ тому, чтобы воскресить и ввести въ сознаніе историческое преданіе—этотъ возбудитель національности, источникъ народнаго самосознанія и двигатель живыхъ общественныхъ идеаловъ. Говоря короче, въ нашихъ чтеніяхъ объ Олонецкихъ древностяхъ я хочу предложить вашему вниманію чтенія по Исторіи Олонецкой церкви.

Олонецкая церковь была дщерь св. Софіи Великаго Господина Новгорода, и изученіе ея тѣсно связано съ судьбой и исторіей своей матери.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ началу и развитію здѣсь Христіанства, мы должны оставаться на той нравственной почвѣ, на которую посѣяно было христіанское сѣмя, и воскресить для себя тѣхъ первоначальныхъ насельниковъ этого края, которые жили здѣсь въ первобытныхъ формахъ и подъ воздѣйствіемъ стихій язычества.

Нынѣшняя Олонецкая губернія къ сѣверу и востоку граничитъ съ Архангельской губерніей, къ югу съ Вологодскою, Новгородскою и Петербургскою, къ западу съ Ладожскимъ озеромъ и Финляндскими губерніями. Разстилаясь длиннымъ, неправильнымъ трехугольникомъ, площадь Олонецкой губерніи обнимаетъ въ себѣ 14,026,320 десятинъ. За исключеніемъ южной стороны и восточнаго берега Ладожскаго озера, она вообще представляетъ гористую поверхность. Водами она также богата: въ ней насчитываютъ, кромѣ множества рѣкъ, до 2,000 озеръ. Самое главное изъ нихъ—сине-славное Онего, которое въ окружности охватываетъ около 300 верстъ и называется тамъ моремъ. Лѣсовъ насчитывается здѣсь до 10,000,000 десятинъ. Земныя нѣдра богаты минералами, воды—рыбами, лѣса—дичью и звѣрями.

Ограничившись такимъ краткимъ географическимъ описаніемъ нынѣшняго Олонецкаго края, мы перейдемъ къ ближайшему нашему предмету.

Кто были аборигены или первые насельники этого края, рѣшить пока невозможно, хотя и представляются нѣкоторыя данныя о существованіи здѣсь первобытнаго человѣка.

Въ одномъ изъ записанныхъ нами народныхъ разсказовъ, относящихся къ позднѣйшему времени, уцѣлѣло между прочимъ, повидимому, преданіе о существованіи «свайныхъ построекъ на Ладожскомъ озерѣ». «Въ домольщину стародревнюю,—такъ начинается этотъ разсказъ,—тишь и гладь были на Ладожскомъ озерѣ, ѣздили на плотахъ, не умѣли еще дѣлать лодокъ; на плотахъ же собирались дѣвицы и молодцы, и хороводились и играли шинама и кругама. Прогнѣвался Господь на беззаконія этыхъ людей—и явился сонъ одному человѣку богобоязненну: по утру будешь ты похожать на промыселъ сѣтей, рюсей и мережъ, и выстанетъ ножъ на сѣти твоей, и ты отруби сѣть по тыхъ мѣстъ, гдѣ выстанетъ ножъ—и скорѣе къ берегу: завтра сколыбается море». Въ этихъ словахъ слышится изстаринное преданіе—о первобытномъ житьѣ на плотахъ, которое тѣмъ драгоцѣннѣе, что едва ли не есть единственное живое преданіе въ этомъ родѣ среди всѣхъ народовъ Европы.

Но гораздо, конечно, важнѣе въ данномъ случаѣ тѣ каменныя орудія, которыя въ огромномъ количествѣ найдены въ Олонецкомъ краѣ. Часть ихъ, собранная Бутеневымъ, находится у насъ въ Москвѣ—въ Румянцевскомъ музеѣ и у нашего предсѣдателя гр. Уварова: но самыя богатыя ихъ коллекціи, собранныя И. С. Поляковымъ, находятся въ Академіи наукъ и въ Импер. Географическомъ Обществѣ [1]).

[1]) Въ особенности же,—въ С.-Петербург. Университетѣ и у А. М. Раевской. Прим. Ред.

Путешествуя по юго-восточному берегу Онежскаго озера, г. Поляковъ нашелъ 3 мѣстонахожденія остатковъ каменнаго вѣка: между устьями рѣкъ Огиты и Мегры, въ Лужандозерѣ и на Тудозерѣ,—это собственно на юговостокѣ; за тѣмъ на восточной сторонѣ онъ отыскалъ каменныя орудія на Кенозерѣ и Кумбасъозерѣ. На сѣверо-востокѣ, въ окрестностяхъ Водлозера, подобные поиски его были уже напрасны, и даже мѣстные жители заявили ему, что громовыхъ стрѣлъ у нихъ не попадается, и что кремни для добыванія огня и для ружей привозятся къ нимъ изъ Каргопольщины, т. е. изъ окрестностей Кенозера и съ рѣки Онеги Каргопольскаго уѣзда. На берегу Лужандозера г. Поляковъ отыскалъ еще и болѣе сложный памятникъ архитектуры: это—валъ, сдѣланный изъ камней и расположенный дугою. Имѣя въ виду получить сплошную каменную стѣну, устойчивую и крѣпкую, говоритъ онъ, работникъ каменнаго вѣка пригонялъ камень къ камню, одну плитку къ другой, и притомъ такъ, что естественная выпуклость одного камня совпадала съ вогнутостію другаго; если одинъ камень не устанавливался плотно и тѣсно съ другими, то строитель дѣлалъ на немъ выемку и отсѣкалъ отъ него торчащій бокъ, въ степени, вполнѣ соотвѣтствующей обстоятельствамъ и надобности. Между камнями были остатки углей, береста и, кой-гдѣ въ окрестностяхъ, обломки камней. Обращая вниманіе на это проявленіе первобытной архитектуры, г. Поляковъ не рѣшается однако сказать что либо положительное о его назначеніи. Каменныя орудія, по его изслѣдованіямъ, приготовлялись двумя способами: посредствомъ околачиванія и обтачиванія; въ первомъ случаѣ, житель пользовался острымъ рѣжущимъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму кремневаго ножа, или пилы; обтачиваніе же совершалось на камнѣ, который служилъ точиломъ: онъ обыкновенно имѣетъ видъ плиты, выточенной съ одной стороны, тогда какъ нижняя его поверхность шероховата, углы и ребра его остры и неровны.

Въ ряду каменныхъ орудій, найденныхъ въ Олонецкомъ краѣ, являются топоры; далѣе, по видимому, рубанокъ и какой-то обтесанный цилиндръ, долбня для пробиванія льда, молотки и сѣкиры разнаго вида, съ отверстіями по срединѣ, копья и стрѣлы разной величины, ножи и самыя ядрища, отъ которыхъ откалывались они быстрымъ ударомъ, и рыболовческія грузила.

Наконецъ найдены здѣсь и произведенія съ потребностію изящнаго: таково одно каменное орудіе съ высѣченной головой лося, другое съ рельефно вырѣзанной головой медвѣдя, и за тѣмъ какой-то кружекъ съ отверстіемъ по срединѣ. Въ ряду тѣхъ же вещей не

мало отыскано боковыхъ обломковъ и глиняной посуды, изъ которыхъ видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ ряда бороздокъ, которыя располагались въ разныхъ направленіяхъ, или же раздѣлялись ямочками. Само собою разумѣется, что всѣ эти находки не исчерпываютъ еще всего богатства и разнообразія каменнаго вѣка.

При сравненіи ихъ съ подобными же находками въ Западной Европѣ, по изслѣдованіямъ г. Полякова, онѣ оказываются почти совершенно одного типа. Такъ Олонецкіе топоры сходны съ Скандинавскими и отличаются отъ нихъ лишь тѣмъ, что тогда какъ тѣ сдѣланы большею частію изъ кварцевыхъ породъ, Олонецкіе сработаны изъ глинистаго сланца; употребленіе молотковъ и сѣкиръ проходитъ также чрезъ Балтійскій край и Скандинавію, на западъ—въ Данію, и т. д.; одна изъ формъ Олонецкихъ ножей также имѣетъ себѣ подобныя въ Скандинавіи[1]). Глиняная посуда была также принадлежностію жилья въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и Скандинавіи.

Такимъ образомъ оказывается, что жизнь доисторическихъ обитателей Олонецкаго края мало чѣмъ отличалась отъ жизни западноевропейскихъ народовъ также доисторической эпохи.

Первобытные обитатели Олонецкаго края, говоритъ г. Поляковъ, ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣстà, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или подобнымъ себѣ непріятелемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись и за цѣлость которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшенія. Хотя мы не имѣемъ остатковъ пищи, чтобы наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съварившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ ее давшихъ.

Таковъ взглядъ на общій характеръ жизни первобытныхъ насель-

[1]) Такъ какъ Сибирскій край не былъ еще достаточно обслѣдованъ, то нельзя пока рѣшить, откуда пришли всѣ эти формы каменныхъ орудій; онѣ могли перейти изъ Сибири чрезъ Олонежскій край въ Финляндію, Скандинавію и далѣе на сѣверъ. **Прим. Ред.**

никовъ Олонецкаго края подсказываютъ сохранившіеся здѣсь остатки каменнаго вѣка.

Но вотъ главный и существенный вопросъ въ исторіи: кто именно были здѣсь первобытные жители?

Найденные Олонецкіе остатки каменнаго вѣка, по своему однообразію съ обще-европейскими, не могутъ дать намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Первобытное племя, населявшее этотъ край, остается неизвѣстнымъ.

Г. Поляковъ, изучавшій Олонецкія каменныя орудія въ связи съ геологическими наблюденіями, относитъ эту каменную культуру, повидимому, ко временамъ близкимъ къ эпохѣ послѣднихъ геологическихъ превращеній въ предѣлахъ Сѣвернаго края,— и во всякомъ случаѣ первобытное племя, населявшее этотъ край, считаетъ древнѣе не только племени финскаго, но и курганнаго.

Но однѣ геологическія данныя также остаются нѣмыми для рѣшенія этого вопроса. Каменный вѣкъ обнималъ собою длиннѣйшіе періоды— и картина новѣйшаго каменнаго вѣка, начертанная Степаномъ Крашенинниковымъ въ его описаніи Камчатки, въ данномъ случаѣ поразительна. Въ XVIII в. Камчадалы не знаютъ еще металловъ и переживаютъ стадію отдаленнѣйшаго каменнаго вѣка.

Рѣшеніе главной задачи, именно—опредѣленіе племени обитателей каменнаго вѣка, обусловлено, по нашему мнѣнію, не столько геологическимъ изученіемъ мѣстности, сколько антропологическими и другими археологическими данными. Во всякомъ случаѣ, будущія раскопки Олонецкихъ кургановъ, которыя донынѣ произведены не были, могутъ разъяснить намъ, существовали ли здѣсь какіе либо иные аборигены до финскихъ насельниковъ, и дѣйствительно ли они служили звеномъ, соединявшимъ сихъ послѣднихъ съ первобытнымъ неизвѣстнымъ племенемъ.

Въ Олонецкой губерніи множество кургановъ, извѣстныхъ подъ именемъ Чудскихъ и Литовскихъ могилъ. Курганныя мѣста до нынѣ служатъ источникомъ разныхъ суевѣрныхъ сказаній: то слышится здѣсь стонъ покойниковъ, который вторитъ завываніямъ весенней бури; то выходитъ наружу самъ мертвецъ, стоящій выше березъ, въ бѣломъ саванѣ, съ тоскливымъ лицемъ, обращеннымъ на мѣсяцъ; то тотъ же покойникъ грозитъ казнію проходящимъ, если они не зароютъ костей его въ землю, вырытыхъ въ полѣ сохою. Въ этихъ могилахъ лежитъ некресть—поганые люди.

Замѣчательно, что уже въ XII в. курганныя вещи производили такое же страховитое и поразительное дѣйствіе на жителей Новгородскаго племени. «Пришедшу ми въ Ладогу, говорится въ Кіевской лѣто-

писи подъ 1114 годомъ, и находятъ дѣти наши глазки стеклянныи и малыи и великіи, провертаны, а другіе подлѣ Волховь берутъ, еже выполаскиваетъ вода. Сему же ми дивлящу, рекоша ми: се не дивно: и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видѣвше сами въ полунощныхъ странахъ.... паки бываетъ другая туча и спадаютъ оленцы мали въ ней и возрастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ, посадникъ Павелъ Ладожскій и вси Ладожане». Вещи, которыя были находимы послѣ дождя и, быть можетъ, были вымытые дождемъ, казалось тогда, выпадали изъ самой тучи.

Во всякомъ случаѣ, отсюда видно, что уже въ XII в. для новгородцевъ вещи курганнаго періода казались удивительными.

Финскія племена, съ которыми встрѣтилась здѣсь русская колонизація, были Чюдь, Лопь, Самоядь и Кòрела. Завѣщаніе преподоб. Лазаря Муромскаго указываетъ Чудь аборигенами восточнаго берега Онежскаго озера, а присловье данное Каргополамъ и «Чудь бѣлоглазая» относитъ ихъ существованіе еще далѣе къ сѣверо-востоку. Въ настоящее время Чудь почти совсѣмъ выродилась и только память о ней сохранилась въ языкѣ и наружности жителей югозападнаго побережья Онежскаго озера и рѣки Ояти, отличающихся отъ корелъ Олонецкихъ и Повѣнецкихъ. Въ Оятскихъ деревняхъ Чудскій языкъ общеупотребительный, и тамъ худо говорятъ по-русски (въ приходахъ Пяжезерскомъ, Оятско-Лядвинскомъ, Озерскомъ, Ярославскомъ); половина жителей Русконскаго прихода также говоритъ почудски. Чу́дскій языкъ весьма близокъ къ корельскому, такъ что это не болѣе, какъ только два нарѣчія одного и того же языка.

Первыя народныя преданія о Чуди слышатся въ Тихманскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда. Здѣсь крестьяне указываютъ Аминтову дорогу, по которой бѣжали въ предѣлы каргопольскіе толпы Чуди, подъ предводительствомъ вождя своего Аминта, будучи преслѣдуемы жителями Вытегорскаго уѣзда; онѣ были догнаны у озера Лача и въ конецъ разбиты. Въ одномъ изъ болотъ, окаймляющихъ это озеро, крестьяне и теперь указываютъ на возвышеніе земли, называя ихъ «Чудскими могилами».

Судя по преданіямъ, сохранившимся въ Каргопольскомъ уѣздѣ, главное гнѣздо Чуди было въ восточной его части; наибольшее число этихъ преданій сохранилось въ погостахъ Вохтомскомъ, Валдіевскомъ, Шожемскомъ и Лелемскомъ. При деревнѣ Иванинской, Валдіевскаго прихода, есть гора Городищева; въ ней прежде вырывали древнія вещи; подъ горою, на бугрѣ, лежала груда камней, отъ которой еще и теперь сохранились остатки: въ 6-ти верстахъ отъ прихода, въ лѣсу, есть мѣсто заросшее деревьями,

въ длину 5-ть, въ ширину 4 сажени; оно выложено камнемъ въ видѣ фундамента, толщиною до аршина. Подъѣзжая къ Шожемскому погосту встрѣчаешь, по обѣ стороны дороги, возвышенія, правильность которыхъ заставляетъ предполагать, что здѣсь было укрѣпленное становище какого нибудь древняго племени; въ юго-восточной части этихъ искуственныхъ насыпей, на лѣвой сторонѣ рѣчки Шожмы, находится курганъ, о которомъ сохранилось преданіе, какъ о могильномъ памятникѣ древняго вождя. Въ Лелемскомъ погостѣ, на запустѣвшемъ нынѣ древнемъ кладбищѣ, назадъ тому лѣтъ 70 были отыскиваемы небольшіе куски серебра, на которыхъ замѣчались изображенія животныхъ, копій и другихъ знаковъ. Въ Шалякужскомъ приходѣ указываютъ на поле, называемое могилищемъ, гдѣ были похоронены тѣла Чуди. Въ Лимскомъ приходѣ разсказываютъ, что Чудь нападала на здѣшнія селенія, грабила и перебивала много народу. Въ 2-хъ верстахъ отъ озера Нименскаго на р. Нименгѣ, говорятъ, жила Чудь и указываютъ на груды камня и кирпича. Въ Надпорожскомъ приходѣ, не далеко отъ церкви, есть небольшое ровное мѣсто, которое и теперь называется Бѣлоглазово, потому что тутъ жила «Чудь бѣлоглазая». Въ Лелемскомъ приходѣ находится отдѣльное кладбище, подлѣ самой церкви, на небольшомъ бугрѣ, поросшее толстымъ осинникомъ, который, по какому-то повѣрью, никѣмъ не истребляется; здѣсь тоже, говорятъ, похоронена Чудь. О ней существуютъ пословицы: Чудь въ землю ушла; Чудь живьемъ закопалась; Чудь подъ землею пропала. Нѣтъ сомнѣнья, что и между множествомъ сказаній о Литовскихъ могилахъ, не мало такихъ, которыя относятся къ Чудскимъ и другимъ доисторическимъ курганамъ. Таже повѣсть о Муромскомъ островѣ говоритъ, что кромѣ Чуди около озера Онега жили еще «Лопяне и Самоядь». Но тогда же (въ XI в.), какъ замѣчаетъ повѣсть, они отъидоша отъ мѣста сего въ предѣлы Океана—моря; Лопари нѣкогда витали въ предѣлахъ Повѣнецкаго уѣзда и оттого 7 погостовъ этого уѣзда съ XV в. извѣстны подъ именемъ Лопскихъ погостовъ. Нынѣ Лопь близъ Мурманскаго берега; Самоядь отчасти соприкасается къ сѣверо-восточнымъ частямъ Пудожскаго уѣзда (у Криваго пояса), и очень вѣроятно, что нѣкогда обитала ближе къ Онежскому озеру. Эти именно племена, кажется, описываетъ Тацитъ, когда говоритъ: «у Финновъ удивительная дикость, гнусная бѣдность; ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; на пищу трава, на одежду шкуры, вмѣсто ложа земля; одна надежда—на стрѣлы, которыя, по неимѣнію желѣза, заостряютъ изъ костей, и все таже охота питаетъ мущинъ и женщинъ.... и дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ того, что прикрываются иногда какой нибудь пле-

тенкой изъ вѣтвей, и въ такомъ положеніи быть считаютъ счастливѣе, чѣмъ стонать на поляхъ, трудиться по домамъ и между страхомъ и надеждой хлопотать о своемъ и чужомъ добрѣ; безопасные со стороны людей, безопасны и со стороны боговъ; они достигли даже труднѣйшаго,—что не нуждаются даже въ желаніи».

Точно на той же ступени развитія рисуетъ ихъ и одна древнерусская Соловецкая рукопись XVI в. «Древле быша сіи родове, яко звѣріе дикіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, неимуще ни храма, ни инаго, потребнаго къ жительству человѣческому, но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же... кожа еленей тѣмъ бяше;— имъ же кто когда чрево насытитъ, того они и Бога сопоставляше и аще иногда каменіемъ звѣря убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ». Въ томъ же крайне неразвитомъ положеніи, доходящемъ до фетишизма, Лопь и Самоядь находятся донынѣ. «На рѣкѣ Туломѣ есть небольшой каменный островъ. Ночью Лопари объѣзжаютъ его съ чувствомъ близкимъ къ ужасу. Оттуда имъ слышатся стоны, плачъ, гнѣвныя проклятія, звонъ мечей и звуки битвы. Ели, выростающія изъ трещинъ дикаго камня, являются имъ окруженными бѣлыми вокругъ витающими видѣніями» [1]). Еще ниже степень развитія Самоѣдовъ: нѣтъ у нихъ ни нравственнаго, ни семейнаго начала, ни историческихъ, ни религіозныхъ преданій. Въ нынѣшнемъ году, на Канинѣ мысу, они встрѣтили одного изъ нашихъ молодыхъ изслѣдователей точно также, какъ нѣкогда (въ XI в.) отнеслись они къ иноку Лазарю близь Онеги озера, на Муромскомъ островѣ.

Въ Олонецкой губерніи, особенно въ Каргопольскомъ уѣздѣ, также какъ въ Мезенской округѣ и на всемъ сѣверѣ, встрѣчаются и тѣ каменныя разсѣлины, которыя служили нѣкогда жилищами для подобныхъ аборигеновъ,—на подобіе пещеръ съ отверстіями подобными дверямъ.

Лопари и особенно Самоѣды, по наблюденіямъ ученыхъ путешественниковъ и оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, подобно Чуди, весьма замѣтно выраждаются и вымираютъ. Гораздо многочисленнѣе и гражданственнѣе—племя Кореловъ. По имени этого племени, весь Олонецкій край до IX в. назывался Кареліей или Каріоландіей. Загнанное въ Повѣнецкія болота и Олонецкіе горные кряжи, оно усѣлось одиноко, въ сосѣдствѣ съ русскимъ поколѣніемъ, и многому у него научилось; тѣмъ не менѣе, все еще продолжаетъ оставаться на низкой степени развитія. Корелы почти исключительно живутъ отхо-

[1]) Олон. Вѣд. 1874 г. № 97.

жими промыслами, охотою на дичь и звѣрей, а также ловлею рыбы. Весну, лѣто и осень корелъ проводитъ въ глуши лѣсовъ, на озерахъ и рѣкахъ, а зиму опять въ лѣсу и извозѣ; у него нѣтъ свободнаго дня, проведеннаго въ семьѣ; не смотря на такіе труды, онъ однако всегда бѣденъ; и теперь еще пріѣзжаютъ къ нимъ чиновники требовать съ нихъ подать, а они кланяются и просятъ у нихъ милостыню: копѣйку или хлѣба кусокъ «Христа ради». Голодъ, особенно въ Кореліи Повѣнецкаго уѣзда, явленіе почти постоянное. Окончательное обрусеніе ихъ и развитіе явнымъ образомъ задерживается корельскимъ языкомъ и отсутствіемъ путей сообщенія. Если кoрелякъ собирается ѣхать въ русскую деревню, то говоритъ обыкновенно, что ѣдетъ въ «Русь»; Русскіе же выражаютъ свой взглядъ на нихъ въ слѣдующихъ пословицахъ: «Корельскій верстень, поѣзжай весь день; Корела, Корела, три года горѣла, а не выгорѣла; Корелу на свѣтѣ природа не любитъ; въ лѣсѣхъ живутъ, такъ пню и поклоняются». Нравственное ихъ развитіе всего лучше характезируетъ такъ называемый обрядъ прощенія. Всякой малѣйшей, какъ и всякой величайшей, неудачѣ или немочи тотчасъ же пріискивается причина въ кругу согрѣшеній предъ столомъ, печкой, веретеномъ, рукомойникомъ, хлѣбомъ и т. п.,—и потерпѣвшая неудачу тотчасъ спѣшитъ къ тому или другому изъ этихъ предметовъ, низко кланяется и говоритъ: «прости меня, печенька! прости меня рукомойничекъ»! У Корелъ впрочемъ очень развита погребальная причеть,—и особенно у Корелъ Повѣнецкихъ: говорятъ, она отличается особенною силой и выразительностію. Было бы весьма желательно, чтобы кто нибудь записалъ и перевелъ ее на русскій языкъ. Много также у Корелъ сказокъ: въ ряду ихъ есть немало любопытныхъ; такъ напр. изъ одной видно, что у Корелъ былъ обычай «приходить на поминки, съ приношеніемъ хозяину дома части коровьяго мяса отъ ноги». Историческія преданія также нечужды Корела; таково напр. преданіе объ островѣ «Ручинъ саари», т. е. О «Шведскомъ островѣ,» на озерѣ Самозерѣ, на которомъ укрѣпились Шведы, но у нихъ были отбиты Корелами не только лодки, но и часть провіанта, и непріятель очутился на необитаемомъ островѣ въ безвыходномъ положеніи и волей не волей долженъ былъ сдаться.

Таковы были финскія племена, населявшія Олонецкій край въ ту эпоху, когда проникали сюда Новгородскіе Славяне.

Но когда же, спрашивается, началась здѣсь русская колонизація?

Обыкновенно, начало колонизаціоннаго новгородскаго движенія сюда относятъ къ XI вѣку. Дѣйствительно, первыя историческія указа-

нія относятся къ этому времени. Но если такъ поздно занесены въ лѣтопись подобныя указанія, то это не значитъ, что непремѣнно въ это самое время началось и новгородское колонизаціонное движеніе на сѣверъ.

Нѣтъ сомнѣнья, что началомъ своимъ это движеніе теряется во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, къ которымъ, по всей вѣроятности, относится происхожденіе Новгорода.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Софійской лѣтописи значится любопытное письмо Александра Македонскаго, писанное «къ древнимъ Новгородцамъ».

«Начальницы тогда въ Славянѣхъ и Русѣхъ бѣша князи, ихъ же суть имена сіи: первый Великосанъ, вторый Асанъ, третій Эденъ-Хасанъ: сіи же бяху храбростію и мудростію многихъ превозшедше».

О сихъ то вышереченныхъ Славянахъ и Русѣхъ «жалостенъ слухъ къ самодержавному во уши возгремѣ». Размышляя съ подданными, «что сотворити подобаетъ съ сыроятцы сими»,—если идти на нихъ ратью, чтобы разбить и покорить въ вѣчную работу, то это «неудобно никакоже зѣльнѣйшаго ради дальнаго пути, разстоянія и не удобь проходимыхъ морскихъ водъ и превысокихъ горъ»,—и вотъ лучше рѣшается послать къ нимъ «съ дары многими и писаніе всякими похвалами украшено» и самого царя высокодержавною десницею златопернатыми письмены подписано.

Самое писаніе имѣло сицевый образъ:

«Александръ, царь царемъ и надъ цари бичь Божій, предвитяжный рыцарь, всего свѣта обладатель и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный повелитель: къ покорнымъ же мнѣ милосердый пощадитель, къ непокорнымъ же мнѣ яростный мечь и страхъ свѣта, честнѣйшій надъ честнѣйшими, въ далеко разстоятельномъ и незнаемомъ краѣ вашемъ отъ Нашего Величества честь и миръ, и милость вамъ и по васъ храбросердому народу словенскому, нынѣшнему колѣну русскому, великимъ княземъ и владцомъ отъ моря Варяжскаго и до моря Хвалимскаго, велебнымъ и милымъ мнѣ—храбственному Великосану и Мудрому Асану, щастному Эденъ Хасану.

Аще каковый народъ вселится въ предѣлѣхъ вашего княжества отъ моря Варяжскаго до моря Хвалимскаго, да будетъ вамъ и потомъ воинству вашему, подлежитъ вѣчной работѣ; въ иныя же предѣлы, отнюдь да не вступитъ нога ваша. И сіе достохвальное замѣнено симъ нашимъ листомъ и подписано нашею царскою высокодержавною правицею и за природнымъ нашимъ государскимъ златокованнымъ гербомъ привѣшеннымъ, дано вашей честности въ мѣстѣ вашего дѣла.

Великій Александръ, изволеніемъ великихъ боговъ, Марша и Юпитера, Венеры и Венусы. Мѣсяца Примоса, начальнѣйшаго дня». Вверху строкъ, т. е. надъ «Грамотой», «златопернатыми писмены» написано было сице: «Мы, Александръ, царь царемъ и надъ цари бичь, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венуса въ Небѣ, земскихъ же Филиппа царя Силнаго и Алимпіады царицы, нашею высокодержавною правицею, утвердихъ вѣчнѣ».

Князи Славянорусскіе, сподобившіеся отъ вседержавнаго Самодержца пріяти сію честнѣйшую «эпистолію», почитаху велми и обѣсиша въ божницѣ своей по правую сторону идола Велеса и честно покланяхуся и праздникъ честенъ творяху въ начальный день мѣсяца Примоса».

Само собою разумѣется, что Москва не могла придумывать на счетъ Новгорода подобныхъ разсказовъ, и что это баснословное посланіе есть произведеніе самого Новгорода. Весьма любопытно здѣсь, во 1-хъ, признаніе со стороны Александра Македонскаго предѣловъ земли Русской «отъ моря Варяжскаго до моря Хвалимскаго» и во 2-хъ, то, что во времена его въ Новгородѣ въ лицѣ князей царили храбрость, мудрость и счастіе. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основаній отвергать, что подъ этой басней скрывается какое нибудь Новгородское преданіе о глубокой древности великаго Господина Новгорода.

Уже изъ словъ Тацита можно догадываться, что столь же древне и колонизаціонное его движеніе въ сѣверную Украйну.

Тациту Новгородскіе Славяне извѣстны были подъ финскимъ выговоромъ «Венеты», и до сихъ поръ у финновъ русскіе зовутся «Вэнээ». Тацитъ, описывая Финновъ, какъ мы видѣли, въ «кочевомъ быту, въ оленьихъ шкурахъ», которыя требуются лишь въ сѣверной Украйнѣ, между прочимъ замѣчаетъ: «Венеты... сколько не высится лѣсовъ и горъ между Финнами, по всѣмъ скитаются, разбойничая».

Такимъ образомъ первая форма колонизаціоннаго движенія на сѣверъ была форма вполнѣ соотвѣтственная новгородскому ушкуйничеству, или движенію новгородскихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ или удалыхъ бурлаковъ молодыхъ, и притомъ еще въ отдаленныя времена Тацита.

Въ новгородской былинѣ «о Васильѣ Буслаевѣ» эти Новгородцы удалы-добры-молодцы являются въ тѣхъ же чертахъ, какъ и у Тацита:

Они «Грабятъ бусы, галеры
«Разбиваютъ червлены корабли;
«Смолоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душу спасти.

Обращаясь къ призванію Варяговъ, нельзя не видѣть, что общимъ совѣтомъ Новгородскихъ земель и колоній онѣ призваны не ради управленія общественными дѣлами, а ради наряду, т. е. ради служилыхъ, воинскихъ цѣлей, которымъ они такъ отвѣчали; слово «нарядъ» или, какъ впослѣдствіи, «разрядъ», всегда относилось въ русской исторіи къ служилому воинскому сословію. Размѣщеніе Варяговъ—въ Ладогѣ, новгородской заставѣ для защиты водяныхъ путей, на Бѣлѣ-озерѣ, для защиты сухопутной торговли, и наконецъ въ Изборскѣ, на главномъ пути хлѣбнаго продовольствія,—это размѣщеніе ихъ таково, что если бы не было указаній въ лѣтописяхъ на сосредоточеніе здѣсь воинской варяжской силы, то мы должны были бы предположить ее здѣсь. Изъ этого именно преданія для насъ видно, что не Варяги принесли къ намъ государственную идею, а напротивъ они призваны были союзомъ Новгорода и его колоній въ слѣдствіе сознанія единства Русской земли,—не въ этихъ Варягахъ зародышъ государственнаго порядка, а напротивъ они призваны, чтобы поберечь землю русскую и спасти ея порядки, ея промышленность и торговлю отъ внѣшнихъ враговъ. Подобно тому, какъ у Германцевъ въ собраніяхъ народныхъ, по разсказу Тацита, избирались князья, полководцы, которымъ предоставлялась доля управы и суда, точно такъ приговоромъ новгородскихъ земель могли быть призваны и варяжскіе князья по договорному праву. Въ словахъ лѣтописца, будто они были призваны для спасенія внутренняго общественнаго порядка, проглядываетъ взглядъ Кіевлянина на новгородскую вольность и стремленіе сказать слово въ пользу утвердившейся въ Кіевѣ самодержавной власти. Размѣщеніе, говоримъ, призванныхъ Варяговъ на главнѣйшихъ заставахъ великаго Новгорода служитъ лучшимъ указаніемъ нужды и самого характера этого призванія.

Для насъ, въ данномъ случаѣ, всего важнѣе помѣщеніе призваннаго Рюрика первоначально въ Ладогѣ. Ладога, какъ извѣстно, стоитъ при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, открывая далѣе путь съ одной стороны чрезъ Неву въ Варяжское море, а съ другой, чрезъ Свирь рѣку и Онежское озеро, къ Бѣломорью. Если Нева съ Варяжскимъ моремъ была существенно необходима для торговыхъ связей съ западомъ, то Свирь съ Онежскимъ озеромъ кромѣ того открывала имъ путь въ Двинскую и Печорскую земли, къ главнымъ предметамъ ихъ торговли—къ дорогимъ мѣхамъ и шкурамъ, рыбамъ, соли и т. п. Самое названіе Свири указываетъ, что она издревле находилась во владѣніи Новгородцевъ и отъ нихъ даже получила свое имя. Названіе это встарину употреблялось въ формѣ «Сверь»; съ такимъ именемъ встрѣчается она въ историческихъ актахъ мѣстныхъ монастырей

и въ надписяхъ на пожалованныхъ монастырямъ боярами сосудахъ, колоколахъ и т. п. Названіе Свери производятъ отъ слова сверлить, что вполнѣ соотвѣтствуетъ ея теченію. Стоитъ посмотрѣть, говоритъ г. Минорскій, на прорытыя Свирью горы около деревень: Хавроньина, Мятусова и Подпорожья, чтобы убѣдиться, какое страшное усиліе требовалось водѣ, чтобы просверлить эти скалистые хребты, которые, проходя отъ Кореліи къ Валдаю, легли ей на полпути. Названіе дано мѣтко и дано подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ мощнымъ видомъ горъ, которые, какъ грозные великаны, по ту и другую сторону оберегали завѣтную рѣку. Не даромъ она также въ поэзіи называется не иначе, какъ «Свирь—рѣка свирѣпая». Какъ бы то ни было, но это названіе отнюдь не есть Чудское и Корельское, и конечно обязано своимъ происхожденіемъ тѣмъ Венетамъ, которые впервые плавали здѣсь и грабили жителей, а затѣмъ и полагали основаніе новымъ поселеніямъ. Въ ряду селеній, съ изстаринными финскими названіями, донынѣ встрѣчается немало деревень и съ чисто-русскими именами; таковы напр. финскія названія: Пенгоя, Пидьма, Сувалда, Погра, Нисельга и т. п. Съ русскими именами селенія: Княжь-боръ, Иваньково, Острѣчины, Хавроньино, Киселево и т. п.

На глубокую древность обладанья Новгородцами Свирью указываютъ также тѣ олонецкія народныя легенды, въ которыхъ она является въ богатырскихъ образахъ и соперничаетъ съ самимъ Волховомъ.

Разсказываютъ, что «Свирь-рѣка явилась на свѣтъ маленькимъ зайчикомъ и побѣжала на мѣсяцъ, который стоялъ тогда надъ Ильмень-озеромъ. Поплыла на него Свирь и ужъ далеко пробѣжала, да на ту бѣду увидалъ новорожденную рѣку волкъ—и пустился ее догонять по лѣвому берегу. У Свири-то ноги были быстрѣе волчьихъ: она поотбѣжитъ отъ него, да сама все беретъ на полдень да на полдень, а волкъ все скачетъ въ слѣдъ да сбиваетъ ее съ дороги. Много Свирь бѣжала, и, пожалуй, ушла бы въ Ильмень озеро, да по пути повстрѣчался другой волкъ. Свирь видитъ, что неминучая бѣда подходитъ,—бросилась вправо и ушла въ Нево-озеро. Волки постояли, постояли, напились мутной воды и ушли въ лѣсъ, а Свирь съ тѣхъ поръ и бѣжитъ въ Нево-озеро».

Вотъ другой разсказъ: «Рѣки Свирь да Волховъ были чужіе и постоянно спорили между собою, которая изъ нихъ которой лучше, а рѣшить не могли. Ходили онѣ къ судьѣ, да и тотъ не зналъ, какъ ихъ разсудить, а сказалъ имъ: «которая скорѣе придетъ къ мѣсту, которое онъ укажетъ, та и лучше рѣка. Пустились бѣжать Свирь и Волховъ въ одно время. Волховъ то былъ полѣвѣе, сначала шелъ тихо, да какъ узналъ, что Свирь ужъ далеко бѣжитъ, такъ разсер-

дился, да началъ рвать землю да камни, да такъ разгорячился, что и теперь простыть не можетъ. И пришелъ онъ раньше Свири тремя часами и тремя минутами. Узнала Свирь, что Волоховъ переспорилъ, пошла посмотрѣть, не легче ли ему было итти дорогой, да какъ увидала, сколько онъ нарылъ земли, да какіе камни сдвинулъ, да горы прорылъ, такъ и сказала: ты будь моимъ отцемъ: что велишь, то и сдѣлаю. Волоховъ же говоритъ: не буду я отцемъ, а только братомъ твоимъ роднымъ; и помѣнялись они крестами и живутъ въ согласьѣ: послѣ долго одинъ къ другому въ гости ходили».

Эти народные разсказы, въ которыхъ такъ олицетворяется рѣка Свирь, очевидно, отзываются такою же древностію, какъ и легенды о Волховѣ, записанныя въ лѣтописяхъ, трактующихъ о началѣ Новгорода; съ другой стороны,—изображаемое здѣсь родство между обѣими рѣками ясно говоритъ, что та и другая изъ нихъ отъ глубокой древности находились въ обладаніи великаго Новагорода.

Признавая за Новгородомъ изстаринное обладанье Свирью, мы уже не можемъ допустить, чтобы колонизація остановилась на ея истокѣ и не проникала далѣе въ Обонежье. И дѣйствительно, есть повидимому указанія о древнѣйшемъ существованіи здѣсь новгородскаго племени,—въ отдаленную эпоху языческую.

На восточномъ берегу Онежскаго озера находится небольшое селеніе «Бѣсовецъ». Мѣстность, на которой оно находится, имѣетъ видъ террасы, вершину которой занимаетъ самое селеніе, а скаты идутъ къ озеру и рѣчкѣ. Берегъ озера недалеко отъ селенія изгибается въ правильный полукругъ и образуетъ пространную и красивую бухту, на оконечностяхъ которой лежатъ два гранитные мыса, носящіе, по изображеніямъ, изсѣченнымъ на нихъ неизвѣстною рукою и въ неизвѣстное время, названіе «бѣса» и «бѣсихи».

Снимокъ съ этихъ изображеній приложенъ къ «Географ. извѣстіямъ Имп. Русс. Геогр. Общ.» (1870, стр. 68). Главная фигура, имѣющая подобіе человѣка, представляется длиною въ сажень; прочія изображены относительно къ этой послѣдней. Первый изъ упомянутыхъ мысовъ называется также Крестовымъ, по двумъ изображеніямъ креста, прибавленнымъ, какъ видно, впослѣдствіи; вторый удержалъ и древнее свое финское имя Пелій.

Народное преданіе передаетъ объ этихъ мысахъ слѣдующую незатѣйливую исторію:

«Бѣсъ и бѣсиха, нѣжные супруги, жили на берегу своимъ хозяйствомъ; вдругъ почему-то бѣсъ задумалъ перенести домъ свой дальше и, свивъ веревку, потащилъ мысъ въ озеро; но, вѣроятно, онъ, на-

дорвавъ свои силы, успѣлъ оторвать только одинъ уголъ, который съ нимъ вмѣстѣ и упалъ въ воду. Поводомъ къ такому поясненію послужила, конечно, огромная глыба гранита, отторгнутая переворотомъ отъ береговъ однородной съ нею массы и выходящая на поверхность водъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ перваго мыса.

Полагаютъ, что въ этихъ очертаніяхъ изображено финское божество Венемойненъ, управляющее водами и сушей и раздѣляющее власть съ своей супругой. Но принимая въ соображеніе низкій уровень нравственнаго развитія жившихъ здѣсь финскихъ племенъ, трудно допустить, чтобы эти изображенія, обличающія болѣе или менѣе развитую миѳологію, принадлежали этимъ аборигенамъ; начертаніе такихъ образовъ какъ напр. циркуля, пилы и чего-то въ родѣ зеркала, находящихся здѣсь, скорѣе должно быть приписано болѣе развитому новгородскому племени, лишь только въ болѣе отдаленный періодъ.

Какъ съ принятіемъ Христіанства начертаніе крестовъ на камняхъ составляло его особенность, такъ, вѣроятно, въ періодъ язычества, подобнымъ же образомъ были дѣланы имъ начертанія миѳическія. Близъ селенія Видлицъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ, есть такого же рода языческія изображенія и начертанія на одномъ камнѣ.

Независимо впрочемъ отъ этихъ указаній, которыя можно толковать такъ и иначе, историческіе памятники даютъ возможность предполагать очень древнее появленіе Новгородцевъ въ Заонежьѣ. Вспомнимъ здѣсь разсказъ Кіевской лѣтописи подъ 1114 г., изъ котораго видно, что лѣтописцу кто-то изъ Ладожанъ передавалъ про «старыхъ мужей», ходившихъ за Югру и за Самоядь и видѣвшихъ тамъ чудеса, и передавалъ притомъ въ видѣ давнишняго слуха; стало быть здѣсь рѣчь идетъ о походѣ «старинныхъ мужей» X вѣка, а быть можетъ и ранѣе. Нѣтъ основанія при этомъ утверждать, чтобы это былъ непремѣнно 1-й походъ старыхъ мужей за Югру и за Самоядь; умалчивая объ опасностяхъ этого похода, напротивъ, лѣтопись даетъ возможность предполагать, что это были уже обычные мирные походы «старыхъ мужей» въ сѣверную Украйну.

Новгородъ со времени князя Владиміра находился въ самыхъ животрепещущихъ отношеніяхъ къ Кіеву; сознаніе единства земли Святорусской—отъ моря Варяжскаго до моря Хвалынскаго—какъ будто чувствовалось теперь съ особенною силою; вмѣсто наступательной борьбы на Византію, наступилъ теперь для Кіева періодъ борьбы оборонительной—борьбы противъ степныхъ варваровъ, хлынувшихъ на землю Русскую. Съ волненіемъ души и сочувствіемъ смотритъ Новгородъ

на Кіевъ—на обереганіе имъ земли Святорусской. Стремясь удержать свою изстаринную вольность и свое договорное право съ князьями, Новгородъ высоко постигалъ опасности земли Святорусской со стороны степи,—и вотъ, Владиміръ Красно-солнышко,—который лично, кажется, не совсѣмъ даже жаловалъ Новгородъ,—выростаетъ въ поэтическомъ сознаніи Новгородцевъ въ цѣлый циклъ былевыхъ преданій. Политическій интересъ Кіевской Руси поглотилъ, можно сказать, собственные интересы Новгорода,—и съ развитіемъ поэзіи о Кіевѣ, забылъ наибольшую часть своихъ былинъ древнѣйшаго цикла.

Такое политическое настроеніе и отношеніе Новгорода къ Кіеву, съ возникновеніемъ здѣсь борьбы Русской земли со степью, донынѣ отражается въ новгородскомъ населеніи Олонецкаго края— и болѣе всего въ Заонежьѣ. Только сочувствіемъ къ Кіеву, возникшимъ въ свое время въ Новгородѣ, возможно объяснить, почему именно здѣсь, въ новгородскихъ колоніяхъ, съ такою живостію уцѣлѣли былины такъ называемаго Владимірова цикла. Конечно, нельзя искать въ былинахъ новыхъ историческихъ чертъ, которыхъ не было бы въ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источникахъ, и даже нашедши такія черты, нельзя на нихъ положиться; но былины иногда мѣтко поясняютъ факты, которые сквозятъ смутно, т. е. между строками лѣтописцевъ. Такъ напр., въ одной былинѣ есть указаніе на мѣстныя особенности областной жизни древне-Кіевской Руси, о которыхъ можно только догадываться, читая лѣтопись. Таковъ напр., извѣстный разсказъ Ильи Муромца въ Кіевѣ, какъ онъ проѣхалъ туда изъ Мурома дорогою прямоѣзжею: разсказъ этотъ, за который онъ осмѣянъ былъ въ Кіевѣ, какъ хвастунъ, прекрасно дополняетъ и поясняетъ немногіе и скудные намеки другихъ памятниковъ, указывающихъ на то, что до половины XII в. Заонежскій, Суздальскій край не имѣлъ прямаго и удобнаго сообщенія съ Кіевской землей; точно также замѣчательно, что своимъ упоминаніемъ «о мужикахъ залѣшанахъ» былина подтверждаетъ то, о чемъ можно только догадываться, читая лѣтописи XII в.,—что Залѣсскій край на богатую боярскую Кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края «демократическаго, мужицкаго». Еще важнѣе, что былина помнитъ о томъ, что̀ было самаго характиристическаго въ жизни каждой изъ главныхъ областей Приднѣпровской Руси; такъ она знаетъ:

«Что̀ ни лучшіе богатыри—въ Кіевѣ,
«Золота казна—въ Черниговѣ,
«А хлѣбные запасы—въ Смоленскѣ городѣ.

Любопытно, что эти области Приднѣпровской Руси съ такою свѣ-

жестію живаго впечатлѣнія сохраняются въ Олонецкой губерніи; Кіевъ, какъ городъ Украйны, славился заставами и богатырями. Черниговъ описывается въ лѣтописяхъ, какъ городъ богатый, а Смоленскъ былъ посредникомъ торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Былина даже много помнитъ историческихъ именъ XI и XII вв., въ родѣ Добрыни, Шарка-великана, Тугарина и т. п.

Всѣ эти необычныя частности и притомъ столь драгоцѣнныя, съ такою свѣжестію живаго впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, сохранились въ Новгородскихъ колоніяхъ благодаря тому живому сочувствію, какое носилъ великій Новгородъ къ стольному городу Кіеву со времени князя Владиміра.

Языческіе боги Кіевлянъ, какъ-то: Перунъ, Волосъ, Мокоша—боги же и великаго Новгорода.

Съ рѣзкими проявленіями донынѣ видѣнъ культъ ихъ въ Олонецкомъ краѣ, хотя и подъ другими, болѣе христіанскими формами.

Какъ и во всей русской землѣ, вмѣсто Перуна чтится здѣсь св. пророкъ Илія. Но въ здѣшнихъ народныхъ «плачахъ» онъ рисуется какъ громовержецъ, который «мечетъ стрѣлы» и прямо называется «громовнымъ».

А вотъ и отличительный культъ его:

Испоконь вѣку здѣсь ведется обычай убивать въ честь Иліи пророка завѣтнаго быка. Съ этого дня во многихъ приходахъ здѣсь и донынѣ считаютъ время года, и своимъ дѣтямъ прежде всего внушаютъ уваженіе къ этому святому. Обращаясь къ нему въ молитвахъ, обыкновенно говорятъ: «Илья пророкъ многомилостивый, утиши ты бурю страшную и дай ты росу тихую». Его же считаютъ здѣсь и покровителемъ животныхъ. Въ Егорьевъ день, 23 апрѣля, хозяинъ или хозяйка завичаетъ: «Илья Пророкъ многомилостивъ, сохрани мою скотинку и проводи все лѣтушко здорово, а я завичаю тебѣ (или овчину, или масла, или денегъ или же) быка къ твоему дню великому». Этотъ-то завиченный быкъ и служитъ жертвой Ильинскаго праздника. Канунъ его начинается за три дня. Богатые люди въ это время варятъ пиво и называются «канунщиками». Такъ какъ эта пора рабочая и время сѣнокосное, то крестьяне обыкновенно бываютъ вдали отъ своихъ деревень, но къ Ильину дню никогда не остаются на работахъ: всѣ возвращаются наканунѣ, моются въ банѣ и если Ильинъ день постный, то въ тотъ же день отправляются къ вечернѣ на погостъ, хватать Ильинское мясо.

Въ опредѣленный часъ приводятъ къ церкви одного или нѣсколько завиченныхъ быковъ. Если онъ не одинъ, то обыкновенно кидаютъ жеребій, который изъ нихъ долженъ сдѣлаться жертвою праздника.

Хозяинъ избраннаго быка, получивъ благословеніе священника, отрѣзываетъ у жертвы кончикъ праваго уха и передаетъ его въ часовню. Затѣмъ отводитъ его на поварню, гдѣ его убиваютъ, чередуютъ, и варятъ большими кусками (отъ 4 до 8 фунтовъ): при этомъ кусковъ на дно не опускаютъ, но прикрѣпляютъ ихъ къ ивовому прутью и вѣсятъ на край котла. Кожу и остальныхъ быковъ, если они бываютъ, продаютъ: деньги за нихъ поступаютъ въ церковь. Голову и щи отдаютъ нищимъ, а правую заднюю ногу на причетъ церковный. По окончаніи вечерни или обѣдни, священникъ съ причетниками выходитъ для освященія жертвы и едва успѣваетъ отойти, какъ народъ со всѣхъ сторонъ кидается за Ильинскимъ мясомъ, и при этомъ даже не щадитъ своихъ реберъ. Рыболовы и полѣсники стараются схватить непремѣнно кость. Эта кость, вмѣстѣ съ пасхальной свѣчей, имѣетъ въ ихъ глазахъ то значеніе, что съ ними все троится: пойдутъ ли рыбу ловить—наловятъ втрое: пойдутъ ли полѣсовать—и тутъ тройной успѣхъ. Священникъ между тѣмъ канунъ сусло и пробуетъ каждую варю, сколько бы ихъ ни было.

По окончаніи обряда освященія и общаго дѣлежа Ильинской жертвы, народъ идетъ на лугъ, куда привезено уже и пиво: у каждаго пирующаго яндова или боченокъ, а у каждой женщины по бураку въ рукахъ. На лугу устраивается общій столъ. Почетные гости—священникъ съ причтомъ и старостою: женщины подчуютъ гостей пирогами и рыбниками, а мужчины угощаютъ ихъ пивомъ. Остатки дѣлятъ на причтъ.

Такою жертвою сопровождается праздникъ въ честь, по словамъ Заонежанъ, «Громовнаго Ильи Пророка».

Божество Волоса, которому нѣкогда поклонялись Кіевляне, въ Олонецкомъ краѣ донынѣ чтится подъ именемъ св. Власія, который прямо называется «богомъ коровъ». Въ Нименскомъ приходѣ, въ притворѣ храма, устроеннаго въ видѣ крытой галлереи, стоитъ нынѣ образъ святыхъ Медоста и Власія. Предъ нимъ каждый домохозяинъ ставитъ свѣчу «завиченую»; женщины же приносятъ сюда въ кринкахъ кашу и масло и ставятъ ихъ предъ иконою покровителей своихъ животныхъ. Послѣ обѣдни онѣ приглашаютъ священника отслужить молебенъ, по мѣстному выраженію, «надъ кашами». При этомъ, конечно, молятся Медосту и Власію, чтобы они сохранили ихъ скотинку отъ волковъ и медвѣдей, которыхъ здѣсь многое множество. По окончаніи молебна, священникъ благословляетъ кашу и масло. Затѣмъ начинается дѣлежъ ихъ.

На долю священника при этомъ достаются цѣлые ушаты каши. Остатки отдаютъ нищимъ, которыхъ очень много собирается на этотъ

день. Когда куритъ снѣгъ на Власіевской недѣлѣ,—это, говорятъ, Власій бородой трясетъ (обыкновенно на масляной или на первой недѣлѣ поста).

Вскорѣ за нимъ появляется на землѣ и Моко́ша, или, какъ называется она въ Кіевской Лѣтописи, «Мокошь»,—божество, отъ котораго нѣкоторые отрицали русское національное его значеніе. Оказывается, что эта богиня—спутница Волоса—не была только въ Кіевѣ, но вмѣстѣ съ Новгородцами зашла и въ Олонецкій край, и здѣсь донынѣ, въ живыхъ вѣрованіяхъ народа, не перестаетъ имѣть жизненное значеніе: когда шерсть изъ овцы сильно вылѣзетъ, «ой, говорятъ:—овцу-ту Мо́куша остригла. Иное спятъ, веретено урчитъ, говорятъ, Мокуша пряла, ходитъ она по домамъ, да по ночамъ шерсть прядетъ, да овецъ стрижетъ; выходя изъ дома, она о бру́сокъ, о полати-то, веретеномъ и щелкнетъ; случается, что когда она не довольна, остригаетъ немного волосъ и у самихъ хозяекъ. Что касается обдержной народности этой богини, то она видна также изъ одного имѣющагося у меня худаго намоканунца, XVI вѣка гдѣ, въ ряду вопросовъ духовнаго отца къ кающейся, есть между прочимъ и такой: «не ходила ли еси къ Мокошѣ?»

Говорить ли намъ далѣе о языкѣ напр. Заонежанъ,—какъ онъ сходенъ съ языкомъ Кіевской лѣтописи, особенно XII в.? Этотъ говоръ съ одинаковымъ произношеніемъ и словообразованіемъ, эта рѣчь съ одинаковымъ словоизмѣненіемъ и словосочиненіемъ до того поразительны, что не оставляютъ сомнѣнія въ сходствѣ Новгородскаго племени Олонецкаго края съ Кіевскимъ племенемъ, дѣйствовавшимъ по лѣтописямъ въ Приднѣпровской Руси. Здѣсь встрѣчаемъ мы тождественныя слова поэтическія: туча, удолѣніе, середь земли,—и тѣ слова историческія, которыхъ смыслъ повидимому совершенно затерялся, но которыя встрѣчаются въ лѣтописяхъ, напр. дымъ (каждый дымъ даетъ по маленькѣ хлѣба лѣсничему), насадка (пивная), насадъ (лодка) и т. п.

Наконецъ обратимъ мы вниманіе и на связь Новгородскихъ Олонецкихъ колоній съ отличительнымъ духомъ бывшаго нѣкогда вел. господина Новгорода. Новгородскіе идеалы, по отношенію къ которымъ они оцѣниваютъ свое настоящее, для нихъ еще совсѣмъ не исчезли; тяготѣніе ихъ къ древнему русскому Новгородскому быту донынѣ еще замѣтно. Въ этомъ отношеніи всего любопытнѣе ихъ «Плачь о Новгородѣ», изданный мною въ запискахъ Русс. Географ. Общ. (отд. Этн. т. III. 1873):

Когда Новгородъ вѣдь былъ непокореной
И ко суду были крестьяне не приве́дены,

Были людушки тогды да не штукавыи,
Не штукавы оны были, запростѣишіи.
Какъ судьи да въ тую пору не молодыи,
Поженаты да мужики были почотныи,
Настойсливы оны да правосудливы.
. . . .
Были добры у ихъ кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.
. . . .
Тыи времячка прошли да не видаютца,
Тыи годы скороталисъ—не слыхаютца.
. . . .
Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
О Бладычноемъ оны да этомъ праздничкѣ
И прослужатъ тамъ обиденку воскресную,
И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
И какъ сглянутъ на подлѣтную сторонушку,
Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко;
Сговорятъ они вѣдь имъ да таково слово:
«Гдѣ вѣдь жалобно—то солнце пропекае,
«Тамъ вѣдь прежная родима наша сторона.

Въ «Плачѣ о старостѣ» превосходно изображенъ мировой посредникъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть всякаго начальника,—со всею силою народной ироніи и совсѣми проклятіями—за неразумное отношеніе его къ народу.

Староста позволяетъ себѣ уговаривать привязчиваго и буйнаго начальника:

Да ты чиномъ-то своимъ не возвышайся ты,
Едины да всѣ у Бога люди созданы;
На крестьянъ ты съ кулаками не наскакивай,
Знай—сиди да ты за столикомъ дубовыимъ;
Удержи да свои бѣлы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
. . . .
Хотя жь рьянъ, да ты посредничекъ уходишься,
Хоть спѣсивъ, да ты начальникъ пріусядешься.
Какъ уѣдетъ тутъ судья да страховитая,
Сговорятъ да тутъ крестьяна таково слово:
Міроѣды мировы эти посредники,
Раззорители крестьянамъ православныимъ,
Въ темномъ лѣсѣ быдто звѣри-то съѣдучіи,
Въ чистомъ полѣ быдто змѣи-то клевучіи,
Какъ наѣдутъ вѣдь холодныи—голодныи,

Оны рады мужиченка въ котлѣ варить,
Оны рады вѣдь живаго въ землю вкопать,
Оны такъ-то вѣдь надъ ими изъѣзжаются
До подошвы они всѣхъ дораззоряютъ.
Слава Богу теперь да слава Господу,
Буря пáдара теперь де уходилася;
Нонь уѣхала судья неправосудная,
Укатилася съѣдуба мiроѣдная.

Таковы пѣсни можно слышать только у сыновъ великаго Новгорода; попробуйте обойти всю Россію, и вы уже не услышите голоса подобныхъ думъ и чувствъ. Все свободное и равноправное замолкло и замерло тамъ, гдѣ только простерта была десница Москвы, которая обращалась съ подчиненными ей обществами такъ, что не вѣрила ихъ слезамъ.

ОТКУДА ДОБЫВАЛОСЬ ОЛОВО,

ВХОДЯЩЕЕ ВЪ СОСТАВЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ БРОНЗЫ.

Покойнаго Д. Чл. Бэра.

Съ какою ревностію ни изслѣдовалась въ послѣдніе года самая ранняя исторія культуры человѣчества, сколько ни обращалось вниманія на первое появленіе произведеній металлическаго искусства и въ особенности того состава изъ мѣди и олова, который мы обыкновенно называемъ бронзой, однако до сихъ поръ еще очень шатко опредѣленіе странъ, откуда шло олово, находимое въ составѣ древнѣйшей бронзы. Если мы обратимся къ Ленорману, новѣйшему самостоятельному изслѣдователю въ области исторіи древнѣйшей культуры, то находимъ, что первое употребленіе металловъ онъ приписываетъ туранскому народу, хотя далѣе и называетъ нерѣдко первыми обладателями бронзы кавказскихъ иберійцевъ и древнихъ жителей Месопотаміи, съ тою однако оговоркой, что послѣдніе, въ свою очередь, получили олово изъ странъ по бассейну Оксуса.

Въ древнихъ персидскихъ извѣстіяхъ слово туранскій сперва употреблялось какъ названіе народовъ анти-иранскихъ,—тѣхъ народовъ, на которыхъ Иранцы смотрѣли непріязненно, считая ихъ своими врагами. Поэтому туранцами назвали тюркскія племена, съ которыми Персы чаще всего приходили въ столкновеніе; но такъ какъ стали находить извѣстное родство между тюркскими и финскими племенами съ одной стороны и монгольскими съ другой, то впослѣдствіи ко всѣмъ имъ было примѣнено названіе «туранскихъ народовъ». Наконецъ понятіе о туранцахъ такъ расширилось, что всѣ азіатскіе народы, которые не принадлежатъ къ семитамъ, кушитамъ и арійцамъ, были названы туранцами. Я не думаю, чтобы такая неопредѣленность въ названіи была удобна для этнологіи. По моему мнѣнію, слѣдовало бы называть группы народовъ по одному народу, какъ наприм. фин-

ская группа, тюркская и т. д., чтобы указать самымъ названіемъ, что въ языкахъ извѣстной группы признано родство. Въ упомянутой книгѣ Ленормана слово туранскій очевидно не обозначаетъ ничего другаго какъ то, что извѣстный народъ не принадлежитъ ни къ семьѣ арійцевъ, ни семитовъ, ни кушитовъ. Такой же смыслъ, вѣроятно, имѣетъ названіе туранскій языкъ въ обозначеніи аккадскаго языка.

Я бы вовсе не упомянулъ о туранцахъ, если бы Ленорманъ, говоря о бронзѣ, не указалъ на два мѣста ея родины, изъ которыхъ одно, по его предположенію,—кавказская Иберія, которую онъ, вѣроятно, не считаетъ страною тюркскою. Я опасаюсь, что въ этомъ случаѣ ученый историкъ, сообщающій намъ въ высшей степени интересныя заключенія о древней Вавилоніи и Ассиріи, слишкомъ положился на нѣмецкіе источники. Нѣмецкіе историки и антропологи, если такъ можно назвать изслѣдователей первобытной исторіи человѣчества, съ давнихъ поръ уже говорили объ иберійскомъ оловѣ и иберійской бронзѣ, хотя мнѣ до сихъ поръ и не удалось отыскать источниковъ, изъ которыхъ они почерпали эти свѣдѣнія. Правда, есть извѣстіе, что Халибы славились искусствомъ въ обработкѣ металловъ; но я не могъ найти никакихъ указаній на то, что они вырабатывали бронзу. Очевидно, имя ихъ произведено отъ названія стали. Тибаренцы классической древности, говорятъ, тождественны съ народомъ Тубаль, упоминаемымъ въ Библіи; а это, будто бы, наводитъ на мысль, что они выработывали бронзу. Это предположеніе повторялось такъ часто, что нѣкоторые историки, повидимому, считаютъ его доказаннымъ. На этомъ основаніи, предполагаютъ существованіе и оловянныхъ рудниковъ въ странѣ, которую мы теперь называемъ Грузіей, или же въ Арменіи. Ленорманъ прямо говоритъ, что финикійцы завели торговыя сношенія на Черномъ морѣ, чтобы имѣть всегда возможность добывать оттуда олово, такъ какъ они чувствовали потребность получать его непосредственно изъ первыхъ рукъ (Ленорманъ, Начала культуры, т. I стр. 100). До сихъ поръ я напрасно старался найти такихъ людей, которые бы что нибудь знали объ этихъ оловянныхъ рудникахъ; и хотя изъ источниковъ для исторіи этихъ странъ я знаю одного Моисея Хоренскаго, однако позволяю себѣ возражать противъ мнѣній о существованіи олова въ помянутыхъ мѣстахъ, такъ какъ такое возраженіе скорѣе всего можетъ вызвать опроверженіе или же дать предположенію болѣе прочное основаніе.

Англійскіе ученые, разрабатывающіе первобытную исторію человѣчества, Ляйель и Лёббокъ, поступаютъ осмотрительнѣе: они вовсе не упоминаютъ о кавказскихъ странахъ, а только полагаютъ, что одинаковый всюду составъ бронзы ($^{9}/_{10}$ мѣди и $^{1}/_{10}$ олова) придаетъ боль-

ше вѣроятія тому, что знакомство съ нею вышло первоначально только изъ одной мѣстности, и распространилось потомъ на другія. (Это очень вѣрное замѣчаніе не исключаетъ того, что въ странахъ, которыя лежали вдали отъ всемірнаго сообщенія, нерѣдко бронза содержитъ въ себѣ весьма незначительное количество олова, и что этотъ металлъ старались замѣнять свинцомъ, какъ напр. въ Балтійскихъ провинціяхъ. Говорятъ, что въ Венгріи нерѣдко находятъ предметы изъ чистой мѣди). Они не принимаютъ во вниманіе и другаго мѣста происхожденія бронзы. Такъ Лёббокъ въ своемъ сочиненіи «Доисторическое время» (нѣмецкій переводъ 3-го изданія 1874, т. I, стр. 69) говоритъ: «изъ сказаннаго (т. е. изъ выше разсмотрѣннаго) ясно, что намъ много еще предстоитъ учиться относительно этого интереснаго періода развитія европейской цивилизаціи, равно какъ и относительно того народа, который принесъ къ намъ бронзу».

Другая страна мѣстонахожденія древняго олова, на которую указываютъ Ленорманъ и большинство нѣмецкихъ авторовъ, тянется по сѣверной окраинѣ Персіи до Гиндукуша. Однако доказательства въ пользу происхожденія оттуда олова были до сихъ поръ очень слабы, и состояли въ томъ, что путешественникъ Бёрнсъ (Burnes), покинувъ Баміанскій проходъ, говоритъ, что въ представшей его взорамъ странѣ находится олово. Но это показаніе такъ неопредѣленно и такъ общо̀, что не знаешь, разумѣетъ ли здѣсь путешественникъ Гиндукушъ, и вообще, какъ онъ опредѣляетъ границы страны, лежащей предъ нимъ. Другое свидѣтельство находится въ древней географіи Страбона, который говоритъ, что Дрангіанцы торговали оловомъ. Судя по связи приводимаго имъ мѣста, Дрангіанцы, повидимому, жили на сѣверной границѣ Персіи.

Эти очень неопредѣленныя извѣстія казались мнѣ мало достовѣрными, или, по крайней мѣрѣ, нуждающимися въ подтвержденіи, и я задумалъ воспользоваться проникновеніемъ русскаго оружія на берега Аму или Оксуса, чтобы получить подтвержденіе или опроверженіе показаній о мѣсторожденіи въ этихъ странахъ олова. Составивъ поэтому небольшой рядъ вопросовъ относительно нахожденія здѣсь олова, и приведя свидѣтельство Страбона и темное указаніе Бёрнса, я отослалъ эти вопросы въ Императ. Географич. Общество, съ просьбою дать на нихъ отвѣтъ.

Наконецъ въ прошломъ году, при посредствѣ тайнаго совѣтника Семенова, Вицепрезидента Географическаго Общества, я получилъ вполнѣ засвидѣтельствованныя и даже обстоятельныя извѣстія о мѣстонахожденіи и употребленіи олова въ Хорасанѣ. Г. Семеновъ былъ настолько добръ, что обратился съ запросомъ объ этомъ къ г. Огородникову, своему

знакомому, путешественнику въ Хорасанѣ. Доставленныя этимъ послѣднимъ свѣдѣнія были мною вкратцѣ уже сообщены въ предисловіи ко 2 тому «Рѣчей и статей и т. д.» Я полагалъ тогда, что вскорѣ будутъ получены болѣе подробныя свѣдѣнія, и прекратилъ поэтому до полученія ихъ дальнѣйшую публикацію. До сихъ поръ, насколько знаю, эти свѣдѣнія не были обнародованы болѣе обстоятельно. Однако полученныя извѣстія кажутся мнѣ столь важными, что надо желать возможно скорѣйшаго ихъ распространенія, такъ какъ въ настоящее время столь многосторонне разрабатывается исторія развитія человѣчества. Въ виду этого я и прошу помѣстить эти извѣстія въ «Архивѣ для антропологіи».

Отчетъ г. Огородникова содержитъ слѣдующія свѣдѣнія: «Житель города Мешхеда, Ага-Махмедъ-Касымъ-Рагимъ, арендаторъ одного изъ многихъ мѣдныхъ рудниковъ въ Хорасанѣ, сообщилъ мнѣ, что 1) въ 20 фарсангахъ (1 фарсангъ приблизительно = 7 верстамъ) отъ города Учанъ-Міонъ-Аботъ находятся богатѣйшія залежи олова, желѣза, мѣди, сѣры и свинцу, и что 2) въ 6 фарсангахъ отъ Мешхеда есть оловянный рудникъ, такъ называемый Работы-Алокабандъ. Достовѣрность этихъ показаній подтверждена старшиною русскаго купечества въ Хорасанѣ, бухарцемъ Хаджи-Ибрагимомъ, который хорошо знакомъ съ этой мѣстностью и со многими лицами, занимающимися разработкою рудниковъ. Кромѣ того, я фактически убѣдился въ нахожденіи здѣсь олова, видя большое количество оловянныхъ кувшиновъ и большихъ блюдъ старинной туземной работы, которые, какъ мнѣ передавали ихъ владѣльцы, приготовлены изъ мѣстнаго олова.

По словамъ купцовъ, находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Мервомъ, гористыя мѣстности Туркменіи, занимаемой племенемъ Теке, вообще богаты разными металлами, въ томъ числѣ и оловомъ. Болѣе же точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ я сообщу въ дневникѣ моего путешествія по сѣверовосточной Персіи». П. Огородниковъ.

Къ этому г. Семеновъ прибавляетъ: «Эти извѣстія собраны по моей просьбѣ и сообщены мнѣ г. Огородниковымъ, который по порученію Географическаго Общества и г. Глуховскаго совершилъ путешествіе въ восточную Персію (Мешхедъ и пр.)». П. Семеновъ.

Эти извѣстія придаютъ очень много вѣроятія предположенію, что олово, входящее въ составъ бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ развалинахъ Ассиріи и Вавилоніи, получалось изъ Хорасана, гдѣ, вѣроятно, слѣдуетъ искать Дрангіанцевъ. Какъ далеко простирается внутрь страны мѣстонахожденіе олова, доходитъ-ли оно до Баміанскаго прохода, который образуетъ въ хребтѣ Гиндукушъ естественныя ворота, ведущія изъ Афганистана и Индіи въ равнину

Оксуса,—это остается разъяснить будущимъ изслѣдователямъ. Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы до открытія оловянныхъ рудниковъ въ Корнвалисѣ все олово, входящее въ составъ бронзовыхъ вещей, найденныхъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ странахъ по Средиземному морю и въ Скандинавіи, получалось только изъ Хорасана.

Употребленіе бронзы извѣстно очень давно. Такъ Ленорманъ говоритъ: «какъ бы далеко ни спустились въ глубь исторіи двухъ древнѣйшихъ государствъ, Египта и Халдеи, достигшихъ высоко-развитой культуры, мы всегда встрѣтимъ употребленіе бронзы» (Lenormann, Anfänge der Cultur. Band I, S. 96). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что бронза была найдена даже въ древнихъ гробницахъ на берегахъ Нила, восходящихъ за 60 вѣковъ до нашего времени (тамъ же, стр. 97). Въ гробницахъ 18-й и 19-й династій, т. е. начиная съ XVII вѣка до Р. Х., бронзовыя вещи встрѣчаются въ Египтѣ очень часто. Съ того же, приблизительно, времени бронза была въ большомъ употребленіи также и въ Вавилоніи и Ассиріи; это могло совпадать съ временемъ процвѣтанія разработки оловянныхъ рудниковъ въ Хорасанѣ. Но позднѣе еще распространилось употребленіе бронзы на всѣ страны, прилегающія къ Средиземному и Черному морямъ, а также и въ южной Скандинавіи. Надо полагать, что путь изъ Хорасана въ страны Евфрата былъ часто прерываемъ войнами Вавилонянъ, Мидійцевъ и Персовъ, за господство въ Азіи. Вывозъ Финикіянами олова изъ Британіи черезъ Испанію и Галлію старались отодвинуть какъ можно дальше назадъ,—приблизительно, къ 1500 г. до Р. Х. Однако приводимые въ подтвержденіе этого доводы относятся большею частію къ гораздо позднѣйшему времени, и мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы такой мореходный народъ, какъ Финикіяне, цѣлыя столѣтія получая олово на побережьяхъ Средиземнаго моря, не старался отыскать его мѣстонахожденія. А такъ какъ различныя извѣстія о финикійскихъ колоніяхъ почти вполнѣ согласны между собой въ томъ, что дальнія колоніи—Утика въ Африкѣ и Гадесъ (позднѣе Кадиксъ) въ Испаніи, основаны около 1100 года до Р. Х., то мнѣ кажется очевиднымъ, что Финикіяне ранѣе этого времени не открыли родины олова, но уже послѣ открытія ея позаботились объ основаніи прочныхъ промежуточныхъ станцій.

Если мы примемъ въ соображеніе, что во времена Соломона Финикіяне знали путь въ Офиръ и служили поэтому проводниками Израильтянамъ, и что ихъ соединенные флоты привозили произведенія, которыя они называли тамульскими именами; что, поэтому, они должны были посѣщать отдаленныя края восточной Индіи; далѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ библейскихъ свидѣтельствахъ

ясно говорится, что эти предметы съ тамульскими названіями получались изъ Тарсиса, большое же количество золота изъ Офира, лежавшаго за Тарсисомъ,—то ясно, что Финикіяне доходили покрайней мѣрѣ до южной оконечности передней Индіи и—что̀ почти вытекаетъ отсюда—до нижняго берега Цейлона. Путь этотъ былъ имъ извѣстенъ—и, слѣдовательно, не былъ впервые изслѣдованъ во времена Соломона. Если же они бывали здѣсь уже не разъ, то, конечно, очень возможно и, какъ мнѣ кажется, вѣроятно, что они узнали о легкомъ доступѣ къ олову на полу-островѣ Малаккѣ и на лежащемъ передъ нею островѣ Юнкъ-Цейлонѣ, и отыскивали эти оловянныя копи. Несомнѣнно, что бронза въ восточной Азіи вошла въ употребленіе очень давно. Если припять въ соображеніе, что нѣкоторыя произведенія изъ восточной Азіи были уже извѣстны въ Египтѣ, Палестинѣ и въ другихъ странахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, а главное—что малайское слово, обозначающее корицу (мал. kajū mānis—сладкое дерево, греч. kinnamomon—κιννάμωμον, лат. cinnamomum), почти безъ измѣненія перешло въ западноевропейскіе языки; далѣе, что малайскій обычай снабжать лодки бортовыми досками, которыя уменьшаютъ ихъ валкость, существуетъ еще и теперь въ южной гавани Цейлона, Point de Galle, въ передней же Индіи неизвѣстенъ,—то едвали можно сомнѣваться въ существованіи древнихъ торговыхъ сношеній между странами Средиземнаго моря и Молуккскимъ Архипелагомъ,—поддерживалась-ли эта торговля первоначально многими народами, при чемъ Малайцы были восточнымъ, а Финикіяне западнымъ, или же, что по моему вѣроятнѣе, перешла она впослѣдствіи совершенно въ руки предпріимчивыхъ Финикіянъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что о подобной торговлѣ Финикіянъ мы не получили отъ Грековъ никакихъ извѣстій: они вовсе почти не знали путей Финикіянъ на востокъ, да и о внутренней ихъ торговлѣ въ странахъ Азіи мы бы ничего не знали, еслибы Іезекіиль не отмѣтилъ главныхъ торговыхъ путей. Греки же объ этомъ ничего не говорятъ.

Въ 3 томѣ «Рѣчей» и т. д., я обстоятельно изложилъ, что изъ Персидскаго залива,—гдѣ, по сказанію, была первоначальная родина Финикіянъ и гдѣ они, во всякомъ случаѣ, въ теченіе долгаго времени имѣли колоніи,—путь къ южному берегу Цейлона былъ совершенно естественъ, чтобы не сказать—почти необходимъ. Конечно, труднѣе было найти путь въ открытомъ морѣ въ Малакку или Юнкъ-Цейлонъ; однако, при муссонахъ (періодич. вѣтрахъ), найти его все же легче, чѣмъ путь отъ Геркулесовыхъ-Столповъ въ Корнваллисъ. Если Финикіяне въ Цейлонѣ или въ передней Индіи находили бронзу,

для которой олово получалось съ востока, то побужденіе отыскать родину олова было для нихъ довольно сильно.

Если справедливо, какъ обстоятельно высказывается Ленорманъ, что хотя названія для олова—греч. κασσίτερος, санскр. kastira, араб. qazdir—должны имѣть общее происхожденіе, они однако не имѣютъ корня ни въ семитическихъ, ни въ кушитскихъ, ни въ арійскихъ языкахъ, и притомъ далеко расходятся со всѣми кельтскими именами, то во всякомъ случаѣ надо отъискать первоначальный источникъ этихъ именъ. По Ленорману, въ ассирійскомъ языкѣ олово называется kasazatirra, откуда онъ производитъ κασσίτερος, kastira, qazdir, корень же ищетъ въ совершенно иномъ языкѣ.

Это указаніе нахожденія олова въ Хорасанѣ представляетъ новость и для минералогіи: по крайней мѣрѣ я тщетно старался найти подобное извѣстіе въ сочиненіяхъ по минералогіи, работая надъ этимъ вопросомъ.

ОПИСАНІЕ КІЕВСКАГО КЛАДА,

СОДЕРЖАЩАГО РИМСКІЯ МОНЕТЫ III И IV СТОЛѢТІЙ.

Д. Чл. В. Б. Антоновича.

Въ 1876 году, въ усадьбѣ г. Магурина, при закапываніи свай въ землю, рабочіе нашли кладъ, состоявшій изъ 40—50 мѣдныхъ монетъ; кладъ лежалъ на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, почти на границѣ культурнаго слоя почвы съ песчаною подпочвою. Мѣстность, въ которой отрытъ былъ кладъ, находится въ Плоской части города Кіева, составляющей непосредственное продолженіе Подола. Усадьба г. Магурина лежитъ вблизи такъ называемой «Канавы», т. е. нижняго теченія Глубочицкаго ручья, въ кварталѣ, называемомъ Оболонь (лѣтописное Болонье).

Рабочіе, нашедшіе кладъ, состоявшій исключительно изъ мѣдныхъ довольно невзрачныхъ монетъ, не обратили на него вниманія; часть монетъ была ими брошена или утеряна, и только съ большими усиліями, благодаря просвѣщенному содѣйствію проф. А. С. Роговича, располагающаго обширными связями съ жителями Подола, удалось собрать 25 экземпляровъ монетъ изъ открытаго клада и пріобрѣсти ихъ для мюнцъ-кабинета Университета св. Владиміра [1]).

Пріобрѣтенные университетомъ 25 экземпляровъ распадаются на двѣ группы: первая, состоящая изъ 17 монетъ, представляетъ типы римскаго колоніальнаго чекана; всѣ 17 монетъ были чеканены въ Антіохіи (въ Пизидіи) и относятся ко времени царствованія императоровъ: Гордіана III, Волюзіяна и Галліена (238—268). Вторая группа, состоящая изъ 8 монетъ, представляетъ экземпляры римской средней и малой бронзы, временъ Константина I и Констанція II (306—361).

---

[1]) Монеты эти записаны въ каталогѣ мюнцъ-кабинета подъ №№ 10548—10565 «Новой» коллекціи.

Вотъ подробное описаніе 25 монетъ разсматриваемаго клада:

1. Монеты Антіохійскія.

А) Гордіанъ III (238—244).

№ 1. Av: IMP. C. M. ΛЄΛΛΛ.... PIV..... Бюстъ Гордіана направо; одѣтъ въ походной плащъ (paludamentum), на головѣ лучистая корона (corona radiata).
Rv. ANTIOCHIO. CLA. Знамя, на которомъ сидитъ орелъ (aquila); по сторонамъ знамени два значка (signa). Въ полѣ, у подножія знамени: S—R. Величина монеты 5.

№ 2—3. Av. IMP. C. M. ΛЄΛΛΛЄN.... изображеніе тоже.
Rv. ANTIOCHI. CO. Изображеніе тоже. Вел. 5.

№ 4. Такая же монета. На оборотѣ S. R. не въ полѣ, а внизу, подъ чертою. Вел. 5.

В) Волюзіянъ (сынъ и соправитель Требоніяна Галла, 251—254).

№ 5. Av. IMP. CAE. RASLI. OVNAH. AVC. Бюстъ Волюзіяна направо, въ плащѣ и лучистой коронѣ.
Rv. ANTIOCHIO. CA. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. [1]) Вел. 5.

№ 6. Такая же монета. На оборотѣ: ANTIOCH. COL. Вел. $5^1/_2$.

№ 7— 9. Три такія же монеты. На оборотѣ: ANTIOCHIO. L. Вел. 5.

№ 10—13. Четыре такія же монеты. На оборотѣ ANTIOCHIO. CL. Вел. 5.

№ 14. Av. IMP. C. VIB. AFEN. VOLVSSIA. Бюстъ Волюзіяна направо, въ плащѣ и лучистой коронѣ.
Rv. ANTIOCHIO. CLA. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. Вел. 6.

№ 15. Av. IMP. C.....LOV.. Изображеніе какъ на предыдущей.
Rv. ANTIOCHI. CL. Изображеніе какъ на предыдущей. Вел. $4^1/_2$.

С) Галліенъ (253—268).

№ 16. Av. IMP. GALLIENVS. P. F. AVG. Бюстъ Галліена направо. Одѣтъ въ плащъ; на головѣ лучистая корона.
Rv. ANTIOCH. CL. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. [2]) Вел. 6.

№ 17. Такая же монета; на оборотной сторонѣ: ANTIOCHIO. CLO.; S. R. въ полѣ, у основанія знамени. Вел. 6.

---

[1]) Mionnet.—Description des médailles antiques, grecques et romaines. Supl. t. VII, p. 107, № 112.

[2]) Mionnet. Supl. t. VII, p. 109, № 123.

2. Монеты Римскія.

A) Константинъ I (306—323).

№ 18. Av. CONSTANTINVS. P. F. AVC. Бюстъ Константина направо; одѣтъ въ панцырь, на головѣ діадема.
Rv. GLO.....ER...VS (Gloria exercitus). Два воина, въ шлемахъ и панцыряхъ, стоятъ другъ противъ друга; каждый изъ нихъ держитъ копье и опирается на щитъ; между ними водружено знамя. Внизу, подъ чертою: SMANE [1]). Вел. 3.

№ 19. Av. .....INVS. P. F. AVG. Изображеніе какъ на предыдущей.
Rv. Надпись изглажена.—Воинъ, одѣтый въ панцырѣ, съ шлемомъ на головѣ, идетъ направо, оглядываясь назадъ; держитъ знамя и тащитъ за собою за волосы плѣнника. Въ полѣ: P. R. Внизу, подъ чертою: ...VCE... Вел. 3.

B) Констанцій II (323—361).

№ 20—21. Av. DN. CONSTANTIVS. P. F. AVG. Бюстъ Констанція направо; одѣтъ въ плащъ, на головѣ діадема.
Rv. FEL. TEMP. REPARATIO. Солдатъ идетъ налѣво, поражая копьемъ врага, сидящаго на лошади, съ колпакомъ на головѣ. Внизу, подъ чертою: SMNA [2]). Вел. 5.

№ 22. Такая же монета; на оборотѣ, подъ чертою, ANA. Вел. 5.

№ 23. Такая же монета, на оборотѣ подъ чертою: SMKA. Вел. 4.

№ 24. Такая же монета; на оборотѣ, въ полѣ: S. Вел. 4.

№ 25. Типъ такой же. Вел. 3 [3]).

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя монеты даннаго клада весьма близки между собою какъ по времени, такъ и по типамъ; онѣ относятся ко второй половинѣ III и къ первой половинѣ IV столѣтій; всѣ онѣ приходятъ изъ римскихъ чеканныхъ дворовъ, большинство же ихъ относится къ разряду римскихъ колоніяльныхъ монетъ, именно къ колоніи Антіохіи въ Пизидіи. Разсмотрѣнныя монеты найдены были не въ видѣ спорадически разсѣянныхъ экземпляровъ, а вмѣстѣ, въ общемъ кладѣ, составлявшемъ, вѣроятно, имущество одного лица, спрятанное имъ въ землю. Эти обстоятельства находки весьма важны

---

[1]) Cohen. Description des monnaies, frappées sous l'empire Romain. t. VI, p. 138, № 309.
[2]) Cohen. t. VI, p. 313, № 223.
[3]) Cohen. t. VI, p. 313, № 224. Величина всѣхъ монетъ опредѣлена по скалѣ Mionnet.

для исторіп города Кіева. Разсмотрѣнныя монеты представляютъ несомнѣнно древнѣйшее пзъ извѣстныхъ понынѣ письменныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ мѣстности этого города. Основываясь на нихъ, можно предполагать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіево-Подола существовало уже поселеніе въ IV столѣтіи, и что торговыя сношенія этого поселенія связывали его жителей по меньшей мѣрѣ съ побережьемъ Чернаго моря, можетъ быть и съ Византіею, настолько, что римскіе и мало-азіятскіе монетные знаки проникали въ то уже время къ жителямъ будущей «матери городовъ Русскихъ».

МЕГАЛИТИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ РОССІИ

Графа А. С. Уварова.

(продолженіе) *

Нѣкоторые дольмены Англіи и Ирландіи [1]) отличаются въ особенности величиною размѣровъ. Такъ дольменъ близь Пентръ-Эйфанъ, въ Пемброкширѣ (Таб. VII. рис. 1), достигаетъ размѣровъ, скорѣе напоминающихъ тріумфальныя ворота, чѣмъ гробницу. Каменная плита, служащая покрышкою, такъ обширна, что подъ нею могутъ укрыться до пяти всадниковъ. Другой примѣръ подобной величины встрѣчается въ дольменѣ близь Плэсъ Невидъ, на берегу Менсей-Страйта (Таб. VII. рис. 2). Третій любопытный памятникъ, упоминаемый Фергюссономъ, прозванъ Артуровымъ дискомъ (Arthur' s Quoit), на полуостровѣ Гауеръ въ княжествѣ Вельскомъ (Таб. VII. рис. 3). Длина верхней плиты достигаетъ до 12 и 15 футовъ. На основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ, Фергюссонъ высказываетъ мнѣніе, что дольмены не могли служить гробницами, а были воздвигаемы скорѣе для какой нибудь другой цѣли.

Изъ подобныхъ памятниковъ, сохранившихся въ Ирландіи, Фергюссонъ сообщаетъ видъ и планъ дольмена близь Кнокиенъ (Knockeen) въ графствѣ Ватерфордъ (Таб. VII, рис. 4 а и 4 в). Изъ приложеннаго плана видно, что, кромѣ помѣщенія для погребенія, переднія плиты выступаютъ такъ, что образуютъ какъ бы нишь, въ которой могли приноситься жертвы, по мнѣнію Фергюссона.

Что же касается до раскопокъ дольменовъ въ Ирландіи и Шотландіи, то весьма любопытно замѣчаніе, сообщенное г. Мартинъ Парижскому съѣзду. Онъ думаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ послужили вторично могилами, въ особенности при нашествіи Датчанъ на Ирландію. Такимъ образомъ на Оркандскихъ островахъ, руническая надпись въ дольменѣ свидѣтельствуетъ, что морскіе разбойники, приставшіе къ острову, разрыли этотъ дольменъ и оставили эту надпись въ вос-

*) См. начало въ VI т. вып. 3, стр. 269—290.

[1]) J. Fergusson. Rude Stone Monuments. London 1872, pag. 168, 169.—Congrès international de Paris. 1867 p. 198.—International congress. The third session at Norwick. 1868, pag. 218.

поминаніе своего тутъ пребыванія. Изъ такого замѣчанія можно вывести ясное заключеніе, что мнѣніе Фергюссона, будто дольмены воздвигнуты недавно, совершенно неосновательно. Наконецъ, на Норвичскомъ съѣздѣ представленъ былъ рефератъ для доказательства, что дольмены строились всегда съ цѣлію погребенія. По сдѣланнымъ раскопкамъ въ дольменахъ на Британскихъ островахъ видно, что попадались каменныя орудія и глиняныя издѣлія, но ни въ одномъ изъ нихъ не найдено ни единаго металлическаго предмета.

Между Скандинавскими странами Швеція [1]) и Данія отличаются болѣе всѣхъ остальныхъ, какъ по числу, такъ и по разнообразію мегалитическихъ памятниковъ. При этомъ любопытно замѣтить, что ни единаго такого памятника не найдено ни въ Норвегіи, ни въ сѣверной части Швеціи, ни въ Финляндіи. Вообще, о могилахъ Швеціи Монтеліусъ говоритъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть отнесена къ палеолитической эпохѣ, между тѣмъ какъ по видимому ихъ устройству онѣ представляютъ четыре различные типа:

а) Настоящіе дольмены;

б) Гробницы съ входною галлереею;

в) Ящики изъ каменныхъ плитъ, коихъ верхняя не прикрыта ни земляною насыпью, ни насыпью изъ щебня; наконецъ

г) Ящики изъ каменныхъ плитъ, совершенно закрытыхъ курганомъ или насыпью изъ щебня.

Образцомъ перваго разряда Шведскихъ могилъ или настоящихъ дольменовъ можетъ служить гробница у Сталы на островѣ Орустъ (Таб. VII, рис. 5 а и в). Длина внутренняго пространства два метра. Весь дольменъ сложенъ изъ плитъ, гладкихъ съ внутренней части и неотдѣланныхъ съ наружной. Покрыша состоитъ изъ такой же плиты, но неправильной формы. Обыкновенно дольмены воздвигнуты на холмѣ или на искусственномъ возвышеніи, кругломъ или продолговатомъ. Такія искусственныя возвышенія или насыпи, сдѣланныя изъ земли и щебня, окружены большими камнями. Изъ такого рода памятниковъ въ особенности любопытенъ дольменъ въ Фасморупѣ, въ Сканіи (Таб. VII рис. 6), на верхней плитѣ котораго находятся круглыя углубленія въ родѣ чашекъ (écuelles), а потому всѣ подобные камни получили названіе pierre à écuelles или чашечные камни. Загадочное значеніе этихъ искусственныхъ чашекъ обратило вниманіе многихъ ученыхъ, но доселѣ не удалось разгадать цѣль такихъ углу-

---

[1]) Congrès international, 2 session. Paris. 1867. p. 193.—Matériaux, V, p. 517.—Fergusson. l. c. p. 275—324.—Montelius. Sur les tombeaux et la topographie de la Suède pendant l' âge de la pierre.

бленій [1]). Однако полагаютъ, что они служили для жертвоприношеній. Такой же дольменъ и съ такими же чашечными углубленіями находится въ Шотландіи близь Расо (Ratho). Рисунокъ съ этого памятника помѣщенъ въ изслѣдованіи Дезора.

Второй разрядъ мегалитическихъ памятниковъ съ типомъ гробницъ, съ длинною галереею, служащею входомъ, не принадлежитъ къ тѣмъ сооруженіямъ, которыя я считаю древними памятниками. Даже Монтеліусъ замѣчаетъ, что дольмены съ галереями принадлежатъ скорѣе къ новымъ памятникамъ и представляютъ только послѣдующее развитіе первоначальнаго типа простыхъ дольменовъ. Они даже такъ сказать, принадлежатъ, къ мѣстнымъ постройкамъ одной только сѣверной части Европы, а именно: Бретаньи, острововъ Ламаншскихъ и Британскихъ, Нидерландовъ, сѣверной части Германіи и южной оконечности Швеціи.

Къ третьему типу надо отнести каменные ящики, изъ которыхъ въ видѣ образца представлена (Таб. VIII рис. 1) гробница въ Сіогерасъ въ Вермландѣ. Она состоитъ изъ пяти продолговатыхъ плитъ, изъ которыхъ верхняя служитъ крышкою. Въ длину могила имѣетъ 4, 2 метра. Эти три типа, по замѣчанію Монтеліуса, непокрытые никогда никакою насыпью или курганомъ, принадлежатъ къ могиламъ каменнаго періода. Между тѣмъ, когда даже простые дольмены, затѣмъ дольмены съ галереями и наконецъ каменные ящики бываютъ покрыты насыпью изъ земли или щебня, тогда могилы эти въ Швеціи содержатъ всегда металлическіе предметы.

Наконецъ четвертый типъ, состоящій изъ каменныхъ ящиковъ, прикрытыхъ насыпью, въ особенности для насъ любопытенъ, потому что передняя плита, служившая для входа, имѣетъ круглое или полукруглое отверстіе. Они часто обставлены большими камнями и очень сходны съ тѣми могилами, которыя я опишу при обзорѣ Кавказа и Крыма.

Вообще, въ древнѣйшихъ дольменахъ Швеціи находимы были: каменныя орудія, болѣе или менѣе искусно обдѣланныя и принадлежащія къ эпохѣ шлифованнаго камня, костяные предметы, издѣлія изъ янтаря и просверленые звѣриные зубы (волка, барсука, собаки, свиньи).

Въ заключеніе, для бóльшаго разъясненія мегалитическихъ памятниковъ Швеціи, я избралъ видъ цѣлаго могильника у Гримметона (Таб. VIII, рис. 2), въ особенности любопытнаго какъ по разнообразію формъ, такъ и по количеству скученыхъ здѣсь могилъ.

Если перейти теперь въ Данію [2]), то мы встрѣтимъ: дольмены

[1]) Simpson. Archaic sculpturings of cups, circles ets. Edimbourg. 1867.—Morlot. Les pierres à écuelles (Revue archéolog. Juillet. 1864 p. 25).—Keller. Pfahlbauten (Mittheilungen der Antiq. Gesellschaft in Zurich. XIV, 6. Taf. 16).—Désor. Les pierres à écuelles. Genève 1878.

[2]) Madsen.—Matériaux.—Fergusson. l. c.

почти круглые, близь Недагеръ въ Ютландіи (Таб. VIII, рис. 3 а и в); дольмены расположенные по два и обнесенные четыреугольникомъ изъ крупныхъ камней въ Валдбичардскомъ лѣсу въ округѣ Сорое, въ Зееландіи (Таб. VIII. рис. 4, а и в); дольмены продолговатые, близь Топсхоея, въ томъ же округѣ Сорое (Таб. VIII, рис. 5, а и в), съ двумя камнями, образующими внѣшнюю нишь, какъ это замѣтилъ Фергюссонъ въ Ирландскихъ дольменахъ (Таб. VII, рис. 4 а и 4 в); дольменъ на пригоркѣ, прозываемый doedning или умершаго, близъ Лиль-Рербенъ въ Фридериксборскомъ округѣ въ Зееландіи (Таб. VIII, рис. 6) и обнесенный цѣлымъ поясомъ изъ большихъ камней; наконецъ извѣстный дольменъ близь Херреструпа (Таб. VIII, рис. 7), отличающійся выдолбленными знаками въ видѣ многолюдныхъ лодокъ, круговъ и пр. Этотъ любопытный памятникъ, по словамъ Фергюссона, былъ покрытъ насыпью. Изображенія лодокъ напоминаютъ такія же изваянія на скалахъ Готтенбурга, и приписываются нѣкоторыми учеными къ VI до IX в. Что же касается до раскопки Датскихъ дольменовъ, то въ нихъ находимы были иногда, кромѣ каменныхъ орудій, предметы изъ золота и бронзы.

Не смотря на усердіе, съ которымъ въ продолженіе многихъ вѣковъ уничтожаютъ дольмены, всетаки значительное количество ихъ сохранилось доселѣ въ сѣверной части Германіи, между берегомъ Балтійскаго моря и горнымъ кряжемъ Исполинскихъ горъ, Рудныхъ горъ и Тюрингскимъ лѣсомъ [1]). Но между всѣми этими мегалитическими памятниками, только нѣкоторые изъ нихъ въ особенности для насъ любопытны, въ виду такихъ же формъ, встрѣчающихся какъ въ Азіатской, такъ и въ Европейской Россіи, между тѣмъ какъ другіе представляютъ только позднѣйшія формы, развившіяся изъ первоначальнаго типа простыхъ дольменовъ. Таковы Hünenbette, состоящіе изъ длиннаго ряда дольменовъ въ видѣ галлереи. Разные образцы дольменовъ представлены на таблицѣ IX.

Наконецъ и въ Италіи и въ Греціи [2]) найдены были также мегалитическіе памятники довольно разнообразныхъ видовъ, но всетаки напоминающіе первоначальную и самую простую форму дольменовъ.

II.

Мы прослѣдили мегалитическіе памятники по всѣмъ странамъ, гдѣ они были найдены, обратили при этомъ вниманіе и на главнѣйшія раскопки такихъ памятниковъ, такъ что теперь намъ слѣдовало

---

[1]) Bonstetten l. c. p. 47.—Fergusson. l. c. pag. 308, 318.
[2]) Congrès internal. 2 session. Paris. pag. 196, 219.—Bonstetten. l. c.

бы описать тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ Россіи. Однако необходимо сперва разсмотрѣть, какимъ образомъ изслѣдованъ былъ доселѣ вопросъ о загадочной народности мегалитическихъ памятниковъ. Подобныя свѣдѣнія для насъ тѣмъ болѣе будутъ любопытны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ увидимъ, насколько наши мегалитическіе памятники въ состояніи пополнить и разъяснить этотъ вопросъ.

Долго вопросъ о народности мегалитическихъ памятниковъ оставался нетронутымъ и неизслѣдованнымъ, пока французская академія не поощрила археологическихъ занятій. Наконецъ она предложила этотъ вопросъ на премію, и въ 1862 году присудила ее изслѣдованію, представленному г. Александромъ Бертранъ: «О первобытныхъ памятникахъ Галліи, называемыхъ кельтскими, о дольменахъ и курганахъ» [1]). Такое поощреніе, оказанное французскою академіею, повліяло благотворно не только на разработку одного этого вопроса, но вообще и на всѣ занятія по археологической наукѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ издано было изслѣдованіе г. Бертранъ о мегалитическихъ памятникахъ Франціи, новыя открытія измѣнили во многихъ отношеніяхъ выводы, сдѣланные французскимъ археологомъ. Не только систематическія раскопки стали понемногу пояснять эпоху ихъ постройки, но и открытія новыхъ мѣстностей съ дольменами какъ въ Азіи такъ и въ Африкѣ измѣнили совершенно мнѣніе о настоящей родинѣ народа дольменовъ. Надо было отказаться отъ теоріи изложенной г. Бертраномъ, что народъ дольменовъ обиталъ во Франціи на западѣ отъ линіи проведенной съ сѣвера къ югу, отъ Брюсселя къ Марсели; что народъ этотъ не пришелъ съ востока, а слѣдовалъ по теченію рѣкъ съ юга на сѣверъ и селился на возвышенностяхъ вдоль этихъ рѣкъ. При этомъ г. Бертранъ доказывалъ, что всѣ главныя группы дольменовъ лежатъ внѣ предѣловъ гальскихъ населеній, а слѣдовательно были сооружаемы не Галлами, а другимъ какимъ-то народомъ. Впрочемъ онъ встрѣтилъ и между своими соотечественниками строгихъ порицателей такого мнѣнія [2]).

Три года спустя (въ 1865 году) баронъ Бонштеттенъ издалъ свое изслѣдованіе о дольменахъ и пришелъ къ выводу, во многомъ отступающему отъ мнѣнія г. Бертрана. Бенштеттенъ [3]) полагаетъ. что Малабарскій берегъ былъ колыбелью народа дольменовъ, который подвинулся на западъ двумя потоками. Одинъ, чрезъ Кавказъ, проникъ къ берегамъ Чернаго моря и въ Крымъ, и оттуда, чрезъ

---

[1]) Revue archéologique, 1863. VII, p. 217.

[2]) Matériaux. IX, p. 110—116.

[3]) l. c. p. 44—53.—

Силезію, достигъ до береговъ Балтійскаго моря; другой потокъ изъ Крыма направился въ Грецію и Сирію,—можетъ быть, и въ Италію и Корсику. Но главная вѣтвь этого народа, дошедшая до Балтійскаго поморья, повидимому пошла на западъ берегомъ и остановилась въ Нормандіи и Бретани. Только позднѣе часть этого народа подвинулась къ югу въ Галлію, дошла до Пиреней, вторглась въ Испанію и Португалію и черезъ Гибралтарскій проливъ перебралась на сѣверное прибрежье Африки. Относительно же эпохи этихъ доисторическихъ переселеній Бонштеттенъ думаетъ, что народъ дольменовъ пришелъ на западъ послѣ обитателей пещеръ, но ранѣе племенъ извѣстныхъ уже въ исторіи.

Почти въ одно время съ появленіемъ книги барона Бонштеттена, распространилось извѣстіе объ открытіи многочисленныхъ дольменовъ въ древней Нумидіи. Предпринятыя раскопки этихъ дольменовъ привели къ открытію въ нихъ не только бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій, но даже одной медали императрицы Фаустины (141 г. по Р. Х.). Неожиданность такой находки поразила всѣхъ ученыхъ, и еще болѣе усложнила рѣшеніе вопроса о народности дольменовъ. Доказательствомъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго неожиданнымъ этимъ открытіемъ, служатъ пренія о дольменахъ на международномъ съѣздѣ 1867 года [1]). Вопросъ о дольменахъ стоялъ третьимъ въ программѣ съѣзда.

Еще за годъ до съѣзда, профессоръ Дезоръ издалъ изслѣдованіе о дольменахъ [2]), въ которомъ, согласно съ новыми открытіями сдѣланными въ Алжирѣ, онъ излагаетъ скорѣе современное состояніе вопроса о народности дольменовъ, чѣмъ старается придти къ новому выводу. Между прочимъ, онъ замѣчаетъ, что если сооруженіе дольменовъ не можетъ уже болѣе быть приписано Галламъ, то все-таки оно остается не разъясненнымъ въ отношеніи къ Кельто-иберійцамъ, къ Пелазгамъ, къ Финикійцамъ, или къ иному народу семитическаго происхожденія. Разъясненіе такого отношенія надо ожидать, по мнѣнію Дезора, отъ изслѣдованія африканскихъ дольменовъ, въ особенности если будетъ доказано, что строители дольменовъ были праотцами Берберовъ и Туареговъ или древнихъ Тамху,—народовъ находившихся уже въ сношеніяхъ съ египетскими царями за 2800 лѣтъ до Р. Х., по изслѣдованіямъ Бругша. Эти Тамху изображены были на египетскихъ изваяніяхъ какъ племя бѣлаго цвѣта и съ прямымъ профилемъ.

---

[1]) Congrès international d' anthrop. et archéol. préhistoriques. Compte rendu de la 2-me session à Paris. 1867.

[2]) Archiv. I, p. 266.

Такое новое воззрѣніе Дезора на народъ дольменовъ долго обсуждалось на Парижскомъ съѣздѣ. Хотя ученые не пришли ни къ какому положительному выводу, однако даже и отрицательные результаты, добытые на съѣздѣ, оказались весьма важными для науки. Такъ, напримѣръ, Дезоръ [1]) формулировалъ мнѣніе о невозможности отнести дольмены къ эпохѣ каменнаго періода, чему яснымъ доказательствомъ могутъ служить гончарныя издѣлія, находимыя въ дольменахъ и поражающія сходствомъ съ подобными же издѣліями бронзоваго вѣка.

Почти къ такому же мнѣнію пришелъ и г. Ворсо на Копенгагенскомъ съѣздѣ (въ 1869 году), утверждая, что кухонные остатки (kiokkenmoedding) принадлежатъ къ началу каменнаго вѣка, между тѣмъ какъ дольмены завершаютъ эту эпоху и стоятъ какъ бы на рубежѣ между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ [2]).

Въ томъ же 1869 году, Тайлоръ въ Лондонскомъ Этнологическомъ обществѣ [3]) изложилъ мнѣніе, что мегалитическіе памятники Индіи воздвигнуты племенемъ, населявшимъ эти страны до прихода теперешнихъ арійскихъ поселенцевъ. Онъ основывалъ свое мнѣніе на томъ предположеніи, что теперешніе арійскіе обитатели Индіи мало съ тѣхъ поръ измѣнились въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Между тѣмъ нигдѣ въ Ведахъ не упоминается о подобномъ способѣ погребенія, слѣдовательно этотъ способъ погребенія въ каменныхъ дольменахъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ древнимъ временамъ—къ переселеніямъ народовъ въ доисторическую эпоху. При этомъ все-таки Тайлоръ не выдалъ своего предположенія за окончательное рѣшеніе загадочнаго вопроса.

Еще три года спустя на Брюссельскомъ съѣздѣ (въ 1872 году) снова обратились къ прежнему предположенію, на которое уже намекалъ, какъ мы видѣли выше, профессоръ Дезоръ. Къ этому предположенію французскіе археологи невольно снова приведены были раскопками въ африканскихъ дольменахъ. Такимъ образомъ г. Бургюйнья [4]), разрывъ 28 дольменовъ, пришелъ къ заключенію, что погребальное поле въ Рокніа сооружено за 1000 или 1200 лѣтъ до Р. Х. Это мнѣніе поддерживалъ и генералъ Федербъ, который изслѣдовалъ еще болѣе дольменовъ, чѣмъ г. Бургюйнья. Онъ приписываетъ эти сооруженія особому бѣлокурому племени, которое, по словамъ египтолога Маріэта, извѣстно по египетскимъ памятникамъ, какъ племя бѣлокурое и

[1]) l. c. p. 218.
[2]) Matériaux V, p. 528—532.
[3]) ibidem. VI, p. 71—79.
[4]) Matériaux. V, p. 194.—

съ голубыми глазами, проникнувшее съ запада въ Египетъ, при IX династіи, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Къ этому генералъ Федербъ добавилъ, на Брюссельскомъ съѣздѣ, что строителями дольменовъ онъ считаетъ бѣлокурое племя Тамаху, предковъ теперешнихъ Туареговъ [1]). Но, по обсужденіи этого мнѣнія, члены съѣзда пришли къ убѣжденію, что недостаточно собрано еще антропологическихъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ, недавно еще, въ засѣданіи Парижскаго Антропологическаго общества (19 іюня 1875) съизнова обсуждалось мнѣніе о бѣлокуромъ племени относительно дольменовъ алжирскихъ, при чемъ оно было найдено весьма правдоподобнымъ. Но зато, принуждены были объяснить находку монеты императрицы Фаустины и другихъ позднѣйшихъ издѣлій какъ предметы, вложенные въ древнія гробницы уже въ новѣйшія времена [2]).

Такъ какъ изъ всѣхъ обсужденій и изъ различныхъ раскопокъ не сложилось доселѣ ни единаго окончательнаго мнѣнія, то любопытно прослѣдить мнѣнія, высказываемыя при изслѣдованіи извѣстныхъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Такъ напримѣръ, Луи Ларте, въ своемъ геологическомъ изслѣдованіи о Палестинѣ (Sur la géologie de la Palestine et des contrées avoisinantes) [3]), пишетъ, что дольмены Палестины не сооружены Іудеями, а древнѣйшими обитателями страны, тѣми обитателями, которыхъ Іудеи уже тамъ застали: «Земля Рафаинска возименуется, Рафаины бо на ней прежде живяху; Аммонитяне же прозываютъ ихъ Зомминъ (Zòmzòmmin). Языкъ великъ и многъ и крѣпокъ, якоже и Енакими; и погуби я Господь отъ лица ихъ, и пріяша наслѣдіе и вселишася вмѣсто ихъ даже до сего дне (Второзак. II, 20—21).» Извѣстіе объ Авраамѣ, помѣщенное въ книгѣ Бытія (гл. XXIII), какъ будто противорѣчитъ высказанному мнѣнію о строителяхъ дольменовъ. Тамъ сказано, что Авраамъ купилъ «пещеру сугубую» (τὸ σπήλαιον τὸ διπλοῦν) для погребенія Сарры; но въ какомъ смыслѣ понять это выраженіе: «пещера сугубая», и какъ представить себѣ форму такой пещеры, когда не только это мѣсто неясно въ подлинникѣ, но и остается столь же неяснымъ и въ переводѣ славянскомъ?

Хотя въ такомъ мнѣніи разсматривается только одна мѣстная сто-

---

[1]) Matériaux. V. p. 341—346.—Recueil des notices de mémoires de la Sociéte archéol. de la province de Constantine. 1866, p. 126. Предположеніе г. Шабассіера, что въ Алжирскихъ дольменахъ погребены воины съ Балеарскихъ острововъ, служившіе въ кареагенской и нумидійской арміи при первомъ вступленіи Римлянъ въ Африку, не заслуживаетъ никакого вниманія.—Matériaux. VII, p. 491—494.

[2]) Matériaux. VIII, p. 473—474; сравн. Revue archéolog. 1867. XVI, 35—45, 82—103; ibidem, 1875. XXIX, p. 57, 313, о племени Тамху, и у Lenormand. Manuel. 2 ed. p. 395.

[3]) Matériaux. VIII, p. 191.—Annales des sciences géologiques. Tome III.

рона вопроса о народности дольменовъ, но мнѣніе такое важно и по отношенію своему къ общему вопросу въ цѣлости. И въ этомъ мнѣніи Ларте, согласно съ Федербомъ, объ алжирскихъ дольменахъ, намекаетъ на древнѣйшія времена и на самыя первыя населенія. Такимъ образомъ всѣ эти мѣстныя воззрѣнія на общій вопросъ все-таки могутъ помочь къ его разрѣшенію, но для этого необходимо свести ихъ всѣхъ къ одному общему выводу. Такую попытку сдѣлалъ Мортилье на Стокгольмскомъ съѣздѣ въ 1874 году. Въ представленномъ имъ рефератѣ «о несуществованіи такъ называемаго народа дольменовъ» La non-existense du prétendu peuple des dolmens [1]), онъ не изложилъ мнѣнія совершенно новаго, но только возобновилъ въ новой формѣ уже прежде высказанное мнѣніе. Еще въ 1869 году г. Вестропъ [2]) заявилъ, что не считаетъ мегалитическихъ памятниковъ сооруженіями одного и того же народа, а считаетъ ихъ вещественнымъ проявленіемъ общаго обычая, присущаго всѣмъ первобытнымъ народамъ безъ различія, находящимся на одной и той же степени культуры. Противъ такого заявленія возражалъ другой англичанинъ, г. Лэнъ Фоксъ, на томъ основаніи, что всѣ мегалитическіе памятники во всѣхъ странахъ, даже самыхъ отдаленныхъ, схожи между собою, а потому если не происходятъ отъ одного, общаго народа, то по крайней мѣрѣ должны считаться проявленіемъ одного общаго обычая у всѣхъ народовъ. Гораздо сильнѣе г. Лэнъ Фокса возразилъ Тайлоръ [3]) противъ такого заявленія. Онъ отрицаетъ возможность такого инстикта или способности у первобытнаго человѣка, который бы въ данномъ случаѣ, въ способѣ погребенія усопшаго, могъ проявиться во всѣхъ странахъ, не смотря на разстояніе одной отъ другой, постоянно въ одинаковой и въ совершенно однообразной формѣ. Тайлоръ никакъ не можетъ объяснить себѣ, не только совершеннаго сходства въ общихъ очертаніяхъ дольменовъ, но даже иногда и въ мелочныхъ подробностяхъ, одною простою случайностію или простымъ проявленіемъ общаго инстинкта, присущаго всякому человѣку.

Очень близко къ мнѣніямъ Вестропа и Мортилье подходитъ мнѣніе изложенное Бастіаномъ, въ его изслѣдованіи «о поклоненіи камнямъ въ этнографіи» [4]) Авторъ полагаетъ, что всякому обществу, даже первобытному, присуще желаніе сохранить память объ извѣстномъ событіи или объ извѣстномъ лицѣ посредствомъ какого нибудь вещественнаго знака. Для такого вещественнаго знака самымъ удобнымъ матеріаломъ былъ камень, при чемъ величина и форма самыхъ кам-

[1]) Matériaux. IX, p. 262, 349.—Russiche Revue. 1874. Heft 12, pag. 555.
[2]) Matériaux. V, p. 444—448.
[3]) Matériaux. VI, p. 73.
[4]) Archiv. 1868. III, p. 1—18: Der Steincultus in der Ethnographie.

ней обусловливали и самую форму воздвигаемаго памятника. Когда попадались мелкіе камни, тогда складывали ихъ въ кучу. Когда мѣстныя геологическія условія доставляли человѣку большія плиты, тогда сооружали ихъ въ видѣ дольменовъ: однѣ плиты служили подпорами, другія покрышкою. Когда же попадались большіе, наостренные обломки скалъ, тогда ставились они отдѣльно и отвѣсно, какъ менхиры, или подъ рядъ, вокругъ извѣстнаго мѣста, какъ кромлехи. Такія соображенія профессоръ Бастіанъ старается подтвердить примѣрами изъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Въ воспоминаніе перехода черезъ Іорданъ, двѣнадцать мужей, по числу племенъ Израилевыхъ, берутъ со дна рѣки по одному камню (Іис. Навинъ. IV, 5).

Примѣръ погребальнаго памятника встрѣчается въ повѣствованіи о смерти Авессалома: «и взя Іоавъ Авессалома и вверже его въ пропасть велику въ дубравѣ, и складе надъ нимъ купу каменія велику зѣло» (2 кн. Цар. XVIII, 17).

На горѣ Синайской предписывается Моисею: «Аще же олтарь отъ каменій сотвориши Ми, да не устроиши ихъ тесаныхъ; сѣчиво бо твое аще возложиши на нихъ, то сквернятся» (Исходъ. XX, 25).

При переходѣ черезъ Іорданъ, предписывается: «и да созиждеши тамо олтарь Господеви Богу твоему, олтарь отъ каменія: да не возложиши на нихъ желѣза, каменіемъ всецѣлымъ да созиждеши олтарь» (Второзак. XXVII, 5—6).

При свиданіи Іакова съ Лаваномъ: «и вземъ Іаковъ камень, постави его въ столпъ» (Быт. XXXI, 45).

Такіе примѣры конечно подтверждаютъ основную мысль проф. Бастіана, но не опровергаютъ возраженій, сдѣланныхъ гг. Лэнъ-Фоксомъ и Тайлоромъ противъ г. Вестропа; а если разсмотрѣть эту мысль повнимательнѣе, то мнѣ кажется даже, что мнѣніе проф. Бастіана дѣлается неправдоподобнымъ.

Нельзя не допустить, что для народовъ грубыхъ главнымъ матеріаломъ при созиданіи какого бы то ни было памятника или вещественнаго знака, какъ говоритъ проф. Бастіанъ, является тотъ дикой камень, который ему попадается на каждомъ шагу. Но форма такихъ памятниковъ обусловливается не одною формою употребленнаго матеріала, но также и цѣлью, для которой воздвигался памятникъ. Такъ для олтаря нужна была извѣстная площадь на удобной высотѣ. Для памяти о свиданіи Іакова съ Лаваномъ, конечно, достаточно было переставить одинъ большой камень такъ, чтобы, съ перваго же взгляда, возможно было отличить его отъ другихъ близъ лежащихъ камней. Для защиты тѣла Авессалома отъ нападенія хищныхъ звѣрей, въ

особенности въ лѣсу, достаточно было прикрыть его камнями, которыхъ звѣри не могли бы отгребать лапами. Такимъ образомъ на основаніи этихъ примѣровъ и въ границахъ такого только толкованія, мнѣніе пр. Бастіана вполнѣ справедливо. Но если обобщить эти толкованія и на основаніи ихъ объяснять мегалитическіе памятники во всѣхъ частяхъ свѣта, тогда мнѣніе проф. Бастіана становится рѣшительно невозможнымъ.

Какъ допустить, что одна только форма мѣстнаго камня обусловливаетъ самую форму памятника, когда, напримѣръ, на многихъ мѣстностяхъ, гдѣ попадаются плитчатые камни, не всѣ гробницы имѣютъ одинаковую форму плитчатыхъ памятниковъ или дольменовъ? Къ этому можно добавить, что для олтаря, на которомъ дѣлались возліянія или приносились жертвы, форма дольменовъ весьма удобна. Но для погребенія усопшаго эта форма оказывается совершенно неудобною, такъ какъ приходилось давать тѣлу особое, искусственное положеніе, чтобы умѣстить его въ дольменѣ; отсюда рождается другой вопросъ: какимъ образомъ первобытные люди могли придти къ обычаю употреблять неудобную форму дольменовъ для гробницъ своихъ покойниковъ?

Мнѣ кажется, что если и находится въ человѣкѣ естественное стремленіе употреблять мѣстный камень на сооруженія памятниковъ, то всетаки въ формѣ этихъ сооруженій отражалось личное воззрѣніе строителей. Кромѣ того, плитчатыя гробницы или дольмены изобилуютъ даже на такихъ мѣстностяхъ, на которыхъ встрѣчаются камни другой формы, гораздо болѣе удобной для переноски; между тѣмъ неизвѣстные строители предпочитаютъ огромныя плиты, несмотря на трудъ, связанный съ передвиженіемъ такихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ массъ. По этому поводу любопытно прочесть особое изслѣдованіе, написанное съ цѣлію разъяснить, какія потребны были усилія для исполненія такихъ построекъ [1]). Оттого мнѣ кажется, что самая форма дольменовъ должна была служить выраженіемъ или извѣстнаго понятія или особаго обычая дорогаго, а даже, можетъ быть, и священнаго для народа—строителей. Иначе нельзя объяснить явленія, что народъ, имѣющій подъ руками двоякій матеріалъ—тяжелыя, неуклюжія плиты и болѣе поворотливые кругляки—могъ предпочесть трудное сооруженіе изъ плитъ простой насыпкѣ кучи изъ кругляковъ. Мы имѣемъ даже примѣры, что когда и насыпались такія кучи, то тогда большею частью онѣ обставливались сверхъ того еще огромными отвѣсными

---

[1]) Статья написана покойнымъ королемъ датскимъ Фридерикомъ VII (1863), извѣстнымъ своими учеными занятіями по археологіи. Сперва она была издана въ Mémoires des antiquaires du Nord, а въ послѣднее время перепечатана въ Matériaux. X, p. 393—408.

плитами. Нельзя также не замѣтить, что въ каждой почти странѣ мегалитическіе памятники, при общемъ сходствѣ, имѣютъ всетаки свои особенности, хотя и мелочныя, но всетаки встрѣчаемыя на всѣхъ памятникахъ этой только страны. Наконецъ даже и на послѣднемъ Стокгольмскомъ съѣздѣ вопросъ о народности дольменовъ остался нерѣшеннымъ. Хотя и тутъ Мортилье старался доказать, что дольмены представляютъ не что иное, какъ измѣненіе первобытныхъ пещеръ, употребляемыхъ для погребенія; однако и эта мысль сильно оспаривалась.

Я остановился въ особенности на мнѣніи проф. Бастіана потому, что оно вершаетъ, такъ сказать, всѣ остальныя и служитъ въ данную минуту выраженіемъ того состоянія, на которомъ остановились изслѣдованія о дольменахъ. Но при этомъ мнѣ кажется, что отсутствіе свѣдѣній о подобныхъ памятникахъ въ Россіи много препятствовало къ окончательому рѣшенію вопроса. Можно даже предположить, что со временемъ, послѣ подробнаго изслѣдованія нашихъ мегалитическихъ памятниковъ, измѣнятся и всѣ мнѣнія, высказанныя до сихъ поръ объ этихъ памятникахъ.

III.

Приступая къ описанію мегалитическихъ памятниковъ, какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Россіи, нельзя не припомнить, какое значеніе занимаетъ Россія въ исторіи переселенія народовъ по географическому своему положенію. Не даромъ Риттеръ [1]) называетъ пространство между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа большими воротами народныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу. Но кромѣ этого значенія, наши азіатскіе предѣлы (Бухарская и Сибирская низменности), достигая до граничныхъ хребтовъ центральной возвышенности Азіи, представляютъ для изученія первобытной археологіи тѣ же условія и тѣ же географическія отношенія, какъ и остальныя низменныя страны сравнительно къ центральному нагорью, какъ-то: китайская, индо-китайская, индостанская и сирійско-аравійская. Оттого, приступая къ описанію нашихъ мегалитическихъ памятниковъ, можно сравнить ихъ съ подобными же памятниками другихъ азіатскихъ странъ, и такимъ образомъ отчасти пополнить недостаточность нашихъ свѣдѣній.

Самый богатый матеріалъ по части научнаго изслѣдованія могилъ Сибирскихъ собранъ В. В. Радловымъ. Онъ не только описалъ и изобразилъ могилы, которыя изслѣдовалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ,

[1]) Землевѣдѣніе I, стр. 91.

но также и дополнилъ свои рисунки копіями съ рисунковъ предметовъ, собранныхъ въ Сибири академикомъ Мессершмидтомъ съ 1721 до 1725 года, которые, неизданные, хранятся въ архивѣ Академіи наукъ. Сверхъ того В. В. Радловъ, для сравненія, присоединилъ и рисунки снятые съ сибирскихъ древностей Николаемъ Витсеномъ въ концѣ прошлаго столѣтія (Noord en Oost Tataryen. Amsterdam. 1785 f°.), и наконецъ приложилъ также рисунки, сдѣланные Палласомъ. Всѣ эти рисунки изъ собранія В. В. Радлова были выставлены при Археологическомъ съѣздѣ въ Казани и составили самое любопытное украшеніе всей выставки, какъ результатъ дѣйствительно научныхъ изслѣдованій. Эти рисунки и описаніе В. В. Радлова будутъ изданы въ «Трудахъ» четвертаго съѣзда и составятъ самый капитальный вкладъ въ нашу отечественную археологію.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ В. В. Радловъ изслѣдовалъ гробницы на берегахъ Енисея и его притоковъ (Абакана, Юса, Кія), въ Киргизской степи и на западномъ Алтаѣ, въ юго-западномъ Алтаѣ и въ сѣверномъ Тарбагатаѣ.

Затѣмъ, благодаря трудамъ Географическаго Общества и въ особенности Сибирскаго его отдѣла, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мегалитическихъ памятникахъ Сибири. Въ седьмомъ и восьмомъ томѣ извѣстій Сибирскаго отдѣла, Н. И. Поповъ издалъ подробный обзоръ всѣхъ могильныхъ насыпей, встрѣчаемыхъ въ Сибири, при чемъ сообщаетъ подробныя выписки о сибирскихъ курганахъ изъ путешествій Іоанна Георгія Гмелина, Миллера, Палласа, Георги и другихъ. Затѣмъ, для полноты этой археологической библіографіи, излагаетъ мнѣнія всѣхъ этихъ путешественниковъ о сибирскихъ могилахъ и о предметахъ въ нихъ найденныхъ. Такимъ образомъ, трудъ Н. И. Попова представляетъ намъ любопытный обзоръ всѣхъ имѣющихся доселѣ свѣдѣній о сибирскихъ курганахъ и о курганныхъ предметахъ. Въ заключеніе не могу пропустить безъ особаго вниманія раскопки, произведенныя въ послѣднее время гг. Давыдовымъ и Павлуцкимъ, какъ изслѣдованія исполненныя весьма основательно, при описаніи которыхъ можемъ только сожалѣть, что къ нимъ не приложено никакихъ рисунковъ, какъ самихъ могилъ такъ и отрытыхъ вещей.

Изъ всего сказаннаго видно, что мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній о сибирскихъ могилахъ; однако, не смотря на многочисленность ихъ, они все таки еще недостаточны для составленія полной картины различныхъ типовъ такихъ первобытныхъ памятниковъ. Впрочемъ, если сгруппировать всѣ эти извѣстія, то можно всетаки убѣдиться, что въ Сибири встрѣчаются почти всѣ виды мегалитическихъ памятниковъ, за исключеніемъ дольменовъ. Но ненаходка доселѣ доль-

меновъ не можетъ служить окончательнымъ доказательствомъ ихъ отсутствія, при неполнотѣ такихъ изслѣдованій, а тѣмъ болѣе послѣ нечаяннаго, сдѣланнаго въ 1810 году, открытія могилы, какъ будто указывающей на обрядъ погребенія такого именно рода могилъ.

Въ Нерчинскомъ заводѣ, при рытіи ямы для устройства виннаго подвала, напали случайно на древнее кладбище, въ которомъ найдено было нѣсколько остововъ, расположенныхъ рядами и какъбы въ сидячемъ положеніи. Кости, по разсказамъ очевидцевъ, имѣли довольно большую величину. Молва, по обыкновенію, приписала это кладбище «Чуди», въ особенности въ виду близъ лежащихъ древнихъ рудныхъ копей, приписываемыхъ Чудскому народу [1]).

Вообще, по вопросу о мегалитическихъ памятникахъ, мы должны ожидать еще новыхъ изслѣдованій, а пока—изданіе всего матеріала, собраннаго В. В. Радловымъ въ «Трудахъ» четвертаго археологическаго съѣзда, прольетъ новый свѣтъ на загадочныя могилы Сибири.

Кромѣ недостатка въ полнотѣ, Сибирскія изслѣдованія страдаютъ еще какою-то односторонностію. Всѣ вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей привлечено было доселѣ къ однимъ и тѣмъ же почти мѣстностямъ, между тѣмъ какъ о другихъ обширныхъ пространствахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Къ такимъ забытымъ мѣстностямъ не только можно причислить все побережье Амура, но также и многія мѣста сѣверной части Сибири. За малыми исключеніями, всѣ наши свѣдѣнія о могильныхъ памятникахъ сосредоточиваются по преимуществу на пространствѣ между верховьями рѣки Оби и Енисея и вдоль верховьевъ Енисея.

На восточной (правой) сторонѣ Енисея могильные памятники встрѣчаются главнымъ образомъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ впаденію въ Енисей рѣки Тубы и по обѣимъ сторонамъ этой рѣки съ ея притоками, особенно около села Абаканска. На западной (лѣвой) сторонѣ Енисея они почти безпрерывно встрѣчаются на всемъ пространствѣ, ограниченномъ на сѣверъ Божьими озерами, рѣками Ужуромъ и Чулымомъ, на югъ рѣками Аскызомъ, Есью и Теей, на западъ хребтомъ Алатау, а на востокъ Енисеемъ.

Конечно, эта мѣстность вполнѣ достойна привлечь вниманіе изслѣдователей, такъ какъ на этихъ мѣстахъ, наиболѣе привольныхъ, могильныя насыпи тянутся на сотни верстъ. Такова, напримѣръ, долина, простирающаяся почти на 200 верстъ по лѣвому берегу Енисея, отъ

[1]) Записки Сибирскаго отд. IX—X, стр. 506.

деревни Бережковой до перевоза въ Абаканахъ; такова и обширная степь,—отъ лѣваго берега рѣки Абакана на сѣверъ, до рѣки Ужура и Божьяго озера, центра Татаръ, Кизильскихъ. Въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя перечисляетъ Н. И. Поповъ, могильные памятники до такой степени скучиваются, что сплошь покрываютъ цѣлое пространство на нѣсколько верстъ разстояній. Но любопытно, что эти сплошные могильники не состоятъ изъ памятниковъ одной и той же формы, но напротивъ въ одной и той же мѣстности часто представляютъ образцы не только различныхъ внѣшнихъ формъ, но также и различныхъ обрядовъ погребенія. Вообще всѣ видѣнныя Гмелинымъ могилы по внѣшней формѣ принадлежатъ, по его мнѣнію, къ пяти различнымъ типамъ: а) маяки или могильники, б) сланцы, в) творильные курганы, г) земляные курганы, и д) киргизскія могилы. Изъ этихъ пяти типовъ, два послѣдніе составляютъ отдѣльные типы земляныхъ насыпей; между тѣмъ какъ типы первые, по внѣшнему ихъ устройству, отличаются прозваніемъ каменныхъ могилъ. Эти-то каменныя могилы могутъ быть, по моему мнѣнію, отнесены къ числу мегалитическихъ памятниковъ, такъ какъ сходство съ мегалитическими памятниками другихъ странъ въ особенности замѣтно при сравненіи ихъ съ подобными же памятниками Индіи или Алжира. Я начну съ описанія трехъ типовъ каменныхъ могилъ.

А. Въ Сибири называютъ маяками или могильниками такіе могильные памятники, которые обставлены огромными стоячими плитами. Обыкновенно маяки состоятъ изъ продолговатаго четыреугольника, рѣдко изъ ромба, имѣющаго въ ширину отъ 5 до 50, а въ длину отъ 6 до 60 шаговъ, и обнесеннаго вертикально поставленными каменными плитами. По всѣмъ четыремъ угламъ, или только на сѣверо-западномъ и на юго-восточномъ, или на оборотъ—на сѣверо-восточномъ и юго-западномъ, возвышаются самыя большія плиты, нерѣдко выше сажени отъ земли. О величинѣ такихъ камней Спасскій говоритъ, что онъ видѣлъ нѣкоторые въ полторы сажени длины, въ два аршина ширины и около аршина толщины. Между тѣмъ, по увѣренію Титова, у кургановъ Уйбатскихъ находятся камни въ шесть аршинъ длины и въ три аршина ширины, такъ что, вкопанные, они «выше всадника на конѣ» [1]).

При нѣкоторыхъ маякахъ, въ извѣстномъ, довольно иногда значительномъ, разстояніи поставлены, также отвѣсно, одна или двѣ плиты (Таб. X, рис. 1), которыя можно назвать сторожевыми или

[1]) Извѣстія Сибир. Отд., VII, №№ 2—3, стр. 72.

указательными камнями. Когда поставлены двѣ плиты, тогда мѣстные жители называютъ ихъ воротами. Подъ такими сторожевыми камнями никогда ничего не находили.

По видимому, маяки устраивались всегда на возвышеніяхъ, на скатѣ горъ; а когда попадаются они въ долинахъ, то и тутъ расположены на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ (въ долинѣ на Иволгѣ, между Иволгинскою и Ключевскою станціями). Огромныя плиты, образующія ограду маяковъ, не обтесаны, но иногда вырѣзаны на нихъ изображенія человѣка, или фигуры, или письменныхъ знаковъ. Но иногда также, вмѣсто простаго очертанія, приданъ плитѣ болѣе доконченный видъ человѣка, съ изображеніями разныхъ другихъ предметовъ, или даже съ письменными знаками. Такая плита или изваяніе носитъ названіе каменной бабы. Эти бабы или изваянія Кастренъ принимаетъ за изображенія божествъ Сибирскихъ народовъ [1]).

Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ маяковъ составляетъ плитчатая форма всѣхъ камней, разставленныхъ вокругъ могилы. При этомъ величина такихъ плитъ вовсе не зависитъ отъ близости утесовъ или каменныхъ горъ, такъ какъ маяки съ огромными плитами часто встрѣчаются за нѣсколько десятковъ верстъ отъ всякой горы съ слоистою породою камня. Вообще маяки разсѣяны болѣе или менѣе числительными группами, и только изрѣдка встрѣчаются уединенные маяки; при чемъ они постоянно попадаются или на скатѣ горъ или въ долинахъ, но почти всегда въ мѣстахъ безлѣсныхъ.

Въ серединѣ четырехугольной площади маяка, по словамъ Н. И. Попова, находится, на глубинѣ не болѣе сажени, могила. Площадь маяка иногда имѣетъ едва замѣтное возвышеніе или вымощена плитами; иногда же совершенно въ уровень съ землею. Въ послѣднемъ случаѣ она, у нѣкоторыхъ маяковъ, раздѣлена плитнякомъ на двѣ, три и даже четыре меньшихъ четыреугольника (Таб. X, рис. 3). Эти раздѣленія перегородками, по мнѣнію Палласа, Миллера и Кастрена, доказываютъ, что маяки были семейныя могилы, и мнѣніе ихъ, по видимому, подтверждается раскопками.

Хотя не только Миллеръ, но и многіе другіе путешественники описываютъ маяки и находимыя въ нихъ вещи, однако всѣ эти описанія такъ неточны, такъ неполны, что нельзя себѣ составить никакого яснаго понятія объ обрядѣ погребенія въ этихъ могилахъ. Даже тѣ изъ описаній, которыя несомнѣнно принадлежатъ къ числу наилучшихъ, какъ Гмелина и Палласа, и тѣ далеко неясны. Вообще, я отсылаю къ труду Н. И. Попова всѣхъ желающихъ прочесть подробныя выписки изъ описаній этихъ путешественниковъ, между тѣмъ

---

[1]) Castren, Reiseberichte. p. 343, 361.

какъ самъ буду довольствоваться только указаніемъ на тѣ выводы, которые можно сдѣлать при изученіи этихъ описаній.

Гмелинъ [1]) пишетъ, что разрылъ нѣсколько маяковъ, повидимому нетронутыхъ, а за тѣмъ передаетъ не только что̀ самъ видѣлъ, но также и то, что̀ ему сообщено было курганщиками, т. е. тѣми людьми, которые, въ надеждѣ на богатую добычу, занимаются въ Сибири раскопкою древнихъ могилъ. Всѣ эти разнородныя свѣдѣнія отымаютъ у Гмелинскаго описанія могилъ всякую научную точность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляютъ относиться весьма скептически ко всему сказанному. Полной и вѣрной картины погребальнаго обряда въ этихъ могилахъ мы не найдемъ у Гмелина, но даже и нельзя вполнѣ довѣрить описанію предметовъ, будто-бы отрытыхъ въ нихъ. Но вообще несомнѣнно, что въ Сибирскихъ маякахъ вмѣстѣ съ погребенными тѣлами, находимы были металлическія издѣлія изъ мѣди, золота и серебра. Часто попадаются и лошадиные оставы съ удилами и бараньи головы. Иногда попадаются также желѣзныя стремена. Послѣ всѣхъ этихъ указаній на погребенныя тѣла, Гмелинъ вдругъ оканчиваетъ описаніе маяковъ словами: «При сожженыхъ костяхъ (?) золото попадается въ слиткахъ вмѣстѣ съ костями, но часто также лежитъ въ лѣвой или восточной сторонѣ могилы, вмѣстѣ съ другими предметами.»

Гораздо важнѣе, въ научномъ отношеніи, описаніе Палласа [2]), такъ какъ онъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія только о томъ, что̀ самъ нашелъ при раскопкѣ двухъ маяковъ въ степи на лѣвой сторонѣ Абакана, близъ устья рѣки Аскыза, при каменной бабѣ «Куртьякъ-ташъ». Въ первомъ маякѣ, по углубленіи на два локтя (Ellen), говоритъ онъ, отрыты истлѣвшія кости многихъ труповъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ, ногами вмѣстѣ. Тутъ же вырыто нѣсколько черепковъ отъ разныхъ большихъ глиняныхъ горшковъ, очень перегорѣлыхъ, но въ числѣ ихъ одинъ новый (?). Сверхъ того, найденъ кораллъ (?), похожій на финифть. Въ другомъ маякѣ, ровномъ и безъ насыпи, на глубинѣ также двухъ локтей, дорылись до настланныхъ плитъ, подъ которыми все продолговатое пространство хотя и наполнено было землею, однако сразу видно было, что выложено съ боковъ, отъ востока къ западу, камнями. Въ этомъ-то пространствѣ нашли довольно большія человѣческія кости отъ остава, лежавшаго головою къ востоку. Тутъ же найдено нѣсколько отдѣльныхъ лошадиныхъ и бычачьихъ костей; на правой сторонѣ—глиняной гор-

[1]) Iohann Georg Gmelin. Reise durch Sibirien. Göttingen. 1751—52 8°. 4 книги. III, 273—274; 311—318. I, 241—242, 367—373.

[2]) Pallas. Reise.

шокъ, раздавленный камнемъ положеннымъ сверху; съ лѣвой стороны—какой-то остатокъ искривленнаго дерева (?), а тамъ, гдѣ быть макушкѣ головы,—круглая, тонкая золотая пластинка, величиной въ полтинникъ, пригнутая на перержавѣвшую мѣдную пуговицу.

Такимъ образомъ, изъ описанія Палласа мы положительно узнаемъ, что въ маякахъ хоронили тѣла въ особыхъ пространствахъ, обложенныхъ большими камнями и прикрытыхъ плитами. Вещи въ этихъ могилахъ бываютъ глиняныя, золотыя и мѣдныя. Еще болѣе свѣдѣній о расположеніи могилы въ маякахъ встрѣтили мы въ описаніи раскопки произведенной Сиверсомъ въ верховьяхъ Иртыша, на день пути отъ озера Зайссана.

«Здѣсь много чудскихъ могилъ» говоритъ Сиверсъ. «Нѣкоторыя изъ нихъ особенно отличаются вышиной и большими стоячими камнями. Киргизы (нынѣшніе), не считая ихъ своими, дозволили произвесть раскопку. Работа 8 человѣкамъ стоила 2-хъ дней. Вопервыхъ, нужно было сбросать много камней; потомъ слѣдовалъ слой чернозема въ футъ вышиной; подъ нимъ до грунта могилы не было ничего, кромѣ гранита, хряща и mica foliacea (слюдистаго песка), которыхъ здѣсь весьма много. Сводъ состоялъ изъ большихъ необтесанныхъ гранитныхъ плитъ, не обрушившихся. Сбросавши ихъ и разчистивши песокъ, мы попали на гнилой оставъ 6-ти годовалой лошади (годы опредѣлили киргизы по хорошо сохранившимся зубамъ); положеніе ея съ юга на сѣверъ; ни сѣдла, ничего кожанаго не нашли. Наконецъ, продолжая раскапывать, я нашелъ человѣческую голову; кромѣ нея, какихъ-нибудь остатковъ ручныхъ и ножныхъ костей вовсе не было; да и у головы не доставало нижней челюсти. (Подробно не описываю, а отсылаю къ рисунку въ натуральную величину, сообщенному мною проф. Блюменбаху). Физіономія довольно похожа на калмыцкую; только показались мнѣ удивительными—очень плоско отступающая назадъ лобная кость (das sehr flach zurückfallende Stirnbein) и почти четырехъ-угольная форма глазныхъ впадинъ (orbitae). Sutura frontalis (лобный шовъ) былъ почти сросшійся; occiput (затылка) вовсе не было, равно какъ и части dissepimenti narium (носовой перегородки); тамъ, гдѣ была фонтанель (темя), я нашелъ пластинки (Platten) очень жосткими и толстыми, изъ чего всѣ заключили о возрастѣ около 50 лѣтъ. Положеніе скелета почти съ востока на западъ. Между человѣкомъ и лошадью я увидѣлъ мечъ, почти въ $1\frac{1}{2}$ локтя длины, о двухъ лезвіяхъ, въ дюймъ ширины, прямой, но онъ такъ истлѣлъ, что я пальцами могъ растирать желѣзо; подлѣ меча нашелъ 10 желѣзныхъ же наконечниковъ стрѣлъ, какъ бы скипѣвшихся; концы ихъ, назна-

ченные для попаданія въ тѣло, состояли изъ трехъ листиковъ (трехъгранные), и каждая изъ трехъ сторонъ представляла треугольникъ. На мѣстѣ груди вырыли много золотыхъ пластинокъ, какія часто въ натуральномъ видѣ попадаются въ колыванскихъ рудахъ. На мѣстѣ правой руки нашелъ 2 кованныхъ золотыхъ кольца, каждое вѣсомъ почти въ 2 квента (квентъ = $^1/_4$ лота). Между костями лошади нашли много искусно сдѣланныхъ пряжекъ (Spangen) и разной оковки отъ конской сбруи: все это изъ мѣди и слегка посеребрено; также искусно сдѣланная бляха, въ 2 дюйма въ поперечникѣ, вѣроятно сидѣла на груди лошади,—но все очень перержавѣло; подъ этой бляхой была еще частица кожи, подобной лосинѣ (Ellensfellen), употребляемой для кожаныхъ штановъ. Впрочемъ, нашелъ и кой-какіе слѣды дерева, бумажной матеріи и мѣдное простое стремя. Могила была въ $1^1/_2$ саж. глубины; почти на половинѣ глубины ямы шелъ въ 3 дюйма пластъ земли сѣраго цвѣта, похожій на пепелъ; кой-гдѣ замѣчалъ комки (Nester) черной земли, какъ бы жженые. — Послѣ сего хотѣли раскопать другую могилу, но сводъ ея оказался очень крѣпкимъ, а лома съ нами не было. Однакожъ вынули котелъ, положенный на сводъ, почти въ 38 фун. вѣсомъ, литый изъ мѣди; подъ нимъ лежалъ бердышъ изъ того же металла. Вышина котла 28 англійскихъ дюймовъ, самый большой поперечникъ больше 16 дюймовъ. Дерева ни слѣда» [1]).

Послѣ этихъ свѣдѣній, болѣе или менѣе точныхъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ другихъ положительныхъ указаній, ни у Г. И. Спасскаго, ни у Кастрена, ни у Ледебура. Хотя этотъ послѣдній самъ производилъ раскопку, однако описаніе его такъ сбивчиво, что не можетъ привести ни къ какому другому заключенію, какъ къ тому, что въ могилѣ находились иногда по два или по три погребенныхъ тѣла, и лошадиныя кости. За то мы узнаемъ положительно изъ Кастрена и въ особенности изъ замѣчанія сдѣланнаго В. Б. Радловымъ [2]), что многія племена, населявшія Сибирь, имѣли обыкновеніе хоронить иногда своихъ покойниковъ въ старыхъ курганахъ; такимъ образомъ новѣйшія племена пользовались иногда уже древними, прежде существовавшими могильными памятниками. То же самое замѣчаніе повторяетъ и Армстронъ, по поводу могилъ въ Семипалатинской области.[3]). Если подобное замѣчаніе будетъ доказано окончательно, то предста-

[1]) Сиверса Briefe aus Sibirien, въ Neue nordische Beiträge Палласа, Bd. VII. 5. 340—2. Въ сокращеніи—въ ст. Эйхвальда «О чудскихъ копяхъ», въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. 1858 ч. III, стр. 15—16.

[2]) Compte rendu.

[3]) Извѣстія Имп. Археолог. Общества. 1861, стр. 204—205

вится новое затрудненіе для опредѣленія эпохи и народности маяковъ.

И такъ мы видимъ, что не смотря на многія свѣдѣнія, сообщаемыя въ разныя времена о маякахъ Сибирскихъ, то, что мы знаемъ объ ихъ внутреннемъ устройствѣ, далеко неудовлетворительно. Только новѣйшія изслѣдованія, сдѣланныя по порученію Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, отличающіяся систематичностію раскопокъ и точностію сообщаемыхъ свѣдѣній, могутъ отчасти пополнить эту недостаточность свѣдѣній.

Такимъ образомъ г. Давыдовъ изслѣдовалъ маяки въ Верхнеудинскомъ округѣ въ Забайкальской области [1]). На скатѣ горы Мухуйта (въ рѣчной области Уды, къ Ю. З. отъ Хоринской степной Думы близь рѣчки Оротай, ничтожнаго лѣваго притока рѣки Уды,) близь рѣчки Оротай, существующей только весною, возвышаются восемь маяковъ, изъ которыхъ одинъ ниже прочихъ, а остальные расположены почти рядомъ. Окружающія ихъ плиты немного наклонены на внѣшнюю сторону. Вообще эти маяки имѣютъ очертаніе трапецій, близко подходящихъ къ параллелограмму и даже къ квадрату. Пространство между стоячими плитами почти не возвышается надъ уровнемъ окружающей извнѣ земли. Верхній слой могилы состоитъ изъ довольно крупныхъ камней, ниже—второй слой щебня съ землею, подъ нимъ—слой чистой земли, подъ которымъ лежатъ плиты. Таково расположеніе почти всѣхъ маяковъ.

Г. Давыдовъ разрылъ два маяка.

Одинъ (третій съ краю отъ юга, длина его около 5-ти, ширина—около 3 аршинъ; углублялись на полтора аршина) направленіемъ къ С. В. В., съ однимъ сторожевымъ камнемъ къ С. В. на разстояніи $4^1/_4$ аршина. Подъ вторымъ слоемъ (щебень) стали попадаться человѣческія кости и черепки отъ сосудовъ. Затѣмъ подъ плитами находился полный человѣческій оставъ, но безъ головы, и черепки отъ сосуда. Вообще, черепковъ было очень мало и они были очень мелки.

Второй маякъ лежалъ ниже прочихъ (длин. $5^1/_4$, шир. $3^1/_2$ арш.; направленіе тоже самое). Сторожевой камень въ $5^3/_4$ аршинахъ. Углубились на $2^1/_4$ аршина, и слой былъ въ томъ же порядкѣ. Надъ слоемъ плитъ найдены: человѣческій черепъ, два обломка отъ костей человѣческихъ и черепки отъ сосуда. Подъ слоемъ плитъ—почти полный человѣческій оставъ, въ весьма рыхломъ состояніи, и нѣсколько черепковъ отъ сосуда.

На другой мѣстности, въ урочищѣ Цыганъ—Кундуй, находится также цѣлая группа маяковъ. Г. Давыдовъ разрылъ

---

[1]) Записки Сибирск. Отдѣла, кн. II, 1856; стр. 90—100.

три изъ нихъ, на глубину $1\frac{1}{2}$ аршина (направленіе съ З. на В. длин. $5\frac{1}{4}$, шир. около $4\frac{1}{4}$ арш.) Два сторожевые камня въ десяти аршинахъ отъ маяка и въ $4\frac{3}{4}$ арш. другъ отъ друга. Найдено было подъ слоемъ плитъ много черепковъ отъ сосуда и нѣсколько лошадиныхъ зубовъ, часть лошадиной нижней челюсти и немного древеснаго угля. Въ остальныхъ двухъ маякахъ найдено то же самое, но нигдѣ не видно было никакихъ слѣдовъ отъ человѣческихъ костей. Я полагаю, что могилы эти были уже прежде расхищены.

Третья мѣстность: на рѣчкѣ Онѣ, при скатѣ горы Хотокъ, въ 10 верстахъ отъ Думы, изслѣдованъ маякъ (описаніе вида могилы не довольно ясно сдѣлано). Направленіе—съ З. къ В, длина слишкомъ 5, шир. по западной сторонѣ около трехъ, по восточной —$3\frac{1}{2}$ аршина. Найдены: маленькій обломокъ отъ горшка, два остатка отъ лошадиныхъ зубовъ и часть лошадинаго черепа, немного древеснаго угля, хотя болѣе чѣмъ въ другихъ маякахъ. Несмотря на то, что раскопка доходила до сажени въ глубину, однако обыкновеннаго слоя плитъ не оказалось.

Четвертая мѣстность находится на правомъ берегу рѣки Уды, на Санномъ мысу Узуръ-Кузунъ (конецъ шеи), на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою. Тутъ раскинулась одна группа маяковъ. Самый колоссальный изъ нихъ, по высотѣ стоячихъ плитъ, имѣетъ длины $5\frac{1}{2}$, шир. слишкомъ 4 аршина. Направленіе его отъ З. къ В. Углубившись на $1\frac{1}{2}$ аршина, нашли только черепки и нѣсколько человѣческихъ костей. Но въ особенности любопытно, что въ одномъ изъ угловъ на южной сторонѣ стоймя поставлена была плита или менхиръ, съ такими же изображеніями совершенно какъ плита, находящаяся на Иволгѣ (Таб. X., рис. 3), которую опишу ниже, но только меньше по размѣру, болѣе грубой отдѣлки, хотя и съ такими же начертаніями. Въ той же группѣ маяковъ найденъ еще другой камень, небольшой, но съ другими знаками [1]), которыя г. Давыдовъ подробно не описываетъ.

Пятая мѣстность съ маяками находится на рѣкѣ Иволгѣ между Иволгинскою и Ключевскою станціями, въ долинѣ. Изъ этихъ маяковъ разрытъ одинъ, имѣющій въ длину 5, въ ширину $4\frac{1}{4}$ аршина. Не смотря на то, что въ немъ углубились на $3\frac{1}{4}$ аршина, но слоя изъ плитъ не оказалось, и никакихъ вещей въ немъ не найдено.

Г. Давыдовъ говоритъ еще о трехъ насыпяхъ, и вѣроятно подра-

---

[1]) Представленъ въ Отдѣлъ 2 августа 1855 г. см. Отчетъ.

зумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ такіе же маяки [1]) . Во второмъ маякѣ подъ горою (длина 5, ширина 4½ аршина) углубились на одинъ аршинъ, и въ западной его сторонѣ нашли человѣческія кости (отъ ногъ), почти совершенно истлѣвшія. Тутъ же попадались и лошадиныя зубы.

Въ третьемъ маякѣ (длина 5, ширина 3¾ аршина), также на глубинѣ одного аршина, найдены кости отъ человѣческихъ ногъ, лежащія въ направленіи къ западу. Длина костей: верхней—18 дюймовъ 6 линій, а нижней—14 дюймовъ 6 линій.

Четвертый маякъ оказался совершенно пустымъ.

Въ Нерчинскомъ округѣ [2]) Забайкальской области, въ 7 верстахъ отъ Кличкинскаго рудника къ С. З., находится маякъ извѣстный подъ прозваніемъ Кара-боянъ (старый богачъ), окруженный стоячими плитами изъ гнейса. Двѣ сторожевыя плиты, вышиною съ поверхности земли въ 1 арш. 11 вершковъ, шириною въ ¾ аршина, толщиною до ¼ аршина, между собою въ разстояніи въ 1 арш. 2 верш., а отъ маяка въ 7 саженяхъ и 2 аршинахъ. Мѣстные жители называютъ ихъ воротами. Плиты вокругъ самаго маяка отчасти разбиты и разрушены, такъ что судить о вышинѣ ихъ невозможно. Онѣ стоятъ наклоненными къ наружности и представляютъ явные признаки обтески (Таб. X, рис. 1). Вѣроятно онѣ вывезены изъ узкой долины Коновалки, лежащей не ближе семи верстъ, гдѣ только и встрѣчаются обнаженія такой гнейсовой породы. Маякъ имѣетъ форму трапеціи, такъ какъ противоположныя стороны имѣютъ 4½ и 3½ саженей длины. При раскопкѣ г. Павлуцкій нашелъ: сперва глинистый песокъ до одной сажени глубины, подъ нимъ—слой изъ гнейсовыхъ плитъ (названный въ описаніи каменнымъ сводомъ), толщиною въ одинъ аршинъ. Подъ этимъ слоемъ, углубившись въ рыхломъ пескѣ на 2 аршина, напали на чрезвычайно хрупкія человѣческія кости: черепъ и ручныя кости, на сгнившую бересту и древесный уголь. Судя по величинѣ ручныхъ костей, онѣ принадлежали рослому человѣку.

Къ сѣверу отъ этого маяка, на довольно высокой горѣ, лежитъ цѣлая группа подобныхъ же маяковъ.

Далѣе къ З. отъ Кличкинскаго рудника, на склонѣ горы при устьѣ пади, т. е. горной долины Кондуй (не далеко отъ села Кондуевскаго), расположена еще группа до 37 маяковъ, обставленныхъ невысокими плитами.

[1]) Ibidem, стр. 97—98.—

[2]) Записки, кн. IX—X, стр. 475: статья А. Павлуцкаго, съ рисунками и планомъ мѣстности.

Немного далѣе, при устьѣ горной долины Боронъ-Кондуй, находится группа изъ восьми маяковъ, обставленныхъ плитами изъ сланцоватаго песчаника.

Совершенно подобные маяки, числомъ до десяти, находятся при устьѣ смежной тутъ пади Колонъ.

Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи, по описанію кн. Кострова [1]), должны также находиться маяки въ большомъ количествѣ.

Въ Сагайской степи, верстахъ въ 7 или 8 отъ села Аскызскаго, недалеко отъ рѣки Абакана, впадающей въ Енисей, въ долинѣ находится множество маяковъ. Всѣ они (16 нѣсколько ниже остальныхъ) обставлены вертикальными камнями. Тутъ должно было находиться одно изъ обширнѣйшихъ кладбищъ древнѣйшаго времени. На одномъ изъ такихъ маяковъ (курганѣ) стоитъ гранитный камень въ три аршина вышины, на верхнемъ, остромъ концѣ котораго грубо высѣчено женское лицо. Этотъ камень извѣстенъ подъ названіемъ: большой старухи камень (Улукуртьякъ—тамъ).

Всѣ маяки, лежащіе вокругъ этого изваянія, были разрыты, какъ разсказываютъ близъ кочующіе инородцы. Не смотря на эту молву, одинъ маякъ разрытъ въ 1846 году, и въ немъ нашли только нѣсколько мелкихъ человѣческихъ костей.

Другая группа изъ четырехъ маяковъ находится вокругъ другаго изваянія, малой каменной дѣвки (Кичикъ-Кысъ—тамъ), напротивъ деревни Усть-Эси, около трехъ верстъ отъ горы Сары. Эти маяки обнесены плитами въ $1^1/_2$ и до $2^1/_2$ аршинъ вышины и всѣ были разрыты въ 1846 году, глубиною до 5 аршинъ, а въ окружности (мѣста раскопки) аршинъ до десяти. Грунтъ земли красно-глинистый, съ мелкими камнями, и во всѣхъ маякахъ ничего не найдено. Впрочемъ можно полагать, что они были уже прежде разрыты.

Если теперь взглянуть на общій видъ Сибирскихъ маяковъ и на внѣшную форму этихъ могилъ, то найдемъ большое сходство между ними и нѣкоторыми могилами въ Скандинавіи [2]), состоящими изъ овальной насыпи, обставленной камнями.

Б.— Второй разрядъ каменныхъ могилъ, извѣстный подъ именемъ сланцевъ [3]), состоитъ изъ могилъ, покрытыхъ поверхъ земли горизонтально настланными плитами, но безъ всякихъ верти-

[1]) Записки. VII, стр. 77.
[2]) Fergusson, l. c. p. 288.
[3]) Записки Сибир. отд. II, стр. 94, 96.—Извѣстія Сибир. отд. VII, № 2—3. стр. 72.

кально стоящихъ камней, чѣмъ именно сланцы и отличаются отъ маяковъ. Подъ этимъ каменнымъ помостомъ, по замѣчанію Н. И. Попова, находится земля, а подъ этою землею—самая могила, аршина въ полтора глубины, выложенная боковыми плитами, какъ въ маякахъ.

На иныхъ мѣстностяхъ сланцы состоятъ изъ значительной площади, покрытой каменными плитами или камнями въ уровень съ землею, на другихъ они состоятъ изъ небольшой площадки, нѣсколько возвышенной въ родѣ плоскаго кургана, но все-таки сплошь вымощены камнями.

Относительно этихъ сланцевъ сдѣлано было замѣчаніе, что они по-преимуществу расположены по долинамъ.

По теченію рѣки Уды, на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою, въ долинѣ находится нѣсколько подобныхъ насыпей, съ площадью обложенною камнями и представляющею форму параллелограмма; не возвышающагося надъ остальнымъ уровнемъ земли.

Одна такая насыпь была разрыта, длиною въ десять, шириною въ $5^3/_4$ аршина, и на глубину одной сажени. Въ землѣ попадалось мало щебня; а потомъ напали на человѣческія кости, съ головою обращенною на В.-В.-С. и руками также обращенными въ то же направленіе, между тѣмъ какъ ножныя кости лежали въ направленіи къ сѣверу. Вообще кости остава находились въ безпорядкѣ (не въ сидячемъ ли положеніи?), такъ какъ черепъ лежалъ на глубинѣ $1^1/_4$ аршина; нижняя челюсть немного далѣе къ В.-В.-С. и на четверть аршина глубже въ насыпи; руки и ноги (нижняя часть начиная отъ колѣнъ не сохранилась) лежали выше головы. Всѣ кости были очень рыхлы. Подъ черепомъ и позади его (т. е. у шеи) найдена спираль изъ чистаго золота, вѣсомъ въ $2^1/_2$ золотника. Еще ниже, между мелкими кусочками угля, лежали кучкою бусы, съ остаткомъ отъ нитокъ: навѣрно ожерелье [1]). Тутъ же, кое-гдѣ, замѣтны были какъ бы слои сгнившей одежды, покрывавшей покойника.

При разрытіи другой насыпи, сплошь покрытой двумя рядами плитокъ, въ уровень съ землею (на той же мѣстности, имѣющей въ длину 4, въ ширину 2 сажени, и лежащей въ направленіи отъ С.-З. къ Ю.-В.), на глубинѣ четырехъ футовъ найдены: человѣческій черепъ, теменемъ внизъ и отверстіемъ вверхъ; глазными отверстіями къ З. З.-Ю. Выше головы лежали позвонки; руки были крестъ-на-крестъ; далѣе найдены нижнія кости и много древеснаго угля [2]).

На правомъ берегу Уды въ урочищѣ Савеловъ Крестъ,

---

[1]) Представлены въ Отдѣленіе 2 августа 1855 г., за № 123.
[2]) Записки, II, стр. 98. Черепъ представленъ въ Отдѣленіе 10 ноября 1855 г.

въ разстояніи 12 и 15 верстъ отъ Верхнеудинска, разрыты были двѣ подобныя насыпи, одна на глубину $4^1/_2$, а другая—$2^1/_2$ аршина; но въ нихъ ничего не оказалось.

Повыше, по той же рѣкѣ Удѣ, много подобныхъ же насыпей, группами и уединенныхъ, лежали въ соснякѣ. Онѣ примѣтно возвышены надъ уровнемъ земли, но не обставлены вертикальными плитами.

Судя по описанію, я предполагаю, что эти насыпи напоминаютъ подобныя же насыпи въ Алжирѣ, также вымощенныя камнями, а иногда по краямъ вымощенныя болѣе крупными плитами (Таб. X). Но алжирскія насыпи круглыя, а тутъ онѣ четыреугольны.

Объ насыпяхъ вымощенныхъ камнями упоминаетъ г. Павлуцкій [1]) въ $1^1/_2$ версты отъ древнихъ чудскихъ горнъ, близъ Кличкинскаго рудника.

Наконецъ, любопытныя свѣдѣнія о сланцахъ находятся въ восьмомъ томѣ «Извѣстій Сибирскаго Отдѣла», въ путевыхъ запискахъ секретаря русскаго консула въ Ургѣ И. В. Падерина. Онъ пишетъ, что въ Монголіи явныхъ могилъ не видно; зато въ западной Монголіи, на мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Улясутая, по дорогѣ на Гжиньгамликъ, а также къ Ю.-В. отъ Улясутая, древнія могилы изобилуютъ. Даже, со словъ самихъ Монголовъ видно, что такія же могилы встрѣчаются въ степи Гоби.

Первыя двѣ попались г. Падерину передъ въѣздомъ въ долину рѣки Байдорикъ. По описанію судя, нельзя съ точностію опредѣлить, слѣдуетъ ли отнести эти двѣ могилы къ настоящимъ маякамъ, или скорѣе къ сланцамъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ имѣли нѣкоторыя совершенно своеобразныя особенности въ общей ихъ формѣ. «Обѣ могилы представляютъ возвышеніе изъ камней, говоритъ г. Падеринъ, съ оградкой около него изъ камней же, уложенныхъ то кругомъ, то четыреугольникомъ, то четыреугольникомъ съ уклонами, въ видѣ ходовъ съ противоположныхъ сторонъ. Въ оградкѣ особенно выдаются четыре большихъ камня, смотрящіе на С.-З., С.-В., Ю.-З. и Ю.-В.»

Затѣмъ, продолжаетъ г. Падеринъ, стали попадаться такія могилы цѣлыми группами, и въ особенности ихъ много по дорогѣ изъ Урги къ Улясутаю, при станціяхъ Убуръ-Гжиргаланту, Ару-Гжиргаланту, Баянтуголь и Даганъ-Дэлэ. Кромѣ этихъ могилъ, онъ описываетъ еще двѣ могилы, которыя любопытны по сходству съ могилами въ Индіи. Г. Падеринъ называетъ эти могилы кучами камней, съ прямо стоящими среди нихъ продолговатыми камнями, около двухъ арш. вышиною. На одной изъ нихъ, сдѣлано на одномъ изъ стоячихъ камней грубое изображеніе птицы или дракона.

[1]) Записки. IX—X, стр. 500

При раскопкѣ одной изъ такихъ могилъ, устланныхъ камнями, нашли: сперва рядъ камней, потомъ слой мягкой земли, затѣмъ большія плиты и наконецъ, на глубинѣ 2 или $1^3/_4$ арш., подъ небольшимъ слоемъ глинистой почвы, достигли до человѣческаго костяка, лежащаго на спинѣ по направленію съ С.-З.-З. къ Ю.-В.-В., съ руками крестообразно расположенными. При немъ не найдено никакихъ вещей. По осмотрѣ черепа, И. Д. Черскій призналъ его за брахицефальный, безъ всякихъ особенныхъ уклоненій отъ нормы человѣческаго типа.

Другая раскопка, произведенная г. Леоновымъ [1]) въ полторы версты на С.-В. отъ Ново-Селенгинска, сообщаетъ намъ любопытныя подробности объ устройствѣ настоящихъ сланцевъ.

Сланецъ (Таб. X, рис. 6 и 6 а), насыпанный изъ земли, лежалъ на срединѣ сѣвернаго склона горы, обращеннаго къ югу. Сверху набросаны безъ всякой симметріи каменья разной величины; только вершина довольно правильно уставлена плитами въ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ арш. вышины и отъ 1 до 2 арш. ширины. У основанія курганъ обложенъ камнями по правильному кругу, и независимо отъ этого круга, въ разстояніи 40 ф. отъ кургана, другое кольцо изъ камней, съ проходомъ на С.-С.-В., въ 17 ф. 10 дюйм. ширины. Въ семи съ половиною саж. отъ центра кургана и недалеко отъ наружнаго кольца, какъ на С. такъ и на Ю., симметрично расположены по три кружка изъ камней безъ насыпи, каждый въ четыре фута въ діаметрѣ и одинъ отъ другаго въ 8 ф. 7 дюйм. Сбросивши съ кургана камни, выворотивши стоячія плиты вокругъ вершины и снявши плиты и камни, положенные горизонтально, начали копать въ центрѣ кургана. Сначала шелъ слой чернозема, примѣрно въ $1^1/_2$ ф., далѣе суглинокъ. Вырытая яма была 8 ф. 5 д. въ діаметрѣ и 6 ф. 2 д. глубины; и кромѣ того со дна былъ вырытъ колодезь въ аршинъ глубины. Найдено было только немного сгнившихъ костей, разсыпавшихся отъ прикосновенія, такъ что невозможно было опредѣлить, чьи онѣ. Разрытъ былъ также одинъ изъ маленькихъ кружковъ, на 4 ф. глубины; но кромѣ сгнившихъ камней тоже ничего не найдено.

Второй разрытый сланецъ лежалъ на противоположной, южной сторонѣ долины, у подошвы горы. Устройство и расположеніе плитъ— какъ въ первомъ; и найдено было, кромѣ костей человѣческихъ, лошадиныхъ, бараньихъ и тарбаганьихъ, нѣсколько черепковъ глиняной посуды. Составить изъ костей что-либо полное было невозможно, такъ какъ онѣ и человѣческій черепъ раздавлены были положенными на нихъ плитами.

Тотъ же г. Леоновъ разрылъ маякъ на этой же мѣстности, въ

[1]) Тамъ же, стр. 123.

которомъ, при отсутствіи всякихъ костей, найдены только (на глубинѣ 2 ф. 7 дюйм.) костяной наконечникъ стрѣлы и костяная же фигура въ видѣ эллипсиса, съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ. Оба предмета поступили въ музей Сибирскаго Отдѣла.

3. Къ третьему разряду каменныхъ могилъ принадлежатъ, по мнѣнію Н. И. Попова, такъ называемые творильные курганы, которые, вѣроятно, только по формѣ различествуютъ отъ кольцеобразныхъ насыпей, описываемыхъ г. Давыдовымъ [1]).

Н. И. Поповъ пишетъ, что творильные курганы, такъ прозванные по сходству съ творильнею или ямою съ срубомъ, въ которой мѣсятъ известь, состоятъ изъ квадратнаго пространства отъ 4 до 5 саж., съ ровною поверхностію, безъ насыпи, обведеннаго стоймя врытыми на сажень въ землю плитами, такъ что онѣ едва видны на поверхности. Въ срединѣ этого пространства, подъ небольшимъ слоемъ земли, находится могила, почти одинакой глубины съ врытыми плитами. Кромѣ того, и самая могила иногда обложена камнями, иногда нѣтъ.

Съ своей стороны г. Давыдовъ описываетъ только круглыя насыпи, упоминая, впрочемъ, о концентрическомъ кругѣ изъ врытыхъ отвѣсно въ землю плитъ, почти не выдающихся надъ поверхностію земли. Онъ говоритъ, что эти могилы сложены на поверхности земли изъ дикихъ камней или мелкихъ плитъ, безъ всякаго цемента, значительно возвышаются надъ землею и образуютъ на серединѣ пустоту. Обыкновенно стѣнки ихъ внизу очень толсто сложены, и постепенно утончаются кверху.

Мнѣ кажется, что эту форму могилы слѣдуетъ признать за переходную форму между сланцами и настоящими творильными могилами. Впрочемъ, можно отчасти сравнить эти могилы переходной формы, кольцеобразной съ подобными же воронкообразными сооруженіями, находящимися въ Индіи, въ горахъ Нилагира [2]), и въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ урочищѣ Савеловъ крестъ, на правой сторонѣ рѣки Уды, въ 12 и 15 верстахъ отъ Верхнеудинска, между насыпями втораго разряда находятся нѣсколько кольцеобразныхъ насыпей, частію разрушенныхъ, которыя Буряты считаютъ за юрты древнихъ Монголовъ.

Въ 22 верстахъ отъ Верхнеудинска, въ долинѣ и на возвышеніяхъ по рѣкѣ Иволгѣ, между станціями Иволгинскою и Кмочевскою находятся, близъ описанныхъ маяковъ, также и кольцеобразныя насыпи. Въ одной изъ такихъ насыпей, сложенной изъ обломковъ плитняка безъ цемента и находящейся къ В.

---

[1]) Записки Сибир. Отд. II, стр. 97.
[2]) International Congrès 1868, p. 257. Waring. Monuments, pl. 63, fig. 6.

отъ маяковъ на горѣ (окружность у верха $37\frac{1}{2}$ арш., стѣна въ основанiи толщиною въ 6 арш., у вершины до 2 аршинъ) середина была пустая, дно вымощено неотчетливо плитами и камнями. Углубившись здѣсь болѣе чѣмъ на аршинъ, ничего не было найдено.

Далѣе на сажень отъ основанія этого сооруженія, какъ замѣчаетъ г. Давыдовъ, находится концентрическій кругъ изъ камней, всаженныхъ отвѣсно въ землю, но почти не выдающихся надъ нею.

Въ другой близь лежащей насыпи, немного менѣе предыдущей, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина, не найдено ничего, кромѣ небольшаго просверленаго камня (молотокъ?).

Въ третьей, круглой, такой же насыпи, послѣ разборки помоста изъ плитъ, въ слою щебня найдена желѣзная, грубой отдѣлки, вещь, напоминающая удила [1]).

Въ Иркутской губерніи, на луговой равнинѣ возлѣ Оки, видны кучи булыжниковъ, наложенныхъ по окружности правильно кругами или овалами, въ діаметрѣ 2 метра (около 1 саж.); овальная того же діаметра, а въ длину въ 3 метра. По преданію, тутъ жила «Чудь». [2]).

Несмотря, что мы имѣемъ такъ мало точныхъ свѣдѣній о каменныхъ могилахъ Сибири, однако всѣ путешественники, сколько нибудь занявшіеся раскопками могилъ, согласны, что каменныя могилы Сибири, т. е. маяки, сланцы и творильные курганы, принадлежатъ къ гораздо болѣе древней эпохѣ, чѣмъ остальные два вида могилъ, извѣстныхъ подъ названіями земляныхъ могилъ и киргизскихъ могилъ.

Послѣ обзора могильныхъ памятниковъ, мнѣ остается только сказать о стоячихъ камняхъ, которые могутъ быть сравнены съ менхирами Бретаньи. Они, въ Сибири, состоятъ обыкновенно изъ плиты, или камня, имѣющаго форму плиты, поставленныхъ отвѣсно въ видѣ прямаго столба.

Подобный памятникъ находился на рѣкѣ Иволгѣ, между Иволгинскою и Ключевскою станціями, въ 22 верстахъ отъ Верхнеудинска. Плита лежала плашмя, говоритъ г. Давыдовъ [3]), но, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, извѣстно было, что за нѣсколько лѣтъ эта плита стояла на ребрѣ по длиннику и что возлѣ нея было какъ бы углубленіе отъ осѣвшейся земли. Плита сдѣлана изъ песчаника, длиною въ 5 аршинъ съ небольшимъ, шириною въ 1 аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка и толщиною въ 4 вершка. На ней нарѣзаны начертанія

[1]) Представлена въ отдѣленіе 10 ноября 1855.
[2]) Записки. IX—X, стр. 57.
[3]) Записки. II, стр. 90, 94.

по обѣимъ сторонамъ, и даже по самымъ ребрамъ, и ясно, что она была предназначена къ постановкѣ отвѣсно на узкій ея конецъ, потому что около этого конца не сдѣлано никакихъ начертаній (Таб. X, рис. 3). Въ углубленіи, бывшемъ около плиты, на полъ-аршина глубины найденъ былъ лошадиный оставъ безъ головы, а затѣмъ до самаго грунта ничего болѣе не оказалось.

Другая такая же плита или менхиръ находился на Санномъ мысѣ, на правомъ берегу рѣки Уды, на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою. Въ углу одного изъ маяковъ стоитъ плита, подобная Иволгинской, но меньшаго размѣра и болѣе грубой отдѣлки. Начертанія находятся только на одной сторонѣ, обращенной на югъ.

Третій менхиръ. Въ Нерчинскомъ округѣ, около Карійскаго золотаго промысла, близь рѣки Кары, находится, надъ Бичикъ, въ утесахъ, стоячая каменная плита съ красною на ней надписью, которую доселѣ не могли еще разобрать. Г. Павлуцкій [1]) замѣчаетъ, что «наклоненное положеніе этой плиты способствовало къ сохраненію красокъ надписи отъ разрушенія. Но эта надпись, начертанная красною краскою, не можетъ быть весьма глубокой древности, хотя народная молва и считаетъ ее «чудскою».

Теперь, послѣ обзора всѣхъ памятниковъ Сибири, которые можно причислить къ мегалитическимъ, я долженъ замѣтить, что между всѣми описанными мегалитическими памятниками доселѣ не было найдено ни единаго дольмена. Конечно, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что вообще археологическія изслѣдованія древностей Сибири далеко не полны, и далеко не коснулись до всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя необходимы какъ матеріалъ для археологической науки. Такимъ образомъ нельзя еще сдѣлать окончательнаго вывода объ отсутствіи дольменовъ на всемъ протяженіи Сибири. Однако, и сохраняя даже надежду впослѣдствіи найти дольмены, мы все-таки должны сознаться, что эта форма мегалитическихъ памятниковъ не была преобладающею формою въ Сибири, такъ какъ многочисленные путешественники часто встрѣчали маяки и другіе могильные памятники, но о дольменахъ или каменныхъ столахъ никто изъ нихъ не упоминаетъ. Если теперь нельзя уже отрицать, что дольменовъ въ Сибири мало, или вовсе нѣтъ, то во всякомъ случаѣ такое отсутствіе этой главной—даже можно сказать, основной—формы мегалитическихъ памятниковъ служитъ, по моему мнѣнію, весьма яркимъ признакомъ своеобразной особенности въ развитіи культуры у Сибирскихъ

[1]) Записки. IX—X, стр. 506—507.

племенъ. Всѣ остальныя формы мегалитическихъ памятниковъ составляютъ какъ бы повторенія всѣхъ тѣхъ сооруженій, которыя мы встрѣчаемъ въ Индіи. Даже общій видъ многочисленныхъ маяковъ Минусинской степи вполнѣ передаетъ картину такихъ же памятниковъ въ долинѣ Кассія въ Индіи. Между ними одно только различіе: отсутствіе дольменовъ въ Сибири. При такомъ явномъ сходствѣ, но также и при извѣстномъ различіи, нельзя не признать, до извѣстной степени, вліяніе индійскихъ памятниковъ на форму сибирскихъ. За тѣмъ, кромѣ такого вліянія, трудно допустить болѣе близкихъ причинъ для объясненія взамнаго между ними сходства. Племена, строившія мегалитическіе памятники въ Сибири, сохранили, вѣроятно, тѣ же формы изъ воспоминанія болѣе древнихъ временъ, но потомъ они жили и развивались на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ племена, населившія Индію. Однимъ словомъ, я полагаю, что это сходство въ нѣкоторыхъ общихъ формахъ мегалитическихъ памятниковъ восходитъ до временъ, когда всѣ разселившіяся племена Азіи обитали еще вмѣстѣ, на центральной возвышенности. Я даже полагаю, что такая древность подтвердится новыми и болѣе научными изслѣдованіями, когда откроютъ могилы съ одними каменными орудіями. Если въ сланцѣ близь Новоселенгинска найдены были только костяныя орудія, то находка такая очень приближаетъ самый памятникъ къ эпохѣ каменнаго періода. Впрочемъ, даже находка бронзовыхъ издѣлій въ мегалитическихъ памятникахъ Сибири не можетъ служить доказательствомъ большаго промежутка времени между ихъ сооруженіемъ и каменнымъ періодомъ, въ особенности если припомнимъ, что металлическій періодъ начался въ Азіи несравненно раньше, чѣмъ въ Европѣ. Если, по мнѣнію Лепціуса, за 4000 лѣтъ до Р. Х. азіатскіе выселенцы ковали въ Египтѣ метеорическое желѣзо; если прежде 2000 лѣтъ и не позднѣе 1800 лѣтъ до Христа другіе выселенцы Азіи на островѣ Санторинѣ пользовались уже мѣдными орудіями: то сколько же лѣтъ прежде этихъ переселеній, извѣстна уже была обработка металловъ на общей азіатской родинѣ, изъ которой эти выходцы принесли съ собою не только знаніе такого открытія, но несомнѣнно также и образцы своихъ металлическихъ издѣлій?

По этимъ причинамъ, мы вправѣ ожидать отъ научныхъ изслѣдованій мегалитическихъ памятниковъ Сибири любопытныхъ свѣдѣній для поясненія этого вопроса, а потому не можемъ еще разъ не выразить желанія, чтобы люди науки обратили особенное вниманіе на памятники этого рода, которые въ такомъ большомъ количествѣ встрѣчаются въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ).

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 124. 1876 года 29 ноября. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. А. Артлебена, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго, С. Н. Усова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложены нижеслѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ Организаціоннаго Комитета 3-го Международнаго Съѣзда оріенталистовъ въ С. Петербургѣ—отношеніе, при которомъ Комитетъ препровождаетъ въ Общество слѣдующія книги и брошюры, принесенныя въ даръ Съѣзду:

1) Палестина и Синай, В. Н. Хитрово. С.-Петербургъ, 1876. 2) О скиеской народѣ Сакахъ, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1871. 3) Объ арабскомъ путешественникѣ X вѣка Абу-Долефѣ, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1872. 4) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ 12. С.-Петербургъ, 1876. 5) Россія и Азія, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1876. 6) Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Костенко. С. Петербургъ, 1870. 7) О первыхъ монгольскихъ монетахъ сельджукскаго типа, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1861. 8) Неизданныя монеты Уйгурскихъ владѣльцевъ Мавераннагра, В. В. Григорьева. Казань, 1863. 9) Камень-писанецъ, Булычева. Екатеринбургъ, 1874 и 10) Quelgues mots pour servir à l'histoire des cimetières musulmans et des mosquées tartares, par Stanislas Siennicki. Warsovie, 1876.

Опредѣлено: благодарить г. Предсѣдателя Организаціоннаго Комитета за высылку означенныхъ книгъ.

б) — профессора Варшавскаго университета А. И. Павинскаго—письмо на имя предсѣдателя, съ просьбою выразить Обществу благодарность за избраніе его въ дѣйствительные члены Московскаго Археологическаго Общества.

в) — члена корр. А. В. Рачинскаго—предложеніе Обществу сдѣлать сношеніе съ завѣдующимъ гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей о томъ, чтобы при его управленіи имѣлось въ виду намѣчать тѣ археологическіе памятники, которые сохранились отъ истребленія ихъ турками и небрежности мѣстныхъ жителей.

Опредѣлено: вполнѣ сочувствуя предложенію А. В. Рачинскаго, Общество полагаетъ принять до времени его заявленіе къ свѣдѣнію, и при первой возможности дать ему надлежащій ходъ.

3. Секретарь представилъ на разсмотрѣніе собранія новый рисунокъ предполагаемыхъ передѣлокъ въ нижнемъ этажѣ стариннаго зданія, принадлежащаго Петровскому монастырю, представленный въ Общество арендаторомъ этого зданія, г. Ланге.

По разсмотрѣніи рисунка опредѣлено: увѣдомить Московскую Городскую Управу, что означенный рисунокъ Общество нашло въ археологическомъ отношеніи удовлетворительнымъ.

4. Прочитано сообщеніе, доставленное д. чл. Н. А. Артлебеномъ, о нѣмецкомъ надгробномъ памятникѣ XVI вѣка, найденномъ въ Троицкой церкви во Владимірѣ на Клязьмѣ (съ приложеніемъ рисунка).

«Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, говоритъ авторъ означеннаго сообщенія, бывшемъ 8 минувшаго октября, была читана замѣтка о надгробномъ камнѣ съ нѣмецкою надписью XVI вѣка, найденномъ около Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, въ Москвѣ. Замѣчательно, что почти въ одно и то же время, въ маѣ нынѣшняго года, подобный памятникъ старины, изображенный въ представляемомъ мною рисункѣ, былъ открытъ въ приходской Троицкой церкви во Владимірѣ, при перестилкѣ въ ней каменнаго пола. Когда была разобрана находившаяся передъ иконостасомъ солея, я замѣтилъ на нижней сторонѣ одной изъ ея ступеней рельефныя готическія буквы, а потомъ рабочіе принесли еще два ступенные камня, взятые уже ими для перетески. Оказалось, что эти три камня съ буквами составляли прежде одну и ту же надгробную плиту, которая при передѣлкѣ ея на ступени была разрублена вдоль на двѣ половины. Но такъ какъ обѣ половины плиты по формѣ своей были клинообразны и въ такомъ видѣ употребить ихъ на ступени не представлялось удобнымъ, то излишекъ ширины въ клиньяхъ и былъ оттесанъ, а чрезъ это пропала вся средина надписи. Чтобы возстановить первоначальную форму плиты и видѣть, насколько утрачена надпись, нужно отдѣльные куски расположить такъ, какъ представлено въ рисункѣ. Первыя строки надписи довольно ясны; Anno Dni MDLXXV (1575) den XIX f...ua. Въ означеніи года другая цифра X утрачена, а остатокъ цифры V виденъ на правой половинѣ плиты. Въ послѣдней строчкѣ, гдѣ недостатокъ буквъ меньше, также ясно слово entsl...en=entschlafen. Но вообще надпись прочесть трудно, потому что буквы частію выбиты, частію стерты.

Предполагалось камни эти употребить въ дѣло на тѣ же ступени, причемъ не обошлось бы безъ новой ихъ притески; но по моей просьбѣ они оставлены нетронутыми и вдѣланы въ наружную стѣну церкви.

По формѣ и украшеніямъ своимъ этотъ нѣмецкій памятникъ совершенно сходенъ съ современными ему русскими надгробными камнями.

Троицкая церковь, находящаяся въ самомъ центрѣ города, такъ называемомъ Кремлѣ, построена въ первой половинѣ прошлаго вѣка, на мѣстѣ бывшей до того времени деревянной. Вѣроятно камень находился на приходскомъ кладбищѣ и былъ употребленъ на ступени во время постройки существующей церкви».

Опредѣлено: благодарить д. чл. Н. А. Артлебена за сдѣланное имъ сообщеніе и передать оное въ Редакціонный Комитетъ.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что д. чл. В. Б. Антоновичъ проситъ Общество о высылкѣ ему свидѣтельства на раскопки валовъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ, извѣщая, что такое же свидѣтельство можетъ быть выслано и г. Карпову на предпринимаемыя имъ раскопки въ Полтавской губерніи.

Опредѣлено: выслать означенныя свидѣтельства В. Б. Антоновичу и г. К. Карпову.

6. Г. предсѣдатель сообщилъ, что, въ качествѣ депутата отъ Московскаго Археологическаго Общества, онъ присутствовалъ на первомъ засѣданіи Высочайше назначенной Коммиссіи о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности, и затѣмъ прочиталъ выработанный въ этомъ засѣданіи проэктъ правилъ о приведеніи въ извѣстность этихъ памятниковъ и наблюденіи за ихъ сохраненіемъ.

7. Г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе Общества планъ и рисунки съ фресокъ двухъ вновь открытыхъ катакомбъ въ Митридатовой горѣ, въ Керчи. Фрески этихъ катакомбъ одного стиля и одинаковой орнаментовки съ фресками катакомбы, изслѣдованными В. В. Стасовымъ въ послѣднемъ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи.

8. Д. чл. С. А. Усовъ изложилъ свои соображенія о древне-русскихъ моноксилахъ, или однодеревкахъ, и на основаніи ихъ пришелъ къ заключенію, что моноксилами назывались не лодки, выдолбленныя изъ одного цѣльнаго дерева, а суда съ одною мачтой.

По поводу этого сообщенія д. чл. Д. И. Иловайскій сдѣлалъ съ своей стороны нѣсколько дополненій, а д. чл. В. Ѳ. Миллеръ замѣтилъ, что русскія суда могли называться моноксилами, какъ сдѣланныя изъ одного только деревяннаго матеріала, безъ всякой примѣси металла.

9. Г. предсѣдатель сообщилъ свѣдѣнія о пещерныхъ жилищахъ въ Моравіи близъ станціи Бланско, которыя онъ имѣлъ случай изслѣдовать прошлымъ лѣтомъ вмѣстѣ съ чл.-кор. Общества д-ромъ Ванкелемъ. Вниманіе изслѣдователей было обращено на пещеры, извѣстныя подъ названіями: Столбовой, Евиной, Випустекъ и въ особенности называющейся «Бичи скала» (бычачья скала). Послѣдняя въ высшей степени замѣчательна по богатству сдѣланныхъ въ ней находокъ, представляющихъ обрядъ погре-

бенія (чрезъ трупосожженіе) на бронзовой колесницѣ какого-то знатнаго лица, и приношеніе при этомъ обрядѣ въ жертву молодыхъ женщинъ.

№ 125. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны были въ члены корреспонденты: Евплъ Титовичъ Соловьевъ (въ Казани), Александръ Васильевичъ Антоновъ (въ Рязани) и д-ръ Іосифъ Виттманнъ (въ Майнцѣ).

№ 126. 21 декабря 1876 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: Е. В. Барсова, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Калачова, В. О. Ключевскаго, Д. А. Корсакова, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, Д. А. Самоквасова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ книгопродавцевъ Майера и Миллера: Katalog XX. Bücher-Verzeichniss von Mayer und Müller in Berlin.

б) — Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Указатель къ Олонецкимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ (1871—1875). Сост. К. М. Петровъ. Петрозаводскъ, 1876.

в) — Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ его засѣданія 8 октября 1876 года.

г) — Археологической Коммиссіи, состоящей при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ: Протоколъ ея засѣданія 20 мая 1876 года

д) — чл.-кор. К. Евлентьева: 1) Краткая историческая записка объ архивахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Псковской губерніи. Псковъ, 1876; 2) Указатель вещественныхъ памятниковъ древности и старины, церковныхъ и гражданскихъ, въ губ. городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Псковъ, 1875.

е) — Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія: сочиненіе, доставленное Бразильскимъ посланникомъ: L'empire du Brésil à l'exposition universelle de 1876 à Philadelphie. Rio de Janeiro. 1876.

ж) Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки, № 6 (ноябрь—декабрь). Казань, 1876.

з) — Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ: Архивъ юго-западной Россіи. Часть 6, томъ 1 (съ приложеніемъ въ особой книгѣ). Кіевъ, 1876.

и) — Харьковскаго Университета: Записки, томъ I. Харьковъ, 1876.

і) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ за декабрь 1876. С.-Петербургъ, 1876.

к) — д. чл. В. Ягича: Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić. Zweiter Band, erstes Heft. Berlin, 1876.

л) — Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваровъ: 1) Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og historie, 1875 (4 тетради) и 1876 (первыя двѣ тетради). Kjöbenhavn, 1875—76. 2) Tillaeg til Aarböger. Aargang, 1874. Kjöbenhavn, 1875.

м) — Югославянской Академіи: Starine, knjiga VIII. U Zagrebu, 1876.

н) — д. чл. Н. П. Розанова: Церковь Архангела Гавріила въ Москвѣ на Чистомъ прудѣ, или Меншикова башня. Историческое изслѣдованіе Н. П. Розанова. Москва, 1877.

о) — Археологическаго Общества во Львовѣ: Przegląd archeologiczny. Rok 1, zeszyt 3, 15 grudnia 1876. Lwów, 1876.

п) — Лондонскаго Музея: A new catalogue of miscellaneous books. London, january 1877, № 306.

в) вещами:

Отъ д-ра Смирнова: бронзовая медаль въ память основанія Московскаго Университета.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложены слѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: циркулярное отношеніе, въ которомъ Комитетъ, согласно заявленію своего секретаря г. Гацисскаго, выражаетъ желаніе, чтобы ученыя общества и учрежденія, посылая своихъ членовъ для какихъ либо изслѣдованій въ Нижегородскую губернію, давали знать о томъ Комитету, въ видахъ обоюдной пользы, такъ какъ съ одной стороны Комитетъ могъ бы своевременно ознакомиться съ предпринимаемыми изслѣдованіями по губерніи, а съ другой—могъ бы и самъ оказать изслѣдователямъ свое содѣйствіе.

Опредѣлено: принять это заявленіе къ свѣдѣнію и исполненію.

б) — Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при управленіи Кіевскаго генералъ-губернатора—отношеніе, съ просьбою о высылкѣ для ея библіотеки изданій Московскаго Археологическаго Общества.

Опредѣлено: выслать въ Комитетъ всѣ шесть томовъ «Древностей».

4. Г. предсѣдатель доложилъ о работахъ Коммиссіи по сохраненію памятниковъ и прочелъ проектъ выработанныхъ правилъ о сохраненіи историческихъ памятниковъ.

Д. чл. Д. Я. Самоквасовъ при этомъ замѣтилъ, что наши курганы, принадлежа къ числу важнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ, требуютъ также самой заботливой охраны. Порча кургановъ для науки невознаградима. Между тѣмъ они подвергаются у насъ порчѣ не только отъ распашекъ, на нихъ производимыхъ, и отъ кладоискателей, но часто и отъ неумѣлыхъ и ненаучныхъ раскопокъ, которыя принимаютъ на себя лица мало или вовсе къ тому не подготовленныя. По мнѣнію Д. Я. Самоквасова, необходимо оградить на будущее время наши курганы отъ подобныхъ рас-

копокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дополненіе къ инструкціямъ, составленнымъ для раскопокъ на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, выработать и установить такія правила, при которыхъ курганныя раскопки могли бы приносить дѣйствительную пользу наукѣ. Съ цѣлью содѣйствія къ выработкѣ правилъ, Д. Я. Самоквасовъ предполагаетъ внести на разсмотрѣніе и обсужденіе будущаго IV Археологическаго Съѣзда въ Казани нижеслѣдующіе вопросы:

1. Какія учрежденія должны имѣть право раскопокъ?

2. Какой предварительной подготовкой должны обладать лица, командируемыя для раскопокъ?

3. Не должны ли раскопки быть производимы коммиссіями, состоящими изъ археологовъ и естествоиспытателей?

4. Каковы должны быть общія правила дневника раскопокъ, обязательныя для всѣхъ изслѣдователей древнихъ земляныхъ насыпей?

5. Гдѣ должны быть хранимы матеріалы, добываемые путемъ раскопокъ, и не должны ли эти матеріалы составлять государственную собственность?

Опредѣлено: сообщить о настоящемъ заявленіи Предварительному Комитету IV Археологическаго Съѣзда въ Казани, съ препровожденіемъ и самыхъ вопросовъ, предложенныхъ д. чл. Д. Я. Самоквасовымъ.

5. Д. чл. И. Д. Мансветовъ изложилъ соображенія относительно самаго происхожденія и смысла старорусскаго обычая постриговъ, и указалъ на его главныя бытовыя формы, сохранившіяся въ обрядовомъ стриженіи волосъ у новорожденныхъ, затѣмъ—при переходѣ ихъ въ отроческій возрастъ, также во время брачныхъ церемоній и въ обрядахъ похоронныхъ. Исходя изъ той мысли, что снятіе волосъ есть ничто иное, какъ смягченная форма первоначальнаго жертвеннаго акта, референтъ указалъ сначала на культовое значеніе постриговъ въ античномъ и византійскомъ мірѣ, а затѣмъ перешелъ къ объясненію старорусскаго обряда постриговъ и сажанія на коня, совершавшихся надъ дѣтьми великокняжескими. Обычай этотъ, о которомъ не разъ упоминаютъ наши лѣтописи, по мнѣнію его, есть не что иное, какъ продолженіе древнерусскаго обряда стричь волосы у мальчиковъ при достиженіи ими совершеннолѣтія. У Византійцевъ эти постриги были также въ употребленіи, подъ именемъ κουροσύνη, и составляли семейный праздникъ, справлявшійся ежегодно въ память этого событія. Нѣкоторыя подробности относительно этого обряда референтъ сообщилъ на основаніи одной статьи изъ рукописи Академическаго требника, въ которомъ этотъ обрядъ излагается отдѣльно отъ крещальныхъ постриговъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя показываютъ, что совершался онъ надъ мальчикомъ, уже вступившимъ въ сознательную пору жизни. Кумъ, вмѣстѣ съ матерью и провожатыми присутствовавшій при этой церемоніи, принималъ на полотно снятые священникомъ волосы. Въ византійской и старорусской символикѣ принятіе какой-либо вещи на полотно означаетъ особенное къ ней уваженіе и священный, почетный характеръ того лица, отъ котораго она передавалась или кому вручалась. Затѣмъ референтъ перешелъ къ бытовой сторонѣ постриговъ, которые у насъ въ старину совер-

шались на Семенъ-день (1 сентября) и состояли въ томъ, что кумъ выстригалъ гуменцо на макушкѣ своего крестника, сажалъ его на коня и, держа подъ уздцы лошадь, водилъ по двору съ разными церемоніями. Обычай этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняется и доселѣ. Сообщеніе было заключено нѣсколькими замѣчаніями о значеніи гуменца.

6. Д. чл. Д. Я. Самоквасовъ, напомнивъ о разрытыхъ имъ Черниговскихъ курганахъ, изложилъ кратко свои выводы объ эпохѣ и народности этихъ кургановъ, на основаніи найденныхъ въ нихъ монетъ и вещей. Затѣмъ онъ сообщилъ свѣдѣнія о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ въ Коневскомъ уѣздѣ Кіевской губ. на берегахъ р. Россавы, при впаденіи ея въ рѣку Рось. Въ этой любопытной по самымъ своимъ названіямъ мѣстности сохранились слѣды многочисленныхъ кургановъ, уничтоженныхъ плугомъ или ограбленныхъ кладоискателями. Не смотря на то, Д. Я. Самоквасову удалось найти нѣсколько могилъ съ содержаніемъ, почти еще нетронутымъ. Такъ, въ курганѣ у самаго устья Россавы, отрытъ имъ обгорѣлый срубъ, а въ немъ обугленный человѣческій оставъ. Въ головахъ его стояли три глиняныхъ сосуда съ орнаментами, а въ правой сторонѣ могилы лежали 3 кремневыхъ орудія: копье, наконечникъ стрѣлы и ножикъ. Въ насыпи подъ срубомъ найдено множество обломковъ рѣчныхъ раковинъ. Въ другомъ курганѣ, въ $1^1/_2$ версты отъ перваго, на берегу Роси, въ верхней части насыпи отрыта могила, заключавшая въ себѣ погребеннаго человѣка съ лошадью, а при нихъ желѣзные остатки сбруи и разнаго оружія, а также половина золотой византійской монеты. Но ниже этой могилы, на материкѣ, оказалась древнѣйшая могила съ остатками сожженнаго покойника, углемъ, двумя длинными сосудами, двумя бронзовыми наконечниками стрѣлъ и кучкою яичныхъ скорлупъ. Въ третьемъ курганѣ, на берегу р. Россавы, въ 2 верстахъ отъ перваго, отрыты также въ верхнемъ слоѣ оставы человѣка и лошади, а при нихъ желѣзныя принадлежности сбруи и вооруженія, серебрянная бляха, стеклянныя бусы и золотая шпилька. Затѣмъ въ насыпи, ниже этой могилы, найденъ бронзовый наконечникъ стрѣлы, а ниже материка—гробница древнѣйшей эпохи, обнесенная частоколомъ въ 5 аршинъ глубины и 6 аршинъ длины и ширины. Сверху эта гробница была закрыта деревянными брусьями, сгнившими и провалившимися на дно ея. На днѣ найдены: разбросанный человѣческій оставъ, до ста золотыхъ и каменныхъ бусъ, отдѣланная въ золото каменная привѣска, 10 золотыхъ узорчатыхъ бляхъ, 20 игральныхъ косточекъ, 2 терракотовые черепка и слѣды двухъ похищенныхъ сосудовъ. Въ южномъ углу гробницы обнаруженъ подкопъ и найденъ оставъ убитаго обваломъ молодаго похитителя, у правой кисти котораго лежало 12 золотыхъ и каменныхъ бусъ: на лѣвой рукѣ надѣтъ былъ проволочный браслетъ, а на шеѣ ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ. Въ лазейкѣ найденъ желѣзный ножъ, а въ 2 аршинахъ отъ нея—большіе желѣзные щипцы. Въ четвертомъ курганѣ, называемомъ «Острая могила», обнаружены слѣды сожженія покойника на предварительно приготовленной насыпи. По сожженіи трупа, кострище было свалено въ гробницу устроен-

ную на материкѣ, въ самомъ центрѣ кургана, а сожженные остатки покойника собраны въ холщевый платокъ, положены въ мѣдный сосудъ и поставлены на верху гробницы, засыпанной углемъ. Бока гробницы были обнесены частоколомъ, а верхъ покрытъ деревянными досками и замазанъ глиною. На гробницѣ совершена тризна, на которой ѣли, какъ видно по найденнымъ остаткамъ трапезы, лошадь, барана, гуся, утку, курицу и куриныя яйца. По неосторожности, или по обычаю, было разбито тутъ нѣсколько простыхъ глиняныхъ сосудовъ, амфора, большое терракотовое блюдо и два такихъ же сосуда съ орнаментами въ стилѣ этрусскихъ вазъ. Среди угля найдены: 22 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, 4 узорчатыя золотыя бляхи, 3 большія каменныя бусы и такая же привѣска, обдѣланная въ золото, 2 мозаичныя и 2 простыя каменныя бусы, костяная буса съ какимъ-то знакомъ, своею формою очень напоминающая извѣстныхъ жуковъ, украшающихъ египетскія муміи; 2 бронзовыя вещи въ видѣ колокольчиковъ; 5 пращныхъ камней, желѣзный ножичекъ и такая же пластинка неизвѣстнаго назначенія. Въ разстояніи около 100 саженъ отъ «Острой могилы» кладокопателями разрытъ былъ курганъ, совершенно подобный ей по своему содержанію. Референтомъ сдѣлана была провѣрочная раскопка этого кургана, при чемъ югозападный уголъ заключавшейся въ немъ гробницы оказался нетронутымъ, и тамъ между углемъ найдено 3 костяныхъ и 20 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ остатками колчана, 3 терракотовыхъ черепка и простая глиняная тарелочка.

Всѣ вышеозначенныя вещи, отрытыя въ Россавскихъ курганахъ, были выставлены Д. Я. Самоквасовымъ во время засѣданія, а вмѣстѣ съ ними, для нагляднаго сравненія, выставлены также и вещи, найденныя имъ еще прежде къ Черниговскихъ курганахъ и бывшія на выставкѣ при III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ.

По мнѣнію Д. Я. Самоквасова, археологическій матеріалъ, представленный имъ членамъ засѣданія, имѣетъ чрезвычайную важность для науки. Существенный интересъ составляютъ здѣсь не верхнія могилы со всадниками, принадлежащія уже позднѣйшему времени (можетъ быть, Торкамъ нашихъ лѣтописей), а могилы низшихъ слоевъ, древнѣйшей эпохи. Знакомые съ курганными древностями южной Россіи, при первомъ взглядѣ на вещи, найденныя въ Россавскихъ курганахъ, признаютъ ихъ принадлежащими къ такъ называемому скиѳскому періоду, когда классическіе писатели называли нынѣшнюю Россію Скиѳіей, а ея народы Скиѳами. По мнѣнію Татищева, а позже—Шафарика, принятому и нѣкоторыми новѣйшими историками, подъ Скиѳами у Геродота и его ближайшихъ преемниковъ скрывались различные народы, а между ними и наши предки—Славяне. До настоящаго времени извѣстная школа въ нашей исторической литературѣ, опираясь на сказанія нашей первоначальной лѣтописи, употребляла всѣ усилія задержать распространеніе мнѣнія о стародавнемъ пребываніи Славянъ внутри Россіи и самобытномъ развитіи ихъ культуры. Въ 1872 и 1873 годахъ въ Черниговской губерніи, въ Подесеньи, отрыты Д. Я. Самоквасовымъ несомнѣнно славянскія могилы, съ своеобразнымъ спосо-

бомъ трупосожженія, относящіяся къ послѣдней эпохѣ язычества, а нынѣ при впаденіи Россавы въ Рось открыты могилы съ подобнымъ же характернымъ способомъ трупосожженія, но относящіяся къ глубочайшей древности. Отсюда онъ выводитъ возможность утвердить мнѣніе о стародавнемъ пребываніи Славянъ въ Приднѣпровьѣ на положительныхъ доказательствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ получить обширный и точный матеріалъ къ познанію быта нашихъ предковъ въ ту отдаленнѣйшую эпоху, отъ которой не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ.

7. Д. чл. Д. И. Иловайскій доставилъ въ общество слѣпокъ съ камня, будто бы найденнаго въ Никольской церкви въ Черниговѣ, на которомъ изображенъ крестъ со словами: Іс. Хс. ника лѣта и 1081 годъ. Даже судя по одному слѣпку, легко замѣтить, что надпись и весь камень очевидно есть новѣйшая поддѣлка.

№ 127. Января 13 дня 1877 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, А. К. Жизневскаго, Д. И. Иловайскаго, Н. П. Кондакова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами: а) Отъ чл. кор. А. А Хованскаго: Филологическія записки за 1876 годъ, выпускъ V. Воронежъ, 1877.

б) — Археологическаго Общества во Львовѣ:—Kodeks dyplomatyczny klasztoru Tynieckiego. Wydali Dr. Wojciech Kętrzyński i Dr. Stanisław Smolka. We Lwowie, 1875.

Опредѣлено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Г. предсѣдатель доложилъ о присылкѣ въ Общество Д. чл. П. С. Казанскимъ статьи «Изложеніе монастырскаго устава императрицы Ирины».

Опредѣлено: автора благодарить, а статью передать въ редакціонный Комитетъ.

4. Г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе собранія древнюю наузу и фотографію вещей, принадлежащихъ Тверскому Археологическому музею, доставленныя Д. чл. А. К. Жизневскимъ.

5. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ прочиталъ слѣдующее извлеченіе изъ письма къ нему д. чл. В. Г. Тизенгаузена:

«О результатѣ моихъ раскопокъ на Кубани въ маѣ и іюнѣ нынѣшняго года», пишетъ В. Г. Тизенгаузенъ, «могу собщить вкратцѣ слѣдующее. Не успѣвъ въ прошломъ году одолѣть всѣхъ «Семи Братьевъ», я занялся на этотъ разъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ ихъ. Особенный интересъ представляли еще два кургана. Одинъ изъ нихъ, колоссъ въ 8 саженъ вышины, грозилъ правда неудачею, потому что на вершинѣ его, какъ разъ

подъ центромъ кургана, была огромная впадина, предвѣщавшая ограбленіе центральной гробницы. Но извѣстно, какую важную роль при нашихъ раскопкахъ играетъ случайность: достаточно вспомнить одинъ изъ Семибратскихъ же кургановъ, въ которомъ мнѣ удалось въ прошломъ году открыть почти цѣлую груду интереснѣйшихъ вещей; хотя когда-то и сдѣлана была попытка ограбить его, но попытка неудачная. Къ сожалѣнію однакоже, мои надежды на этотъ разъ не сбылись. Огромный склепъ, оказавшійся въ курганѣ, былъ обворованъ до́-чиста. Судя по другимъ шести Братьямъ, и въ этомъ седьмомъ должна быть конская гробница; поисками ея хочу заняться въ будущемъ году. Можетъ быть, при этомъ удастся еще натянуться на какую-нибудь боковую человѣческую гробницу.

Другой большой курганъ, который по наружному виду и прошлогоднимъ предварительнымъ разслѣдованіямъ сулилъ открытіе нетронутой гробницы, также оказался разграбленнымъ, но только на-половину, такъ какъ повидимому обвалъ земли помѣшалъ грабителямъ растаскать всю гробницу. Уцѣлѣло изголовье покойника и устроенное рядомъ съ нимъ особое отдѣленіе, содержавшее въ себѣ: 1) кожаный панцырь съ бронзовыми чешуеобразно нашитыми на него пластинками и большою бронзовою бляхою на грудной части, изображающею голову Медузы. 2) Бронзовый канделябръ, состоящій изъ желобчатаго стержня на трехъ львиныхъ лапахъ и оканчивающійся наверху чашечкой, на которой помѣщался бронзовый свѣтильникъ о трехъ рожкахъ. 3) Бронзовый котелокъ на желѣзномъ треножникѣ, заключавшій въ себѣ губку, остатки перетлѣвшей ткани и куска мѣха. 4) Два большихъ бронзовыхъ блюда съ двумя бронзовыми кувшинами. 5) Простыя амфоры. 6) Маленькія глиняныя блюдца, покрытыя черною поливою. 7) Простая глиняная чаша. Въ уцѣлѣвшемъ же изголовьѣ покойника мнѣ удалось отыскать два прекрасныхъ золотыхъ ритона, изъ которыхъ одинъ оканчивается лежащею собакою, другой—бараньей головой; большой серебряный ритонъ, оканчивающійся переднею частью крылатаго козла; нѣсколько большихъ золотыхъ пластинокъ съ выпуклыми изображеніями: льва, терзающаго козла, орла схватившаго зайца, тигра, накинувшагося на оленя, и наконецъ—сочетанія трехъ фантастическихъ животныхъ; изящный браслетъ золотой, нѣсколько золотыхъ привѣсокъ и серебряную патеру.

Затѣмъ мною еще разслѣдованъ самый меньшій курганъ этой группы. И въ немъ гробница была ограблена, не смотря на то, что была опущена очень глубоко въ материкъ. Благодаря однакоже этому послѣднему обстоятельству, затруднявшему все-таки ограбленіе, въ ней уцѣлѣло еще нѣсколько вещицъ, какъ-то: прекрасный рѣзной камень на золотой дужкѣ, изображающій какое-то зуброобразное животное; нѣсколько золотыхъ розетокъ, пуговокъ, треугольникъ съ изображеніемъ сложенныхъ пирамидально шариковъ, круглыхъ пластинокъ, на которыхъ выбито изображеніе женской головки; обложенная позолоченнымъ серебромъ рукоятка меча въ видѣ грифоньей головы, бронзовая застежка въ видѣ свившейся змѣи и нѣсколько янтарныхъ украшеній.

Конскія гробницы, найденныя въ двухъ послѣднихъ курганахъ, также представили нѣсколько варіантовъ къ прошлогоднимъ типамъ. Стиль вещей частью чисто греческій, частью полуварварскій, сильно напоминающій характеръ вещей, открытыхъ въ Луговой и Чертомлыцкой могилахъ.

Въ Археологической Коммиссіи находятся прекрасные сдѣланные Гроссомъ рисунки со всѣхъ найденныхъ вещей, равно какъ виды и планы кургановъ».

6. Д. чл. В. Е. Румянцовъ сообщилъ вновь отысканныя имъ свѣдѣнія о первомъ московскомъ изданіи Кормчей книги въ 1650—1653 годахъ.

7. Д. чл. Д. И. Иловайскій предложилъ свои соображенія по вопросу о племени, которому принадлежатъ грубыя изваянія нашихъ южныхъ степей, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ. Вопросъ этотъ имѣетъ довольно обширную литературу, и его рѣшали различнымъ образомъ. Нѣкоторые ученые относили каменные истуканы къ эпохѣ скиѳской, такъ какъ они находимы были иногда на курганахъ, заключавшихъ въ себѣ скиѳскія могилы. Но раскопки этихъ кургановъ убѣждаютъ, что между предметами, скрытыми въ могилахъ, и каменными изваяніями нѣтъ ничего общаго. Притомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій о связи такихъ статуй съ обрядами скиѳскаго погребенія. Другіе ученые относили ихъ къ Гуннамъ; но это мнѣніе основывалось на одномъ невѣрно понятомъ выраженіи Амміана Марцеллина, что было указано графомъ А. С. Уваровымъ (въ свѣдѣніяхъ о каменныхъ бабахъ, напечатан. въ трудахъ I Археологическаго Съѣзда). Первое историческое извѣстіе о нихъ принадлежитъ монаху Рубруквису, который въ половинѣ XIII вѣка путешествовалъ въ Татарію. Онъ прямо говоритъ, что Половцы имѣли обычай ставить каменные истуканы на курганахъ, которые они насыпали надъ прахомъ своихъ знатныхъ покойниковъ. Несомнѣнно, что при этомъ они пользовались иногда и курганами скиѳскими, почему многія изваянія и найдены на вершинѣ послѣднихъ. Не смотря на разнообразіе въ подробностяхъ, всѣ эти изваянія принадлежатъ къ одному типу и всѣ они имѣютъ руки, сложенныя на лонѣ и держащія какой-то сосудъ. Типъ физіономій, нѣкоторыя подробности костюма и вооруженія, а особенно головной уборъ, болѣе всего напоминаютъ народы татарскаго племени. Географическое ихъ распространеніе отъ Алтая и Киргизской степи до нижняго Дуная и Кавказскаго хребта также совпадаетъ съ мѣстомъ жительства кочевыхъ татарскихъ народовъ. Общій выводъ референта тотъ, что каменныя изваянія южнорусскихъ степей принадлежатъ народамъ турко-татарскаго семейства, каковы Печенѣги, Узы и Торки, Куманы или Половцы и наконецъ Татары, которые конечно имѣли тѣже языческіе обычаи до принятія въ XIV вѣкѣ ислама. Послѣдній не терпитъ видимыхъ изображеній и конечно былъ главною причиною, почему прекратились эти изваянія. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ степяхъ каменныя бабы обнимали эпоху, заключавшую въ себѣ пять или шесть столѣтій, съ IX по XIV в. включительно. А въ степяхъ прикавказскихъ онѣ могли появиться еще съ VI вѣка, когда тамъ появился турко-татарскій народъ, который основалъ царство Хазарское. Въ Кабардинскомъ краѣ

найдены любопытные надгробные памятники, принадлежащіе отчасти эпохѣ христіанской. Они имѣютъ видъ или крестообразныхъ столбовъ, или такихъ столбовъ, которыхъ верхняя часть представляетъ статуи, напоминающія каменныя бабы. На этихъ памятникахъ находимъ изображенія разныхъ сценъ; нѣкоторыя изъ нихъ очевидно принадлежатъ къ обрядамъ погребенія или къ поминальной тризнѣ (Вѣстн. Общества Древнерусск. искусства. 1876, №№ 11, 12, статья г. Филимонова). Тутъ встрѣчаемъ и подобіе упомянутаго сосуда, который держатъ въ рукахъ каменныя бабы. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ жертвенное значеніе и употреблялся при возліяніяхъ.

8. Д. чл. архимандритъ Амфилохій сообщилъ свѣдѣнія о бывшемъ у него въ разсмотрѣніи славянскомъ рукописномъ Евангеліи 1092 года, которое недавно пріобрѣтено книжнымъ торговцемъ-антикваромъ Большаковымъ у одного крестьянина изъ Архангельской губерніи. Евангеліе это писано на плохомъ пергаменѣ на 178 листахъ, двумя почерками, кромѣ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ страницъ, на которыхъ встрѣчается еще третій почеркъ. На 177 листѣ означенъ годъ написанія ҂ѕ҃х, т. е. 1092; заставки, заглавія и начальныя буквы писаны киноварью. Со всѣхъ трехъ почерковъ, а также и съ киноварныхъ украшеній, сдѣланы по указаніямъ и подъ наблюденіемъ референта точные литографическіе снимки, которые и были имъ представлены на разсмотрѣніе собранія. Чтобы дать понятіе о самой редакціи описываемаго Евангелія, архимандритъ Амфилохій изложилъ въ извлеченіи сдѣланныя имъ сличенія текста этого Евангелія съ текстомъ Остромирова и другихъ ближайшихъ къ нему по времени написанія Евангелій.

Опредѣлено: автора благодарить, а представленное имъ изслѣдованіе передать въ Редакціонный Комитетъ.

9. Гг. предсѣдателемъ и секретаремъ Общества предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные члены, по § 7, профессоръ Московскаго Университета А. С. Павловъ.

№ 128. 1877 года февраля 16 дня. Протоколъ годоваго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Авдѣева, архимандрита Амфилохія, Н. А. Артлебена, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, А. А. Гатцука, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Т. В. Кибальчича, Н. И. Костомарова, Н. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, А. И. Хлудова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

А) книгами:

а) Отъ графа А. С. Уварова: 1) Древняя Россійская Вивліоѳика, части I—XX. С.-Петербургъ, 1788—1791. 2) Evangelischer Kalender. Jahrbuch

für 1863, von Ferd Piper. Berlin, 1863. 3) Die Museen und Kunstwerke Deutschlands, von Dr. Herm. . Alex. Müller. Erster und zweiter Theile. Leipzig, 1857—58. 4) Geschichte der zeichnenden Künste, von J. D. Fiorillo. Band 1—5. Göttingen, 1798—1808. 5) Christliche Kunstsymbolik und Ikonographie, F. E. Suchsland. Frankfurt a M. 1839. 6) Handbuch der Kunstgeschichte, von Dr. Franz Kugler. 2-te Auflage. Stuttgart, 1848. 7) Nouvelle biographie classique. Première et seconde parties, à Paris, 1825. 8) Geschichte der bildenden Künste, von Gottfried Kinkel. Erste Lieferung. Bonn, 1845. 9) Mémoires et dissértations. Conjectures sur la numismatique de la Gaule, 1851. 10) Médailles grècques. 11) Geschichte der Baucunst in Spanien, von Don Iosè Caveda. Herausgegeben von Franz Kugler. Stuttgart, 1858. 12) Revue numismatique publiée par E. Cartier et L. de la Saussaye. Années 1849, 1850. Blois, 1849—1850 (2 части). 13) Histoire de progrès de la civilisation en Europe, par H. Roux—Ferrand. Tomes 1, 2. Paris, 1835. 14) Bulletin monumental, publié par M. de Caumont. Paris, 1855—1859 (5 томовъ). 15) Mittheilungen der Kaiserl. königl. Central Commission. Herausgeg. Karl. Freiherrn von Czoerner. III Band. Wien, 1858. 16) Указат. изданій по Исторіи русской и всеобщей словесности. Состав. В. И. Межовъ. С. Петербургъ, 1872. 17) Геогнозія, преимущественно въ отношеніи къ Россіи. Сочин. академика Э. Эйхвальдъ. С.-Петербургъ, 1846.

б) — Кіевской Духовной Академіи: Труды, декабрь 1876 г. Кіевъ, 1876.

в) — Института Оссолинскихъ: 1) Kodeks dyplomatyczny klasztoru Tynieckiego. 2) Sprawozdanie za rok 1876. We Lwowie, 1875, 1877.

г) — Новороссійскаго Университета: Записки, томы 19, 20 и 21. Одесса, 1876.

д) — Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: Извѣстія, томъ VII, № 4—5. Иркутскъ, 1876.

е) — Совѣта Кіевской Духовной Академіи: 1) Рѣчь и отчетъ, читанные на актѣ 28 сентября 1876 года. Кіевъ, 1876. 2) Святая земля. проф. Олесницкаго. Кіевъ, 1875. 3) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Проф. Петрова. Кіевъ, 1875.

ж) — Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Древности Казанской губерніи. Составилъ Е. Т. Соловьевъ. Казань, 1877.

з) — Казанскаго Университета: Записки и ученыя извѣстія, № 1. Казань 1877.

и) — Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ засѣданія Комитета 20 ноября 1876 года.

і) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ, за январь 1877 г. С.-Петербургъ, 1877.

к) — Члена корресп. И. А. Голышова: Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву... во Владимірской губерніи. Состав. И. Голышовъ. Мстера (Владим. губ.), 1876.

л) — Д. чл. А. А. Мартынова: Русскія достопамятности. Изданіе второе. Москва, 1877.

м) — Чл. кор. Ворсо: Discours devant la Sociéte Royale des Antiquaires du Nord, dans la séance du 28 janvier 1875.

н) — Лондонскаго музея: A new catalogue of miscellaneous books, № 307. London, januury 1877.

Определено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

в) вещами:

Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества: коллекція деталей наружныхъ украшеній изъ поливныхъ изразцовъ, собранныхъ при сломкѣ въ 1874 году зданія Старой Думы.

Опредѣлено: благодарить Архитектурное Общество за доставленные предметы и выслать въ оное «Древности», издаваемыя Археологическимъ Обществомъ.

3. Доложены слѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, б) Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, в) Института Оссолинскихъ и г) Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета—отношенія, съ изъявленіемъ благодарности за высылку имъ VI тома «Древностей».

д) — г. Министра Народнаго Просвѣщенія—письмо на имя Предсѣдателя, съ увѣдомленіемъ, что касательно предоставленія Московскому Археологическому Обществу, по проекту новаго устава, права получать посылки и тюки на имя Общества безъ осмотра на границѣ, издавать журналы и другія археологическія изданія подъ отвѣтственностію избираемаго изъ среды Общества Редакціоннаго Комитета, а также получать изъ-за границы книги для библіотеки Общества, на основаніи цензурныхъ правилъ для библіотекъ Университетовъ и другихъ ученыхъ учрежденій, Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ сношенія съ гг. Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ и, по полученіи отъ нихъ отзывовъ, будетъ данъ дальнѣйшій ходъ настоящему дѣлу. Что же касается назначенія Обществу ежегодной субсидіи по 5000 рублей, то по настоящему предмету г. Министръ Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ симъ отнесся къ Министру Финансовъ.

е) — чл. кор. Е. Т. Соловьева—два письма. При первомъ (отъ 5 января) онъ препровождаетъ на разсмотрѣніе Общества свою статью, подъ заглавіемъ «Остатки древнихъ сооруженій русскаго юговостока», съ составленной къ ней картой, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ готовность принять на себя, по указанію Общества, археологическое обслѣдованіе той или другой мѣстности въ Казанскомъ краѣ.

Опредѣлено: автора благодарить и просить г. предсѣдателя о разсмотрѣніи присланной статьи и сообщеніи Е. Т. Соловьеву, въ какихъ мѣстностяхъ можно бы было произвести археологическія изслѣдованія.

Во второмъ письмѣ Е. Т. Соловьевъ извѣщаетъ Общество, что въ непродолжительномъ времени онъ предполагаетъ окончить предпринятое имъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Обычное право Россіи», выпускъ котораго,

заключающій «Семейственное право», уже почти готовъ, но что предварительно онъ желалъ бы знать мнѣнія объ этомъ трудѣ и получить руководящія указанія отъ тѣхъ членовъ Общества, которые спеціально занимаются наукою права.

Опредѣлено: увѣдомить Е. Т. Соловьева, не угодно ли ему будетъ обратиться по настоящему предмету непосредственно къ Д. чл. Н. В. Калачову или прислать въ Общество I выпускъ своего труда, который и будетъ переданъ ему на разсмотрѣніе.

ж) Отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отношеніе, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что въ г. Полоцкѣ, при вырытіи земли для фундамента одного дома, найденъ довольно большой желѣзный перстень съ гербомъ; препровождая три отпечатка этого герба, Комитетъ проситъ Общество сообщить ему свое заключеніе объ этой находкѣ.

По разсмотрѣніи отпечатковъ, опредѣлено: увѣдомить Комитетъ, что, по формѣ буквъ, печать повидимому принадлежитъ къ XVIII вѣку и, кажется, должна читаться слѣдующимъ образомъ: «печ(ать) Як(ов)а Зе».

з) — Телеграфистовъ Харьковской Правительственной станціи, Берзенека и Козаченкова—письмо на имя г. предсѣдателя, въ которомъ они извѣщаютъ, что, по полученнымъ ими свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей, въ Харьковскомъ Хорошевскомъ монастырѣ, вблизи ограды, находится въ землѣ желѣзная дверь съ большими замками, за которою, какъ они предполагаютъ, могутъ быть скрыты какія-нибудь древности. Такъ какъ поданная ими просьба на Высочайшее имя о раскопкѣ этой двери оставлена св. Синодомъ безъ послѣдствій, то они рѣшились обратиться за совѣтомъ по этому дѣлу къ Московскому Археологическому Обществу. Къ этому телеграфисты присовокупляютъ, что, зная вообще тамошнюю мѣстность, они могли бы быть полезными Обществу археологическими раскопками, которыя они готовы производить тамъ на свой счетъ.

Опредѣлено: увѣдомить гг. Берзенека и Козаченкова, что, въ виду отказа св. Синода на ихъ просьбу, Общество не признаетъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслать имъ экземпляръ устава Московскаго Археологическаго Общества.

и) — Московскаго Архитектурнаго Общества—отношеніе, въ которомъ оно извѣщаетъ, что, получивъ увѣдомленіе о предполагающихся исправленіяхъ и передѣлкахъ въ Московскомъ Покровскомъ соборѣ, оно поручило особой коммиссіи изъ среды себя осмотрѣть на мѣстѣ проектируемыя исправленія и сдѣлать объ нихъ свое заключеніе. Сообщая объ этомъ, оно проситъ Археологическое Общество принять участіе, черезъ своихъ членовъ, въ совмѣстномъ съ коммиссіей осмотрѣ, 17 февраля, какъ самаго зданія, такъ и предположеній строителей.

Опредѣлено: согласно приглашенію Московскаго Архитектурнаго Общества, просить г. предсѣдателя, графа А. С. Уварова и членовъ: И. Е. Забѣлина, П. А. Артлебена и В. Е. Румянцова принять участіе въ осмотрѣ Покровскаго собора и проектируемыхъ въ немъ передѣлокъ, о чемъ и извѣстить Архитектурное Общество.

4. Секретарь Общества прочиталъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества съ 28 февраля 1876 года по 15 февраля 1877 года. Затѣмъ прочитанъ за то же время отчетъ г. казначея о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ Общества.

5. Членъ-корреспондентъ Т. В. Кибальчичъ прочиталъ: а) отчетъ о произведенныхъ имъ въ прошломъ году по порученію Общества раскопкахъ кургановъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, при чемъ представилъ на разсмотрѣніе собранія найденные въ нихъ предметы и б) сдѣлалъ сообщеніе о языческихъ памятникахъ Кіева.

6. Д. чл. Л. В. Даль представилъ на разсмотрѣніе собранія рисунки старинныхъ деревянныхъ церквей Олонецкаго края и доставилъ въ Общество краткій списокъ всѣхъ древнихъ церквей и монастырей Олонецкой губерніи.

Затѣмъ происходили выборы должностныхъ лицъ Общества.

Избраны:

Предсѣдателемъ графъ А. С. Уваровъ.
Товарищемъ Предсѣдателя К. К. Гёрцъ.
Секретаремъ В. Е. Румянцовъ.
Товарищемъ Секретаря И. Д. Мансветовъ.
Библіотекаремъ и Хранителемъ Музея А. Н. Веселовскій.
Казначеемъ А. И. Хлудовъ.
Товарищемъ казначея Н. П. Розановъ.

Членами Редакціоннаго Комитета:

К. К. Гёрцъ, архимандритъ Амфилохій и Н. А. Поповъ.

Членами Ревизіоннаго Комитета:

А. Н. Поповъ, Д. И. Иловайскій и В. Ѳ. Миллеръ.

Предложены въ Дѣйствительные члены, по § 7, графомъ А. С. Уваровымъ, К. К. Гёрцомъ и В. Е. Румянцовымъ:
Иванъ Дмитріевичъ Черскій въ Иркутскѣ.
Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ въ Казани.
Яковъ Яковлевичъ Волошинскій въ Кіевѣ.
Николай Дмитріевичъ Квашнинъ-Самаринъ въ Зубцовѣ.
Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій въ С. Петербургѣ.
Николай Григорьевичъ Керцелли въ Москвѣ.
Дмитрій Ѳомичъ Кобеко въ С. Петербургѣ.

Въ Члены дѣйствительные:

Баронъ Николай Казимировичъ Богушевскій во Псковѣ.
Платонъ Осиповичъ Бурачковъ въ Херсони.
Георгій Петровичъ Алексѣевъ въ Екатеринославлѣ.

№ 129. 1877 года марта 7 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. И. Костомарова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. А. Попова, Д. В. Разумовскаго, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

А) книгами,

а) Отъ чл. кор. А. А. Хованскаго: Филологическія записки. Выпускъ VI. Воронежъ, 1876.

б) — Кіевской Духовной Академіи: «Труды», январь. Кіевъ, 1877.

в) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», февраль. С.-Петербургъ, 1877.

г) — Харьковскаго Университета: «Записки», томъ II. Харьковъ, 1876.

д) — Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Отчетъ съ 14 ноября 1875 по 14 ноября 1876 годъ. Одесса, 1877.

е) — Югославянской Академіи Наукъ: Rad, knjiga XXXVII. U Zagrebu. 1876.

В) вещами,

Отъ Императорской Академіи Наукъ: бронзовая медаль, выбитая по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Академіи.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія—письмо на имя г. предсѣдателя, съ просьбою о доставленіи въ Департаментъ Министерства изданій Общества для отсылки въ Черновицкій университетъ, согласно ходатайству о томъ профессора означеннаго университета д-ра Ганкевича.

Опредѣлено: выслать въ Департаментъ Министерства просимыя изданія.

б) — Московскаго отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ—увѣдомленіе, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14 день минувшаго февраля, Высочайше соизволилъ на предоставленіе Московскому Археологическому Обществу права получать изъ-за границы книги для библіотеки Общества безъ цензурнаго просмотра, съ тѣмъ, чтобы Общество при выпискѣ книгъ каждый разъ предувѣдомляло С.-Петербургскій Комитетъ цензуры иностранной, или Московскаго отдѣльнаго цензора, какія книги, сколько числомъ, когда и какимъ путемъ выписаны.

в) — Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—отношеніе на имя г. предсѣдателя, съ изъявленіемъ благодарности за высылку «Трудовъ» перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году.

г) — Московскаго Архитектурнаго Общества—протоколъ засѣданія 17

февраля Коммиссія, назначенной отъ Московскихъ Обществъ: Архитектурнаго, Археологическаго и Древнерусскаго искусства, о разсмотрѣніи проекта передѣлокъ въ Московскомъ Покровскомъ соборѣ, составленнаго П. С. Кампіони.

д) — чл. корр. Е. Т. Соловьева—отношеніе съ препровожденіемъ двухъ составленныхъ имъ изслѣдованій: 1) Древности русскаго востока и 2) Народныя музыкальныя орудія средняго и нижняго Поволжья.

Опредѣлено: автора благодарить, а доставленныя имъ статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

4) Секретарь сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ отчета чл. кор. Л. Леже о III Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, присланнаго авторомъ въ корректурныхъ листахъ, для предъявленія Обществу.

5. Д. чл. К. К. Гёрцъ прочиталъ извлеченіе изъ письма къ нему директора Керченскаго Музея А. Е. Люценко отъ 15 февраля, по поводу статьи: «Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII вѣка до 1859 года» (К. К. Гёрца), напечатанной въ «Трудахъ» Общества.

6. Д. чл. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ». Указавъ на то, что успѣхи, достигнутые въ настоящее время въ изученіи древняго періода культуры Азіи, все болѣе и болѣе уясняютъ вліяніе Востока на культуру и миѳологію древней Греціи, референтъ остановился на разборѣ миѳа о гибели Ніобы и ея дѣтей, какъ на образцѣ миѳологическаго сюжета, перешедшаго съ Азіатскаго Востока на почву Эллады. Обративъ прежде всего вниманіе на географическую область этого миѳа, авторъ указалъ на то, что сказаніе о Ніобѣ прикрѣплено съ одной стороны къ области Ѳивъ въ Беотіи, проникнутой въ значительной степени финикійскимъ вліяніемъ; съ другой—къ области долины Герма и горы Сипила въ Малой Азіи. Миѳъ о печальной участи Ніобы сложился, по мнѣнію референта, подъ вліяніемъ фригійскаго культа богинаматери, при чемъ на одну черту миѳа, именно окаменѣніе Ніобы, оказало вліяніе изображеніе сидящей женщины на горѣ Сипилѣ, которое было извѣстно уже въ глубокой древности. Указавъ далѣе на значеніе Ніобы, какъ богини и соперницы Леты, референтъ выяснилъ, что основной мотивъ этого малоазійскаго миѳа состоитъ въ борьбѣ двухъ женъ одного верховнаго бога, изъ которыхъ одна имѣетъ много дѣтей, а другая только двоихъ, при чемъ борьба кончается гибелью дѣтей плодовитой матери. Въ этомъ основномъ своемъ видѣ миѳъ о Ніобѣ находитъ параллель въ индусскомъ—о двухъ женахъ соперницахъ бога Кашьяпы, и авторъ выяснилъ это тождество преданій подробнымъ ихъ сопоставленіемъ. Въ одной изъ индусскихъ редакцій разбираемаго миѳа находится вмѣстѣ съ тѣмъ и туземное, очень древнее истолкованіе его. Двѣ жены соперницы оказываются олицетвореніемъ неба и земли. У одной только двое дѣтей—солнце и заря (или луна); другая изобилуетъ дѣтьми, т. е. производитъ богатую растительность. Но въ періодъ лѣтняго зноя произведенія земли гибнутъ отъ жгучихъ лучей солнца.

7. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ обратилъ вниманіе Общества на представленный г. Кибальчичемъ въ предыдущемъ засѣданіи небольшой сосудъ, описанный въ его каталогѣ подъ № 334. Онъ былъ найденъ г. Кибальчичемъ въ курганахъ у села Аксютинецъ, Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи, сдѣланъ отъ руки и представляетъ ту особенность, что на его поверхности выгравированы двѣ свастики и два креста, при чемъ соблюденъ постепенный переходъ отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Оставляя въ сторонѣ изображеніе креста, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію свастики или знака пожеланія счастія и благополучія у Индійцевъ. Этотъ знакъ находимъ былъ и на разныхъ доисторическихъ памятникахъ западной Европы и даже Малой Азіи, что было изложено подробно референтомъ. У насъ въ Россіи онъ встрѣчается въ первый разъ въ памятникѣ, открытомъ г. Кибальчичемъ, но, къ крайнему сожалѣнію, остается совершенно неизвѣстнымъ, съ какими другими предметами онъ былъ найденъ, такъ что время этого сосуда даже и приблизительно не можетъ быть опредѣлено.

8. Секретарь изложилъ содержаніе статьи, доставленной іеромонахомъ Пафнутіемъ и заключающей въ себѣ одну изъ полемическихъ его бесѣдъ съ старообрядцами въ Кремлѣ. Предметъ этой статьи—объясненіе нѣкоторыхъ постановленій Стоглаваго собора 1666—1667 гг.

№ 130. 11 апрѣля 1877 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ К. К. Гёрца, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и товарища секретаря И. Д. Мансветова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Ежегодникъ, томъ I, выпускъ 2-й. Владиміръ, 1877.

б) — чл. кор. И. А. Голышова: Древняя науза, или амулетъ. съ изображеніемъ крещенія Господня, XIII—XIV вѣка. Владиміръ, 1876.

в) — Новороссійскаго Университета: Записки, томъ XXII. Одесса, 1877.

г) — Министерства Народнаго Просвѣщенія «Журналъ», мартъ 1877. С.-Петербургъ.

д) — Кіевской Духовной Академіи: «Труды», февраль 1877. Кіевъ.

е) — Д. чл. д-ра г. Ванкеля: Gleichzeitigkeit des Menschen mit dem Höhlenbären in Mähren, von Dr. Heinrich Wankel. Wien, 1877.

ж) — Эстонскаго ученаго Общества: Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Dorpat, 1877.

з) — Д. чл. Н. П. Кондакова: Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей, Н. Кондакова. Одесса, 1877.

и) — Югославянской Академіи: 1. Rad, knjiga XXXVIII. U Zagrebu, 1877, и 2. Commissiones et relationes Venetae, tomus I. Zagrabiae, 1876.

і) — Іеромонаха Филарета: Старопечатный Номоканонъ и его свидѣтельство о числѣ просфоръ на проскомидіи. Москва, 1876.

к) — Іеромонаха Пафнутія, Записки по народнымъ бесѣдамъ: 1. О церковныхъ обрядахъ, 2. О символѣ вѣры и 3. О Полемическихъ книгахъ. Москва, 1877.

л) — Чл. кор. свящ. Богословскаго: Святая Софія въ Великомъ Новгородѣ.

м) — В. Ѳ. Миллера: Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». Москва, 1877.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія письмо на имя г. предсѣдателя, съ извѣщеніемъ о назначеніи изъ суммы Государственнаго Казначейства ежегоднаго пособія Московскому Археологическому Обществу по 3000 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Опредѣлено: означенное извѣщеніе г. Министра принять къ свѣдѣнію.

б) — Изъ Владиміра на Клязьмѣ письмо на имя секретаря Общества въ которомъ извѣщается объ опасности, угрожающей отъ передѣлки замѣчательному памятнику древнерусской церковной архитектуры XII вѣка— Покровскому собору близъ Боголюбова. Авторъ письма, во время своей поѣздки въ Боголюбовъ монастырь, былъ удивленъ, увидѣвъ этотъ соборъ покрытымъ лѣсами, и когда обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства на мѣстѣ, то узналъ, что одинъ изъ Владимірскихъ подрядчиковъ, Ероѳѣевъ, задумалъ на свой счетъ поновить извнутри и снаружи Покровскій соборъ, именно—вычистить стѣны, поновить прилѣпы, покрывающіе фасады, отчистить и закрасить штукатурку внутри. Изъ разспросовъ автора письма оказалось, что эта предполагаемая реставрація находится въ рукахъ людей невѣжественныхъ, а потому угрожаетъ совершеннымъ истребленіемъ древнихъ настѣнныхъ фресокъ, присутствіе которыхъ открыто было Академикомъ Сонцевымъ.

Опредѣлено: снестись съ Владимірскимъ епархіальнымъ начальствомъ о немедленной остановкѣ передѣлокъ, поставивъ на видъ, что Покровская церковь въ спискѣ памятниковъ, составленномъ Высочайше утвержденною Коммиссіею для сохраненія древнихъ памятниковъ, отнесена къ числу неприкосновенныхъ.

в) — Чл. кор. Т. В. Кибальчича сообщеніе о находкахъ, сдѣланныхъ студентомъ Кіевскаго Университета В. Куницкимъ, при раскопкѣ одного кургана въ Тверской губерніи, у села «Городище» Зубцовскаго уѣзда. Въ этомъ курганѣ, на глубинѣ, приблизительно, одной сажени отъ поверхности, найденъ былъ костякъ, обращенный головою къ востоку, а около черепа нѣсколько металлическихъ украшеній, именно—толстый серебряный браслетъ, четыре бронзовыхъ тонкихъ браслета, паянное витое кольцо и восемь серебряныхъ медальоновъ. Вмѣстѣ съ сообщеніемъ, г. Кибальчичъ доставилъ и снимки съ найденныхъ предметовъ.

Опредѣлено: благодарить г. Кибальчича за сообщенныя свѣдѣнія, а самое сообщеніе передать въ Редакціонный Комитетъ.

г) — библіотекаря Королевской Академіи Наукъ въ Мюнхенѣ изъявленіе благодарности за присланные Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 2 и 3 выпуски VI тома его «Трудовъ», съ просьбою о высылкѣ недостающихъ томовъ этого изданія.

Опредѣлено: принять означенное заявленіе къ свѣдѣнію.

4. Товарищъ Секретаря прочиталъ отзывъ д. чл. Н. А. Попова относительно предложенія чл. кор. Е. Т. Соловьева объ изданіи составленнаго имъ сочиненія «Древности русскаго юговостока»:

«Предложеніе члена-корреспондента Общества Е. Т. Соловьева объ изданіи составленнаго имъ сочиненія «Древности русскаго юговостока» заслуживаетъ вниманія Общества. Недостатокъ въ библіографическихъ пособіяхъ при изученіи прошлыхъ судебъ различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества чувствуется на каждомъ шагу какъ археологами, такъ и историками. Въ этомъ отношеніи попытка г. Соловьева собрать матеріалы для археологической библіографіи по двѣнадцати губерніямъ, особенно при тѣхъ умѣренныхъ условіяхъ, какія онъ предлагаетъ, и въ виду того, что при его сочиненіи будетъ археологическая карта, должна быть, по моему мнѣнію, поддержана Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, какъ прямо входящая въ область его занятій. За пособіе въ 400 рублей Археологическое Общество получитъ, согласно обѣщанію автора, изъ 1200 экземпляровъ всего изданія 1175. Я бы даже предложилъ Обществу ограничиться принятіемъ 1100 экземпляровъ, предоставивъ остальные сто самому автору, въ вознагражденіе за его трудъ.

Считаю однакожъ нелишнимъ присоединить слѣдующія три замѣчанія:

1. Въ матеріалы для археологической библіографіи русскаго юговостока справедливѣе было бы ввести губерніи: Оренбургскую, Саратовскую и Астраханскую, вмѣсто Рязанской, Курской и Тамбовской; между тѣмъ какъ въ программѣ автора три первыя пропущены, а три послѣднія упомянуты. Конечно, если матеріалъ для сихъ послѣднихъ уже готовъ, то удалять его изъ изданія нѣтъ надобности; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дополнить изданіе матеріаломъ для трехъ вышеназванныхъ восточныхъ губерній.

2. Желательно бы знать, почему матеріалъ, собранный авторомъ для упоминаемыхъ въ его программѣ губерній, заключаетъ въ себѣ только 6000 статей, между тѣмъ какъ указатель литературы по одной Казанской губерніи за послѣднія 50 лѣтъ, составленный имъ же по порученію Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда, заключаетъ въ себѣ 13000 статей. Самъ же авторъ нигдѣ не объясняетъ, вошла ли въ его Казанскую библіографію одна только Археологическая литература, или всѣ другія отрасли знаній, хотя назначеніе этой библіографіи для Археологическаго Съѣзда и указываетъ, по видимому, на ея археологическое содержаніе.

3. Желательно, чтобы въ предисловіи къ своему труду авторъ ограничился однимъ обзоромъ или сводомъ собранныхъ имъ изъ знакомства съ

археологической литературой, имъ описанной, фактическихъ данныхъ, и не пускался въ догадки и предположенія.

Въ заключеніе, обращу вниманіе Общества на то, что авторъ нуждается въ скорѣйшемъ отвѣтѣ на его предложеніе и въ таковомъ же предоставленіи ему права пользоваться для окончанія своего труда книгами Московскихъ библіотекъ, принадлежащихъ какъ Археологическому Обществу, такъ и другимъ учрежденіямъ, въ помѣщеніи самыхъ библіотекъ».

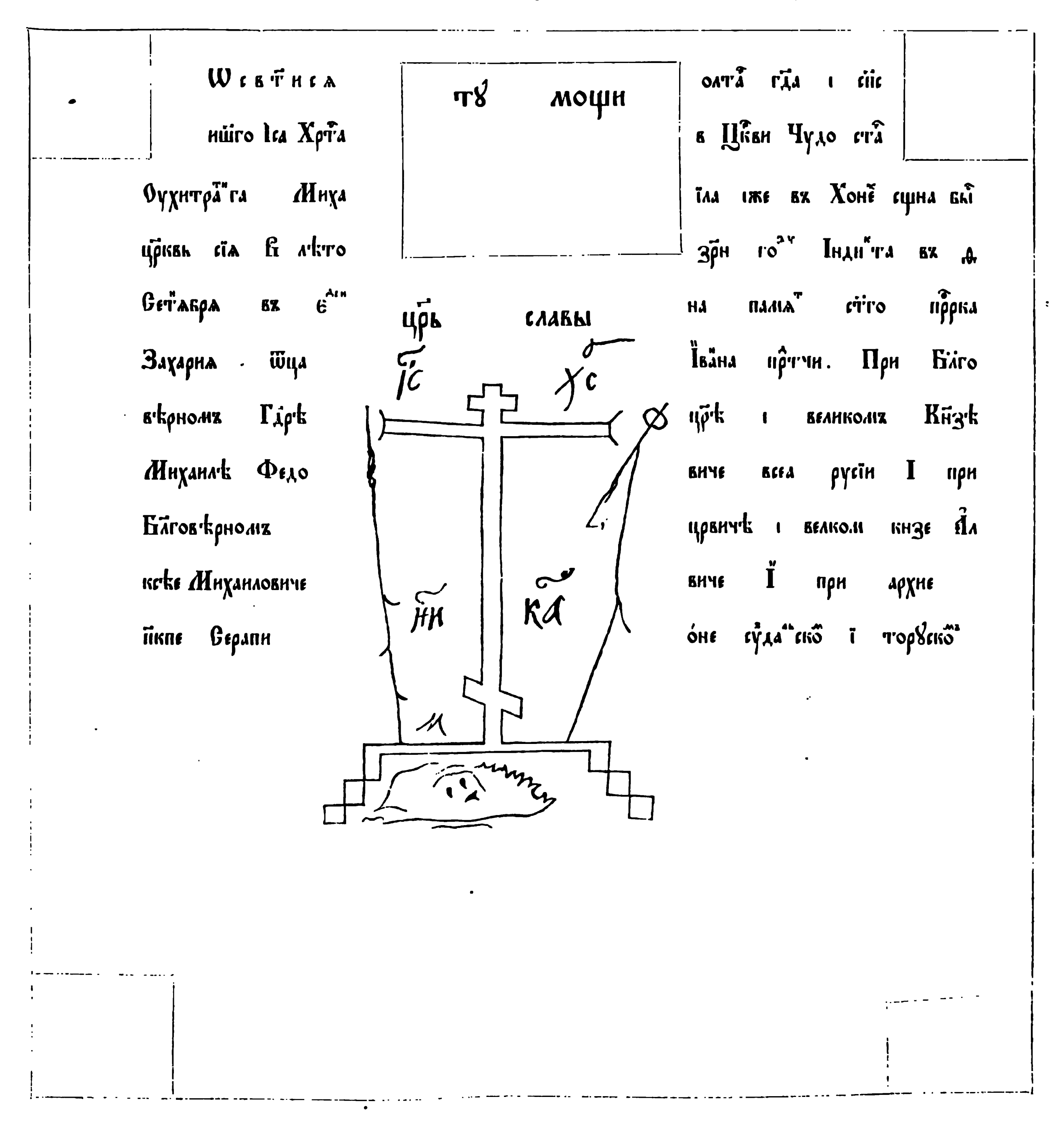
Опредѣлено: обсужденіе этого вопроса, за неприсутствіемъ достаточнаго числа членовъ, отложить до будущаго засѣданія.

5. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ сообщилъ о раскопкахъ г. Шлимана въ Микенахъ (въ Греціи). Сперва онъ представилъ краткія свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ этого города и его географическомъ положеніи, а потомъ подробно изложилъ топографію акрополиса и нижняго города. Эту мѣстность, современную древней Троѣ, въ истекшемъ году избралъ мѣстомъ своихъ раскопокъ г. Шлиманъ, котораго многоразличныя судьбы и похожденія были подробно разсказаны. Потомъ авторъ очертилъ предварительныя раскопки, произведенныя г. Шлиманомъ въ Микенахъ въ 1874 году, и наконецъ перешелъ къ раскопкамъ въ 1876 году. Здѣсь онъ обратилъ преимущественно вниманіе на открытіе царскихъ гробницъ на акрополисѣ Микенъ, въ которыхъ найдено было множество золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей. Сперва докладчикъ представилъ мнѣніе объ этихъ гробницахъ и ихъ времени самого г. Шлимана, а потомъ перешелъ къ критикѣ этихъ предположеній, высказанной нѣмецкими археологами. Рѣшеніе спорнаго вопроса, принадлежатъ ли открытыя гробницы Агамемнону и его современникамъ, должно быть отложено до болѣе подробнаго изученія самихъ предметовъ и выхода въ свѣтъ сочиненія о нихъ г. Шлимана.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ К. Н. ТИХОНРАВОВА.

СНИМКИ СЪ ДВУХЪ СУЗДАЛЬСКИХЪ АНТИМИНСОВЪ, ПИСАННЫХЪ НА ХОЛСТѢ.

а) При Архіепископѣ Серапіонѣ Суздальскомъ и Торусскомъ, 1642 г.

в) При Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи Іосифѣ, 1649 г.

ѻсщ҃нса олта́
нашего і҃са х҃а
ст҃ы́хъ вели́ко

рь г҃а бг҃а и сп҃са
в҃ цр҃кви
м҃ученикъ

ѳлора̀ и́
сщ҃е́на
цр҃ковь
҂зрнз го го^ду
первäго
мѣсеца
на памѧ҃т
ѿца на
архиепи
др҃ійскаго
цр҃ѣ и вели
алеѯее ми

лавра̀
бы́сть сїѧ
в лѣто
і҃ индикта
і҃юнѧ въ д҃ днь
иже во ст҃ыхъ
шего Кири́лла
скопа а҃леѯан
при Благовѣрн҃
комъ кнзѣ
хаиловиче всїѧ

Русин і при патриархѣ московско҃ и всеѧ русін
и Іосифе.

10 =
025434
1229

